

ISSN 2313-612X

Крымский научный центр
Института истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан

**К Р Ы М С К О Е
И С Т О Р И Ч Е С К О Е О Б О З Р Е Н И Е**



**C R I M E A N
H I S T O R I C A L R E V I E W**

№ 1

2015

Казань – Бахчисарай

Учредитель
ГБУ «Институт истории имени Шигабутдина Марджани
Академии наук Республики Татарстан»

Журнал основан в апреле 2014 г. Решением Ученого Совета
Института истории им. Ш. Марджани АН РТ

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-59824
от 17 ноября 2014 г. выдано Роскомнадзором

Выходит 2 раза в год

Главный редактор
Р.С. Хакимов (Казань)

Заместитель главного редактора
Э.Х. Сейдаметов (Бахчисарай-Симферополь)

Редактор английских текстов
Л.С. Сейтхалилова (Симферополь)

Редактор крымскотатарских текстов
Н.С. Сейдаметова (Симферополь)

Редактор татарских текстов
Л.Р. Муртазина (Казань)

Редакционный совет:
М.Г. Крамаровский, И.М. Миргалеев,
И.В. Зайцев, Г.Р. Альтин

Редакционная коллегия:

Халил Инальджик (Анкара, Турция), Г.Т. Бекирова (Симферополь),
Г.Ф. Габдрахманова (Казань), М.М. Гибатдинов (Казань),
Р.Р. Сабитов (Париж, Франция), Т.Б. Усеинов (Симферополь),
А.И. Галенко (Киев, Украина), А.А. Непомнящий (Симферополь),
Эдвард Лазерини (Блумингтон, США),
Брайан Глин Вильямс (Дартмут, США),
А.М. Меметов (Симферополь), И.А. Керимов (Симферополь),
Ильяс Кемалоглу (Стамбул, Турция),
Грета Лин Улинг (Мичиган, США),
Н.С. Сейтягьяев (Симферополь),
Ионуц Кожокару (Бухарест, Румыния),
У.К. Мусаева (Симферополь),
Н.М. Акчурина-Муфтиева (Симферополь),
В.П. Кирилко (Симферополь), Р.Р. Салихов (Казань),
Д.П. Урсу (Одесса, Украина), Идиль Измирли (Вашингтон, США),
Р.Д. Куртсеитов (Симферополь), А.М. Эмирова (Симферополь),
Э.И. Сейдалиев (Симферополь), Г.Н. Кондратюк (Симферополь)

Технический редактор

Л.Ф. Байбулатова

Адрес редакции:

420014, г. Казань, Кремль, подъезд 5,
Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ
Тел./факс (843) 292 84 82 (приемная)

Республика Крым, г. Бахчисарай, Салачик, ул. Басенко, 57 «Л»,
Крымский исторический музей «Ларишес» (комплекс «Девлет-Сарай»)
Крымский научный центр Института истории им. Ш.Марджани АН РТ

E-mail: crimeanhr@gmail.com

Founder
**State Budgetary Institution «Shigabutdin Marjani Institute
of History of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan»**

Journal was founded in April 2014 by the decision of
the Scientific Council of Sh. Marjani Institute of History of AS RT

The certificate of registration of mass media ПИ № ФС77-59824
given by Roskomnadzor on 17 November 2014

Published 2 times a year

Editor-in-chief

R.C. Khakimov (Kazan)

Deputy Editor-in-Chief

E.Kh. Seydametov (Bakhchisaray-Simferopol)

English texts editor

L.S. Seytkhalilova (Simferopol)

Crimean Tatar texts editor

N.S. Seydametova (Simferopol)

Tatar texts editor

L.R. Murtazina (Kazan)

Editorial council:

M.G. Kramarovsky, I.M. Mirgaleev,
I.V. Zaytsev, G.R. Altin

Editorial board:

Halil İnalçık (Ankara, Turkey), G.T. Bekirova (Simferopol),
G.F. Gabdrakhmanova (Kazan), M.M. Gibatdinov (Kazan),
R.R. Sabitov (Paris, France), T.B. Useinov (Simferopol),
A.I. Galenko (Kiev, Ukraine), A.A. Nepomnyashchiy (Simferopol),
Edward J. Lazzerini (Bloomington, USA),
Brian Glyn Williams (Dartmouth, USA),
A.M. Memetov (Simferopol), I.A. Kerimov (Simferopol),
Ilyas Kemalöđlu (Istanbul, Turkey),
Greta Lynn Uehling (Michigan, USA),
N.S. Seytyagyaev (Simferopol), Ionut Cojocaru (Bucharest, Romania),
U.K. Musaeva (Simferopol), N.M. Akchurina-Muftieva (Simferopol),
V.P. Kirilko (Simferopol), R.R. Salikhov (Kazan),
D.P. Ursu (Odessa, Ukraine), Idil P. Izmirli (Washington, USA),
R.D. Kurtseitov (Simferopol), A.M. Emirova (Simferopol),
E.I. Seydaliev (Simferopol), G.N. Kondratyuk (Simferopol)

Technical editor

L.F. Baybulatova

Editorial Office Address:

420014, Kazan, Kremlin, entrance 5, Sh. Marjani Institute of History of AS RT
Tel./Fax (843) 292 84 82 (reception)

The Republic of Crimea, Bakhchisaray, Salachik, 57 «L», Basenko str.,
Crimean Historical Museum «La Richesse» (complex «Devlet-Saray»)
Crimean Scientific Center of Sh. Marjani Institute of History of AS RT

E-mail: crimeanhr@gmail.com

Содержание

История и современность

Рефат Абдужемилев. Этнотерриториальные наименования в контексте документации Крымского ханства	8
Юсуп Идрисов. Краткий обзор истории политических взаимоотношений феодальных владетелей Северо-Восточного Кавказа с Крымским ханством	22
Андрей Непомнящий. Источники для восстановления историко-этнографического корпуса довоенного крымоведения	30
Ярослав Пилипчук. Гедиминовичи и Джучиды в 1380–1480 гг. (украинский и молдавский аспекты)	58
Ярослав Пилипчук. Татары и Киевская земля (1362–1471)	91
Роман Почекаев. Две попытки восстановления Золотой Орды в первой четверти XVI в. (политико-правовые аспекты)	120
Эльвина Сеитова. Государственная переселенческая программа в Крыму (1944–1976) как демографический фактор	146
Greta Lynn Uehling. Memory, History and Coexistence in Crimea	159

Литература и язык

Ление Демирджаева. Народные традиции и фольклор в лирике Эшрефа Шемьи-заде	167
Исмаил Асаногьлу Керим. Билял Терлекчининь (1886–1965) лугъат чалышмалары	176
Ахтем Мазинев. Автохтонные языки Крыма в индоевропейско-тюркской языковой контактной зоне	189

Культура

Улькер Мусаева. Развитие музейного строительства в Крымской АССР: экспедиционная деятельность музеев, охранные раскопки	197
Эльвиз Османов. Ремесленное производство в Бахчисарае в XIX в.	204

Наследие

Эльмира Абибуллаева. Роль женщины в видении Исмаила Гаспринского (перевод на русский язык очерка И. Гаспринского «Женщины»)	216
Исмет Заатов. Крымскотатарская история и «Джами ат-таварих» Жалаири в творчестве Чокана Валиханова	232
Адилъ Шемшединов. Легенды и сказания кумыков	245

Новые издания: рецензии, отзывы

Лилия Байбулатова. Новые источники по истории Гражданской войны в Крыму. Рец. на: Гражданская война в России и мусульмане. Сборник документов и материалов / Сост., предисл. и примеч. С.М. Исхаков (М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2014. 816 с.)	255
---	-----

Хроника

События декабря 2014 г., января-февраля 2015 г.	258
Список сокращений	265
Правила для авторов	266
Instructions to authors	269

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ



УДК 811.512.19(04)

Этнотерриториальные наименования в контексте документации Крымского ханства

Рефат Абдужемилев

(Крымский инженерно-педагогический университет)

Аннотация. В статье рассматривается вопрос употребления в крымскотатарских ярлыках понятий, связанных с этнотерриториальными особенностями устройства Крымского ханства. Автор дает интерпретацию главных понятий, прослеживает стадии их функционирования на примерах различных источников. Показана степень употребительности наименований.

Ключевые слова: Дешт-и Кипчак, улус, орда, Крым, юрт, татар, Крымское ханство.

В изучении истории письменного делопроизводства Крымского ханства важным объектом выступают этнотерриториальные понятия. Они представляют собой унификацию, в которой отражена суть государственного образования крымских татар. Одновременно отдельные детали подчеркивают масштабы территорий, на которые распространялась власть крымских правителей. Смысл заключается в том, что с пространственно-географической позиции государство не ограничивалось только Крымским полуостровом, выполнявшим роль административного центра. В самоиден-

тификации, встречающейся в различных документах, акценты расставлены на истоках формирования Крымского ханства: Кипчакской степи и Золотой Орде. Самым существенным аспектом является выделение Крыма на фоне этих истоков, поскольку Крым унаследовал традиции, сложившиеся на протяжении многих веков и стал мощным центром нового образования.

В этой связи ключевыми элементами/обозначениями выступают такие понятия как Дешт-и Кипчак, улус, орда, Крым и татары. Именно они будут объектом рассмотрения в настоящей статье. Задача заключается в выявлении функционирования упомянутых наименований в текстах крымскотатарских ярлыков.

Крым являлся провинцией великой империи Кипчак. Практически весь полуостров длительное время считался владением половцев (кипчаков). Целая эпоха ознаменовала собой развитие большей части Восточной Европы. Название Дешт-и Кипчак прочно утвердилось и в золотоордынский период. Первоначально так называлась степь, раскинувшаяся между Доном и Волгой, где кочевали печенеги, половцы (команы). После основания Улуса Джучи более широко стало употребляться название «Кыпчакская орда». Обозначение Дешт-и Кипчак распространялось на значительные территории Евразии. Территориально Кипчакская степь простиралась от берегов Днестра до Киргизских степей и Сыр-Дарьи включительно [7, с. 177].

В словаре Л. Будагова термин «кипчак» интерпретируется следующим образом: «Кипчак или Дешт-и Кипчак (степь кипчакская) – название страны, расположенной вдоль северного берега Каспийского и Черного морей; ханы Кипчака, происшедшие от Чингисхана и царствовавшие в Казани, Астрахани и пр. до 1500 г.; слово кипчак по толкованию Абуль Газы на древнетюркском языке означало дуплистое дерево; жена одного из воинов Чингиса, убитого в сражении, родила сына в дуплистом дереве, который и получил прозвище Кипчак; ему впоследствии Чингис поручил страны на берегах Волги и Дона; от него произошло народонаселение и название Кипчак» [4, с. 37].

Слово «кипчак» объясняется как «выдолбленный ствол дерева» и по другой версии: существует легенда о рождении одного мальчика в дупле дерева; мальчик подобран Огуз-ханом и получил от него в удел отдельную область [1, с. 550]. Славяне называ-

ли кипчаков половцами, а западные европейцы – «команами»; позднее название Кипчак было перенесено на государство Золотой Орды.

Историк Али-эфенди дает описание Дешт-и Кипчака таким образом: «Владения Дешт-и Кипчак составляют исконно принадлежащее татарскому племени обширное государство. К восточной от него стороне находятся области Хорезм и Анзар (Отрар); а к западной – области Рус и Булгар. Столицы этих упомянутых владений суть города: Крым, Ортак (?), Сарачук, Хаджи-Тархан, Азак, Кафа, Аздарган, Керчь и Тамань» [12, с. 55].

Согласно востоковеду В. Смирнову, территориальные владения крымских ханов называются в различных тюркских письменных памятниках как Дешт-и Кипчак, так и Крым [12, с. 52]. Наименование Дешт-и Кипчак является старым и вследствие территориальных особенностей характеризуется таким параметром как широта земель. Во многих исторических трудах встречается это название как указание на границы пространства, некогда подконтрольного предкам крымских татар. Уже в документах, относящихся к правлению крымских ханов, Дешт-и Кипчак употребляется для выделения наследственности, а не для представления о территориальных владениях. В своей хронике «*Tevarih-i Tatar Han ve Dağıstan ve Moskov ve Deşt-i Qırçaq Ülkeleriniñdir*» («История татарских ханов, Дагестана, Москвы и народов Дешт-и Кипчака», XVIII в.) крымский автор Кефеви Ибрахим эфенди затрагивает идею кипчакского наследия Крымского ханства: «...*El-yevm cem'i huquq ve unvan ve elkab-ı Deşt-i Qırçaq cihangüşa-yı Cengiz Hanzade ibn-i kebiri Cuçi Han neslinden olan Qırım Hanlarına münhasır ve mütealliktir...*» («...и общие права и обязанности Дешт-и Кипчака присущи крымским ханам, потомкам сына завоевателя Чингисхана, великого Джучи хана») [14, с. 729].

Единую нить, связывавшую Крымское ханство с Дешт-и Кипчаком в государственном и географическом планах, проследил историк Мюнеджим-баши (XVII в.): «...Когда кого-нибудь называют падишахом Дештским, то этим хотят обозначить правящего всеми кочующими в тех степях племенами. Одна линия из царей Дештских идет от рода Бату и Орда, детей Джучи, вплоть до Мухаммед султан-бин-Тимур-султана. Они раньше упоминались. Дети же Мухаммед султана не титуловались царя-

ми Дешти (mülük Deşt); они царями Крыма (mülük Qırım) называются по той причине, что Мухаммед султан вышеописанным образом избрал Крым столицей государства» [12, с. 58–59].

В сочинении Дженнаби (ум. 999/1590(1) г.) по истории различных династий, правивших на востоке, отмечается, что хан Менгли Герай стал во главе территорий Кипчакской степи (раздел «mülük El-Deşt» / «владельцы Дештские»): «Es-sultan el-mebrur alı mesuale ve qaled Meñli han memleket *El-Deşt* ve ‘itat el-tabl ve el’alem ve irsale eli belâdet sahibet cema’at men el-‘asker felma vasıl Meñli Geray eli belâd *El-Deşt* istiqbale Eminek bek ba’sker *El-Deşt* ferhabua be ve iclesut eli serir el-melik be-Qırım ve haza ol vilâyet tülaha es-salâtin el-Asmaniye bilâd *El-Deşt*...ve fi hudud sene 920 tufi Meñli Geray han sahib *el-Deşt* ve kan men ihsan el-mulük sired ve mülk» [5, с. 105] / «Благоверный султан согласился на просьбу Эминек, пожаловал Менгли-хану царство *Дештское*, даровал ему барабан и знамя, и послал его в его землю в сопровождении войска. Когда Менгли Гирей прибыл в *Дешт*, Эминек-бик встретил его с *Дештским* войском. Хана приняли с восторгом и посадили на престол в Крыму. Это была первая земля в *Деште*, которая признала над собою власть государей Османских... Около 920 (1514,5) г. скончался Менли Гирей хан, владелец *Дешта*; он был один из лучших государей» [5, с. 103].

Упоминание о Кипчаке как о территориях за пределами Крыма (все же под властью крымских правителей) встречается в двух известных тарханных ярлыках Менгли Герая: «...Qamış Buruncuqda Kerç içindaki Kerçka sanlı yerdaki azğan-tozğan iller Qırımında Kefede Azaqda *Qırçaqda* bolsa qol yancannler...» [9, с. 12] («...на бродящих и шатающихся людей из внутренностей Керчи-Камыша и Бурунджука, из мест причисленных к Керчи, если они [бродяги] будут в Крыму, Кафе, Азове и *Кипчаке*, налагают руку...») [с. 13]; «...besa Kerç-Ercaniñ azğan tozğan kişileri Qırımında Kefeda *Qırçaqda* qayda taqı bolsa babmaniñ konusu birle çıqarub bersunler...» [9, с. 18] («...бродящих и шатающихся людей из Керчь-Эрджа, будут ли они в Крыму, в Кафе, в *Кыпчаке* и где бы ни было, наложив руку, беспрекословно выведя, пусть отдадут...») [9, с. 19].

Другими важными наименованиями в крымскотатарских ярлыках выступают слова «орда» и «улус». Данные наименования,

будучи включенными в понятийный аппарат Крымского ханства и став его неотъемлемыми элементами, прочно утвердились в письменных источниках. Посредством этих терминов передан смысл о военной и административной организации тюркских народов и непосредственно крымских татар. Тюркские кочевые народы, поколения и роды, и их жилища обозначаются разными наименованиями, из которых самые употребительные: улус, юрт, орду/орда. Улус означает владение, преимущественно, в наследственном отношении – то же, что «уделы»; юрт – в отношении к местности; орду – ханское становище, «лагерь» [8, с. 577].

Под словом орда/орду у древних татар подразумевался сбор всех семейств или подразделений одного и того же рода с целью идти против неприятеля или по другим причинам, вследствие этого оно приняло значение стана, лагеря, местопребывание хана; в уйгурском языке означает дворец хана, ставка предводителя войска, армия, корпус [3, с. 124].

Ярлык хана Тохтамыша, адресованный польскому королю Ягайлу, начинается словами «Uluğ *ordağa* oltuğın ırğanıñ» [2, с. 16] («чтобы дать знать о восшествии на престол *Великой Орды*» [2, с. 37]), а заканчивается – «...*Ordu Danda irdikde bitkulmiş*» («...ярлык писан...когда *Орда* находилась на реке Дон») [2, с. 16]. В ярлыках крымских правителей понятие «орда» часто употребляется наряду с различными топографическими названиями для выделения локализации. К примеру, тарханные ярлыки Менгли Герая (Ходжа-Беку и Махмудеку) имеют концовки: «...*Ordu el-mi'azzam Qırq Yerda bitildi*» [9, с. 4] («...когда *возвеличенная Орда* находилась в Кырк-ере») [9, с. 4]; «...*Orda Meraşda iğürda bitildi*» [9, с. 12] («...когда *Орда* была в Мераше») [9, с. 13]. Ярлык Мухаммед Герая написан «когда *Орда* находилась в благословенном Крыму» [9, с. 19] («...*Orda mubarek Qırımда irda bitildi*» [9, с. 18]).

Следующим наименованием, связанным с Золотой Ордой, является тюркский термин «улус». Улус – народ, большое, племя, орда; улус бек или эмир улус – равняется почетному званию, которое давалось арабскими халифами правителям нескольких областей. Ибн Батута в своем путешествии говорит «*Emir Ulus man'a emir el-umera*» – «эмир улуса, значит эмир эмиров – генерал губернатор». Словарь к стихотворениям Мир Алишира пере-

водит слово улус словом «халкъ» – народ. Иногда принимается это слово в значении армии, как в постановлениях эмира Тимура. Улус включает в себе народ и армию и провинции, которые подчинялись хану. Поэтому его можно передать словом удел в обширном смысле, в узком – владение; но это значение берет начало от слова народ [3, с. 88–89].

Текст тарханного ярлыка первого крымского хана Хаджи Герая за 1453 г. начинается обращением «*Uluğ Ulusniñ tümen miñ yüz on oğlanlar begleriñe basa Qırım tömenini bilgen İminek başlığ daruğa begleriñe basa Qırq Yerniñ Şah merdan başlığ daruğa begleriñe...*» [16, с. 112] («Тюменным, тысячным, сотским и десятским уланам и бекам Великого Улуса. Еще судебным чинам и бекам, во главе с Эминекком, правящим Крымским тюменем. Еще судебным чинам и бекам, во главе с Шах-Мерданом»). Последовательность в употреблении обозначений такова: Великий Улус – Крымский тюмень – Кырк Ер. Следовательно, виден переход от обширного территориального образования к меньшему, и, в конечном счете, к административному центру (столице).

Комментируя ярлык хана Саадет Герая, востоковед И. Березин отмечал, что «...Крымское ханство, наследовало, если не на деле, то по крайней мере на бумаге, устройство Золотой орды...» [2, с. 16]. Одним из подтверждений тому служит использование в обращении слова «улус»: «*Uluğ ulusniñ on qol sol qolniñ tuman biñ yüz on bilgân oğlanlar bikleriña...*» [2, с. 18] («Великого улуса правого крыла, левого крыла, тьмой, тысячью, сотней, десятком начальствующим огланам и бекам...») [2, с. 21]. В политическом устройстве Золотой Орды издавна принято деление на правое и левое крыло или сторону. Согласно утверждению И. Березина, это деление в тюркских владениях сохранялось довольно долго, по крайней мере, номинально [2, с. 23].

Названия «орда», «улус» и «Кипчак» можно найти среди переводов крымских дипломатических ярлыков на русский язык: «*Великие Орды* великого царя Ислам Гиреево слово...» (1535 г.) [11, с. 23]; «Силы находец и победитель царь великого улуса правой и левой стороны и многих бесчисленных тысяч войска великого *Кипчакского поля* государя от Казы Гирея царя государю многих христиан Федору Ивановичу много-много поклон...» (1593 г.) [11, с. 29]; «*великого улуса* правые и левые стороны и

многих бесчисленных тысяч войска великого *Кипчакского поля* государя от Казы Гирея...» [11, с. 29]; «*Великой Орды* великий вольный царь *Кипчакской степи* и ногайской, и черкесской и бесчисленных многих ратей Крымского юрта, от великого государя Джанибек Гиреева царева величества...» [11, с. 42]; «Я великий государь *Крымского юрта*, вольный царь и *Кипчакские степи* Джанбек Гиреево царево величество...» (1615 г.) [11, с. 44]; «...мне, великому государю *Кипчакской степи*, вольному царю *Крымского юрта* Джанбек Гирееву царево величеству...» (1615 г.) [11, с. 44].

Среди ряда прочих других этнотерриториальных наименований топоним «Крым» занимает центральное и приоритетное место. Этимология данного древнего слова достаточно неоднозначна, имеются разные варианты: ров, гора, укрепление (крепость). Суть функционирования этого географического названия – указание на административный центр государства, которое, как уже отмечалось ранее, не ограничивалось лишь территорией полуострова. Именно поэтому в титулатуре крымскотатарских ярлыков позиционирует форма «*taht-ı Qırım*» («Крымский трон»): новая столица Бахчисарай, под ее контролем находились территории бывшей Золотой Орды. Достаточно часто в текстах ярлыков проходит форма «*Qırım yurtu*» («Крымский юрт»), в которой термин «юрт» использован в обширном смысле для обозначения страны, государства, царства, владения [4, с. 371]. Другое сочетание, которое имеет практически тоже значение – «*Qırım memleketi*» («страна Крым»). Необходимо отметить, что слово «юрт/джурт» имеет тюркское происхождение (чагатайское), а слово «мамлекет» – арабское. Несмотря на тот факт, что власть правителей ханов, распространялась на значительные территории вне Крыма, тем не менее, фраза «*Qırım hanı*» («крымский хан») подчеркивает их крымскую локализацию и централизацию. В следующих отрывках из ярлыков представлены конструкции со словом «*Qırım*» в определенных контекстуальных значениях:

«*uluğ orda uluğ yurtınıñ ve Taht-ı Qırım ve Deşt Qırçaqınıñ...*» («великой орды великого юрта, Крымского трона и Кипчакской степи...»); «...*cümle Qırım yurtınıñ adamları ve cümle mirzaları ve beş Uruğ sayılı qaraçılarımız...*» («...все люди *Крымского юрта*, все мурзы и уважаемые пять представителей из родов карачи...»)

[6, Saadet Geray sultan, № 266]; «...*Qırım memleketiğa* kiltürseler *Qırım hanları* ve sultanlar qayta yiberirler irdiler...» («...если привели бы в страну Крым, то крымские ханы и султаны отправили бы обратно...») [6, Gazi Geray han, № 5]; «...min uluğ padişah Canibek Geray Han hazretlerimiz devletinde *Qırım yurtumuz* aman olub dostumuz dost ve şad taqı tuşmanımız hor ve haqır bolub...» («...в моем, великого падишаха хана Джанибек Герая государстве, Крымский юрт находился в благополучии, наши друзья были нам друзьям, а враги были слабыми и униженными...») [6, Canibek Geray han, № 13]; «...min uluğ Mehmed Geray Han dam devlete eli yüm el-mizan hazretleri *Qırım yurtuna* han olub...» («...я, великий хан Мехмед Герай, став ханом Крымского юрта...») [6, Mehmed Geray han, № 160]; «...Elhamdulillâh Ta'alâ ata ve *babamız yurtı Qırımğa* hanlıq nasib bolub...» («...хвала Всевышнему Аллаху, что нам была даровано судьбою ханство над землей наших предков, Крымом...») [6, Selim Geray han, № 274]; «...Urus padişahı *Qırım hanı* bile dost qarındaş bolıp...» («...Русский падишах, будучи в дружбе с крымским ханом...») [6, Canibek Geray han, № 13].

Интересным и неопределенным по значению является этноним «татар». Судя по контексту ярлыков, это понятие имело обобщенный смысл, и под ним подразумевалась консолидация множества различных по этническому составу племен и народностей. Вместе с тем, локализация данных народностей не ограничивалась конкретным местом, а охватывала широкие территории Евразии: к примеру, «*Quban Tatarları*» («Кубанские татары»), «*Aq-Kerman Tatarları*» («Аккерманские татары») и др. Этноним «татар» на современном историческом этапе закрепился за народами, проживающими на территориях близ Волги (казанские татары, башкирские татары, астраханские татары) и за коренным народом Крыма (крымские татары). Однако следует подчеркнуть, что под термином «татары» не подразумеваются пришельцы, то есть народы извне (как по обыкновению трактуется в некоторых исторических источниках). Следовательно, татары – это общее название народов, сформировавших и проживавших на определенной территории, но унифицированные с другими тюркскими народами вследствие фактора проживания на обширной территории конкретного государственного образования (Золотая Орда, а

ранее – Дешт-и Кипчак). Приведенные ниже примеры в некоторой степени демонстрируют такой тезис:

«...qamu *Tatarnıñ* Aq-Kerman vilâyetiniñ uluğ padişahı ve uluğ han ‘azamı...» («...великий падишах и великий хан всех татар, области Ак-Керман...») [6, Saadet Geray Sultan, № 272]; «...sağışsız kob Noğaynıñ ve barça *Tatar tayfasınıñ*...» («...бесчисленных ногаев и всего татарского рода...») [6, Saadet Geray Sultan, № 263]; «...uluğ orda uluğ yurtnıñ ve Taht-ı Qırımniñ ve Deşt-ı Qırçaqnıñ ve sansız kob *Tatarnıñ* ve sağışsız Noğaynıñ...» («...великой орды великого юрта, Крымского трона, степи Дешт-и Кипчак, бесчисленных татар и ногаев...») [6, Ahmed ağay, № 242]; «...bizim *elçi Tatarlarımıznı* ve sizin boyar sipahilerinüzni cümlelerin qırub malların alub...» («...истребив всех, наших татарских послов и войско бояр, и забрав их имущество...») [6, Ahmed ağay, № 244]; «...*Tatar* milân hazıroq seferimiz Masqov yurtunadır...» («...наш поход с татарами будет немедленно совершен на Московскую страну...») [6, Murad Geray han, № 241]; «...*Tatarnıñ* burundın örüş ve qışlavı olan Özi Suyundın ketmegenleri sebab...» («...причина, по которой они не ушли из прежнего пастбища и зимовника татар на реке Днепр...») [6, Ğazı Geray han, № 5]; «...barça *asker Tatar* birle sağ ve salim mubarek Bağçasaray tahtımızğa kelip olturdıq...» («...со всем татарским войском прибыли в здравии и благополучии, и сели на благословенный трон в Бахчисарае...») [6, Canibek Geray han, № 13]; «...bizim *Tatarımızdan* hiç bir yamanlıq ve cavlıq körmiydir...» («...не видит никаких злодеяний и вражеского отношения от наших татар...») [6, Selim Geray han, № 286]; «...qaraçılarımız bolğan Öz *Tatarmız*...» («...наши карачи, татары...») [6, Ğazı Geray Sultan, № 115]; «...*asker Tatarle* Nureddin Sultan hazretleri nehir Öziden Lih vilâyetiñüzge çerü qılmaq niyeti bile barğan idiler...» («...вместе с татарским войском нуреддин султан отправился в Польшу через Днепр...») [6, Canibek Geray han, № 25]; «sulh ve selâh ahvalnı bildirib *asker Tatarle* Cankermanda yatıp Özi sahrasında hazır irdik» («...известив о мире и спокойствии, переночевав в Джанкермане, татарское войско было наготове в Приднепровских степях...») [6, Canibek Geray han, № 25]; «...Aq-Kermada olan *Tatardan* ve Qırımда olan *Tatardan* ve ğayrıdan Lih vilâyetine ve koy ve kentlerine zerre qadar zarar ve ziyan olmazdır...» («...не будет ни малейшего вреда и урона Польше, ее

деревням и городам от татар Аккермана, Крыма и других...») [6, Canibek Geray han, № 25].

Рассмотренные выше этнотерриториальные наименования встречаются и в известных крымскотатарских хрониках. Показательны в этом плане отрывки из сочинений Реммаля Ходжи, Мехмеда Сенаи и Абдулгаффара Кырыми: «...*Qavm-ı Tatar* anı istemeyüb ulu begleri padişaha name gönderüb bu civanbaht anıñ yerine han olmasın iltimas qılmışlar...» [15, с. 20] («...татарское племя, не захотев его, отправив письмо падишаху, пожелали, чтобы этот молодой принц стал ханом вместо него...») [15, с. 20]; «...*Bu canibde Qırım vilâyetinde olan begler ittifaq ile İslâm Sultanı han diküb oturmuşlar idi. Günlerde bir gün müjdeganı haberi geldi ki hüdavendigâr, Sahib Geray Hanı Qırım vilâyetine Han diküb...*» («...в этой стороне, беки Крымской области благодаря союзу сделали ханом Ислям Султана. Однажды пришло радостное известие о том, что султан назначил Сахиб Герая ханом Крыма...») [15, с. 21]; «...*üç günden Tatar çerisi Özi Suyın geçüb...*» («...за три дня татарское войско перешло Днепр...») [15, с. 27]; «...*Tatar 'askerine divanhane qarısı önünde yer gösterildi...*» («...татарскому воину было указано место у дверей диванного зала...») [15, с. 30]; «...*Tatar Hanlarınıñ 'adet-i qadimeleri...*» («...старые обычаи татарских ханов...») [15, с. 49]; «...*asakir-i nusret measire Tatar...*» [13, с. 175] («...доблестное войско быстроногих татар...»); «...*diyâr-ı Qırım...*» [13, с. 182] («...страна Крым...»); «...*memalik-i Qıgınıñ serhadd 'azim u derbend-i metini...*» [13, с. 185] («...твердыня и прочные ворота страны Крым...»); «...*Tatar-ı saba-reftare...*» [13, с. 188] («...легконогие татары...»); «...*Deşt-i Qırçaq'da ihtilal kemaline irmekle ol asırda mir-i miran Şiranyân olan Eminek Beğ bin Memak Beğ bin Rektemür Beğ baş qaraçı olmağla...*» («...в Дешт-и Кипчаке с целью достижения беспорядка представитель рода Ширин в тот период Эминек бек бин Мамак бек бин Ректемур бек, будучи во главе карачей,...») [10, с. 115]; «...*vilâyet-i Deşt-i Qırçağı...*» («...область Дешт-и Кипчака...») [10, с. 85].

Выводы. К XVII в. в титулатуре ярлыков сложилась универсальная форма, которая полно отражала этническую и территориальную специфику крымской государственности: «*Uluğ ordanıñ ve uluğ yurtınıñ ve Taht Qırımınıñ ve Deşt Qırçaqınıñ ve sansız kop*

Tatarnıñ ve sağışsız kob Noğaynıñ ve Tat bile Tavgaçnıñ ve Tağ ara Çerkeçnıñ ve barça ümmet Muhammednıñ uluğ padişahı ve Qırım hanı...» («Великой Орды и великого юрта, и Крымского трона, Дешт-и Кипчака, бесчисленного множества татар и ногаев, татов и тавгачей, горных черкесов и всех мусульман падишах и крымский хан...»).

Этнотерриториальные наименования, представленные в контексте ярлыков Крымского ханства, считаются важными индикаторами отражения сути крымской государственности. В таких концептуальных элементах как Дешт-и Кипчак, орда и улус заключается понимание о главных исторических этапах, характеризующихся степенью глобальности. Вместе с тем, прослеживаются истоки административно-территориальной, военно-политической и социальной систем устройства Крымского ханства. Следовательно, вышеперечисленные наименования свидетельствуют об унаследовании Крымом традиций Золотой Орды и контроле над территориями расселения народов Кипчакской степи и Улуса Джучи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бартольд В.* Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М.: Восточная лит-ра РАН, 2002. 757 с.
2. *Березин И.* Тарханные ярлыки Тохтамышша, Тимур-Кутлука и Саадет-Гирея. Казань: Типография Университета, 1851. 162 с.
3. *Будагов Л.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПб.: Типогр. Императорской АН, 1869. Т. 1. 810 с.
4. *Будагов Л.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПб.: Типогр. Императорской АН, 1871. Т. 2. 415 с.
5. *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб.: Типогр. Императорской АН, 1863. Ч. 1. 558 с.
6. *Вельяминов-Зернов В.В.* Материалы для истории Крымского ханства. СПб.: Типогр. Императорской АН, 1864. 953 с.
7. Военный энциклопедический лексикон, издаваемый обществом военных и литераторов. СПб.: В типогр. штаба военно-учебных заведений, 1855. Т. 7. 691 с.
8. Военный энциклопедический лексикон, издаваемый обществом военных и литераторов. СПб.: В типогр. гл. штаба по военно-учеб. заведениям, 1855. Т. 9. 659 с.
9. Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса: В гор. тип. Сод. А. Алексомати, 1872. Т. 8. Отд-ние 1 и 2. С. 1–23.

Этнотерриториальные наименования в контексте документации...

10. *Кырыми А.* Умдет ал-ахбар. Книга 1: Транскрипция, факсимиле. Серия «Язма мирас. Письменное наследие». Вып. 1. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. Кн. 1. 420 с.

11. *Лашков Ф.* Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв. Симферополь: Типография газеты «Крым», 1891. 206 с.

12. *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887. 768 с.

13. *Туранли Ф.Г.* Літописні твори М. Сена'ї та Г. Султана як історичні джерела. Київ, 2000. 311 с.

14. *Başer A.* Kırım hanlığı tarihini konu alan müstakil eserler ve yeni bir kaynak, Tarih-i Mefkûvati. International Periodical For The Languages, Literature and History of Turkish or Turkic, 2011, vol. 6/1, pp. 724–740.

15. *Gökbilgin Ö.* Tarih-i Sahib Giray han. Ankara: Baylan Matbaası, 1973. 313 s.

16. *Özyetgin M.A.* Altın Ordu, Kırım ve Kazan sahasına ait yarlık ve bitiklerin dil ve üslup incelemesi, Ankara, 1996. 297 s.

Сведения об авторе: Рефат Рустем огълы Абдуземилев – кандидат филологических наук, ведущий специалист лаборатории НИЦ крымско-татарского языка, литературы, истории и культуры, Крымский инженерно-педагогический университет; младший научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (295015, Учебный пер., 8, Симферополь, Крым); refatimus@gmail.com



Ethnoterritorial names in the context of the documentation of the Crimean Khanate

Refat Abduzhemilev

(Crimean Engineering and Pedagogical University)

Abstract: The article deals with the problem of the use in the Crimean Tatar yarlyks the concepts, related to ethnic and territorial features in the Crimean Khanate's state arrangement. The key elements-identifiers are those: Desht-i Kipchak, Ulus, Horde, the Crimea and Tatar. The author gives the interpretation of the basic concepts, traces the stages of their functioning on the examples from different sources. The degree of the names' use is shown.

The name Tatar has the generalized meaning, and it may be defined as the consolidation of many tribes and nations different by the ethnic composition. The use of the name "Crimea" in the yarlyks, targets at indicating the administrative center of the Crimean Khanate.

Ethnic and territorial names, presented in the yarlyks of the period of the Crimean Khanate, are considered important indicators, reflecting the internal and external essence of the Crimean state. In such conceptual elements as Desht-i Kipchak, the Horde and Ulus, lays the understanding about the major historical periods in the life of the Crimea, characterized by the degree of globality. At the same time, one can trace the origins of the administrative and territorial, military and political and social systems of the Crimean Khanate's state arrangement. The names can be looked at as the evidence of the inheritance by the Crimea of the Golden Horde traditions and the control over the territories of Desht-i Kipchak.

Keywords: Desht-i Kipchak, Ulus, Horde, Crimea, Yurt, Tatar, Crimean Khanate.

REFERENCES

1. Bartol'd V. *Raboty po istorii i filologii tyurkskikh i mongol'skikh narodov* [Works on the history and philology of Turkic and Mongolian people]. Moscow, Vostochnaya literatura RAN Publ., 2002. 757 p.
2. Berezin I. *Tarkhannye yarlyki Tokhtamysha, Timur-Kutluka i Saadet-Gireya* [Tarkhan yarlyks of Tokhtamysh, Timur-Kutluk and Saadet Girey]. Kazan, Univ. Publ., 1851. 162 p.
3. Budagov L. *Sravnitel'nyy slovar' turetsko-tatarskikh narechiy* [Comparative Dictionary of Turkic-Tatar dialects]. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk, 1869, vol. 1. 810 p.
4. Budagov L. *Sravnitel'nyy slovar' turetsko-tatarskikh narechiy* [Comparative Dictionary of Turkic-Tatar dialects]. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk, 1871, vol. 2. 415 p.
5. Vel'yaminov-Zernov V.V. *Issledovanie o kasimovskikh tsaryakh i tsarevichakh* [The study of Kasimov czars and princes]. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk, 1863, part 1. 558 p.
6. Vel'yaminov-Zernov V.V. *Materialy dlya istorii Krymskogo khanstva* [Materials for the history of the Crimean Khanate]. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk, 1864. 953 p.
7. Voennyi entsiklopedicheskiy leksikon, izdavaemyi obshchestvom voennykh i literatorov [Military Encyclopedic Dictionary, published by the

Society of Military and Writers]. St. Petersburg, V tipografii shtaba voenno-uchebnykh zavedeniy, 1855, vol. 7. 691 p.

8. Voennyu entsiklopedicheskiy leksikon, izdavaemyy obshchestvom voennykh i literatorov [Military Encyclopedic Dictionary, published by the Society of Military and Writers]. St. Petersburg, V tipografii glavnogo shtaba po voenno-uchebnym zavedeniyam, 1855, vol. 9. 659 p.

9. Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities]. Odessa, V gorodskoy tipografii. Soderzhatel' A. Aleksomati, 1872, vol. 8, part 1 and 2, pp. 1–23.

10. Kyrymi A. *Umdet al-akhbar*. Kniga 1: Transkriptsiya, faksimile. Seriya «Yazma miras. Pis'mennoe nasledie» [Umdet al-akhbar. Book 1: Transcription, facsimile. Series «Yazma miras. Written heritage»]. Issue 1. Kazan, Sh. Marjani Institute of the AS of the RT, 2014. 420 p.

11. Lashkov F. *Pamyatniki diplomaticheskikh snosheniy Krymskogo khanstva s Moskovskim gosudarstvom v XVI i XVII vv.* [Monuments of diplomatic relations of the Crimean Khanate with Muscovy in the XVI and XVII th centuries]. Simferopol, Tipografiya gazety «Krym», 1891. 206 p.

12. Smirnov V.D. *Krymskoe khanstvo pod verkhovnstvom Ottomanskoy Porty do nachala XVIII v.* [Crimean Khanate under the rule of the Ottoman Porte before the XVIII th c.]. St. Petersburg, 1887. 768 p.

13. Turanli F.G. *Litopisni tvori M. Sena'i ta G. Sultana yak istorichni dzherela* [Works –Chronicles by M. Senai and G. Sultan as historical sources]. Kiev, 2000. 311 p.

14. Basher A. Kırım hanlığı tarihını konu alan müstakil eserler ve yeni bir kaynak, Tarih-i Mefkuvati [Specific works for the history of the Crimean Khanate and the new source, Tarikh-i Mefkuvati]. *International Periodical For The Languages, Literature and History of Turkish or Turkic*, 2011, vol. 6/1, pp. 724–740.

15. Gökbilgin Ö. *Tarih-i Sahib Giray han* [The history of Sahib Giray Khan]. Ankara, Baylan Matbaası, 1973. 313 s.

16. Özyetgin M.A. *Altın Ordu, Kırım ve Kazan sahasına ait yarlık ve bitiklerin dil ve üslup incelemesi* [Study of the language and style of Golden Horde, Crimea and Kazan's yarlyks and bitiks]. Ankara, 1996. 297 p.

About the author: Refat Rustem oğly Abduzhemilev – Cand. Sci. (Philology), leading specialist of the laboratory of Scientific Research Center of the Crimean Tatar language, literature, history and culture, Crimean Engineering and Pedagogical University, junior researcher of the Crimean Scientific Center of Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (295015, Uchebnyy lane, 8, Simferopol, Crimea); refatimus@gmail.com

УДК 321.17(470.6+477.75)"14/17"

Краткий обзор истории политических взаимоотношений феодальных владетелей Северо-Восточного Кавказа с Крымским ханством

Юсуп Идрисов

(Дагестанский государственный институт народного хозяйства)

Аннотация. Данная статья посвящена теме взаимоотношений Крымского ханства и феодальных владетелей Северо-Восточного Кавказа в XV–XVIII века. В статье рассказывается об их боевом содружестве и конфликтах в разные периоды истории.

Ключевые слова: Крым, Северо-Восточный Кавказ, Дагестан, хан, шамхал.

Крым и Кавказ имеют древнюю и богатую историю и, будучи разделены лишь узким Керченским проливом, естественно, издавна развивались и развиваются в тесной связи. Достаточно напомнить, что такие государственные образования как Боспорское царство, Византия, Хазарский каганат, Золотая Орда, Генуэзская республика, Крымское ханство, Османская и Российская империи, а также Советский Союз включали в себя, как и крымские, так и кавказские владения. Таким образом, эти два региона на протяжении двух тысяч лет практически непрерывно входили в единое политическое пространство.

Взаимоотношения Северо-Восточного Кавказа, в частности, Дагестана с Крымским ханством имеют длительную и многогранную историю, потому естественно, что в рамках одной статьи исчерпывающе решить эту проблему не представляется возможным. В связи с этим мы сосредоточимся лишь на основных,

что называется узловых моментах проблемы, вынесенной в заголовки статьи.

Начало дагестанско-крымских контактов можно отнести уже к первым годам после образования Крымского ханства. Согласно «Хронике Герей-Хана» во второй половине XV века в Дагестан бежал один из претендентов на крымский престол, потерпевший поражение в междоусобной борьбе. Беглец обосновался поначалу в селении Аркас (ныне Буйнакский район РД), а после появления в этой местности своего соперника, скрылся в горах в селении Куркли (ныне Лакский район РД) [7, л. 9, 11]. Надгробная плита известного религиозного деятеля XIX века Аюба-Гази Дженгутаевского в Верхнем Дженгутае гласит, что он является потомком «Герей-Хана... правителя Чечни и черкесской горной части» [14, с. 86, 116]. Любопытно, что один из Гереев, а именно Герей-Хан, сын Бахадур-Хана (!) действительно был обозначен в надписи на сабле из коллекции османских султанов как «Сахиб-и Сейф Вали Дагистан Герей-Хан Бин Бахадур-Хан», то есть «владелец меча и вали Дагестана Герей-Хан, сын Бахадур-Хана», надпись датируется примерно 1473 годом [15, с. 170–171].

Тухумы (кланы) крымского происхождения зафиксированы в селениях Брагуны Гудермесского района Республики Чечня [13, с. 63–64] и Согратль Гунибского района Республики Дагестан [4, с. 176].

В XVI–XVII веках Тюменское и Тарковское владения как и прежде продолжали играть роль пристанищ для беглых крымских царевичей. В 1536 году в Кумыкии скрывался Ислам-Герей, соперник Сахиб-Герейя в борьбе за престол [9, с. 402]. Спустя более полувека при дворе шамхала нашёл пристанище ещё один крымский беглец – Мурад-Герей. Гостя у шамхала, он женился на его дочери. Перебравшись в Астрахань, царевич уже сам стал оказывать помощь шамхалу. Так, в частности в 1589 г. терский воевода А.Д. Хворостинин писал шамхалу: «А ты Шевкал князь, живёшь от государя нашего... державы от Терского города ближе иных, а посемяста ни о чем еси ко государю нашему к его царскому величеству не присылывал к нам в город и прежнюю свою присылку забыл. ... И государь наш великий государь царь и великий князь Федор Иванович ... за твое не исправление послал бы на тебя рать свою многу...И государю бил челом о тебе Мурат Ки-

рей царевич, чтоб государь наш на тебя рати своей ныне не посылал, а ты перед государем нашим исправишься» [3, с. 155].

В первой трети XVII века, ещё один неудачливый претендент на крымский престол, Шагин-Герей, по свидетельству В.Д. Смирнова, скитался среди черкесов, татар (надо полагать ногайцев), казаков и кумыков [9, с. 506].

После своего вторичного смещения с престола хан Мухаммед-Герей IV в течении 8 лет являлся удельным владельцем Тарковского Шамхальства и переименовал подаренное ему во владение поселение Пирбай в Бахчисарай, в честь дорогой его сердцу столицы Крыма [9, с. 577].

В XVI веке крымские ханы отвечали за «северную политику» Османской империи. После завоевания Казани и Астрахани армией Ивана Грозного, крымский хан позиционировал себя как покровителя ногайских и северо-кавказских владельцев. Как пример, приведём цитату из заявления крымских послов Ивану Грозному: «шевкальцы мусульмане, а при отцах и дедах и при дядях наших от тех мест и по си места меж нас с ними ссылка живет, их люди к нам ходят, а наши люди к ним ходят, в дружбе и любви ведемся» [3, с. LXVIII].

Известно также, что в 1591 г. Крымский хан Кази-Герей мотивировал свой московский поход мезью за притеснения тюменского и шевкальского правителей [10, с. 607], то есть за правителей Тюменского владения (так называемой «Кавказской Тюмени» на Тереке) и шамхалов.

Взаимная военная и дипломатическая поддержка крымских татар и дагестанцев имела место и в последующие годы. В 1654 году хан Ислам-Герей потребовал от царя Алексея Михайловича снести крепость, которая мешает живущим на Тереке кумыкам ездить в Крым и к черкесам, а это не подобает, ибо «те кумыкские владения суть исламские владения» и кумыки «из народа мухаммедова» [9, с. 538]. Как и за сто лет до этого хан Девлет-Герей, его потомок, заступаясь за дагестанцев, апеллировал к факту религиозной общности с ними.

Во время второго крымского похода князя В.Д. Голицына на помощь хану Селим-Герейю с Северного Кавказа прибыло 50-тысячное войско, состоявшее из кумыков, черкесов и ямансадаков (подразделения ногайцев) [9, с. 134]. И ещё один эпизод.

В начале XVIII века, выполняя просьбу крымского хана, северокумыкский владелец «Салтан-Мамут» подошёл с отрядом, состоящим из кумыков и чеченцев к границам прорусски настроенных кабардинских владений, предлагая их правителям присоединиться к союзу с Крымом, чем «некоторых... поколебал» [1, с. 77].

Через Кумыкскую равнину шёл путь крымских ханов в их походах против врага Османской империи Сефевидского государства. Память об этих передвижениях сохранилась в названии местности Крымчи-Айры между селениями Эндирей, Кокрек и Муцал-Аул Хасав-Юртовского района [11, л. 1].

Нередки были примеры службы дагестанцев в войсках крымских ханов. Так, известный турецкий путешественник Эвлия Челеби упоминает о крепости Шад-Кермен у слияния Джинджика (Зеленчука) и Кубани. Казием этой крепости являлся «кумык Тухтар Хаджи-Али в распоряжении, которого находятся 100 кумыкских джигитов, все они верующие, настоящие мусульмане. Благодаря им, и деятельности Мухаммад-Герей-Хана [Софу] все кабардинские беки приняли мусульманство» [12, с. 84].

Родоначальник Уздемниковых Уздень Черик-бей прибыл в Крым с Северо-Восточного Кавказа при хане Каплан-Герее (начало XVIII века). Его потомки, в составе Перекопского полка участвовали в войне 1812 года [2, с. 147].

Интересы Крымского ханства не всегда совпадали с интересами Османской империи, султаны которой активно использовали крымское войско в ненужных Крыму войнах с Австрией и Сефевидским государством. Крымские татары неоднократно выступали против такого нерачительного использования своих демографических ресурсов. Подобное непослушание стоило престола, например, Мухаммед-Герее IV. Когда в 1691 году султан приказал хану Саадет-Герее двинуть татарскую конницу в Венгрию, на австрийский фронт, то они (крымцы) заодно с ногаями, черкесами и кумыками согласились совсем не оказывать ему повиновения и послушания» [9, с. 633].

Неправильно было бы рассматривать взаимоотношения Крымского ханства с правителями Северо-Восточного Кавказа в сугубо радужных тонах. Были между ними и разного рода конфликтные ситуации. В 1547 году хан Сагиб-Герей, возвращаясь в

Крым из Астрахани, посетил с войском Кабарду и Кайтаг и обложил их данью [8, с. 187]. В 1735 году хан Каплан-Герей изгнал из его столицы города Тарки сторонника Надир-Шаха шамхала Хасбулата и объявил шамхалом его двоюродного брата Эльдара [1, с. 137]. Конфликты – это, зачастую, естественное проявление тесных исторических связей. Конкретная же причина вышеприведённых столкновений – вассальная зависимость крымских ханов от Османской империи, а противостоявших им феодальных владетелей Северо-Восточного Кавказа от персидских шахов.

Характерно, что, в частности, кумыкские феодальные владельцы присягнули на верность Екатерине II в промежуток между 1783 и 1786 годами, то есть сразу после аннексии Крымского ханства. Налицо синхронность процесса продвижения российских границ на юг в Причерноморье и Прикаспие.

В память о тесных контактах и популярности крымских ханов сохранились имена, позаимствованные дагестанцами у крымских ханов: Герей, Адиль-Герей, Арслан-Герей, Девлет-Герей, Саадет-Герей, Кази-Герей, Магомед-Герей, Шан-Герей, Ислам-Герей, Адиль-Султан и другие. Личные имена Крым (Къырым) и Крым-Султан также связаны с крымскими реалиями. В свою очередь этнографические реалии Северо-восточного Кавказа повлияли на имена крымской феодальной элиты, так например, сына крымского царевича Саадат-Герая звали Кумук-Герей [5, с. 156].

Очевидно, что детальное и объективное освещение проблемы межрегиональных и межэтнических отношений в историческом контексте имеет значение для более глубокого осмысления процессов, происходящих в современном обществе. Потому изучение взаимоотношений Крымского ханства с различными регионами юга России имеет несомненную научную перспективу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдусаламов М.-П.Б.* Кумыкские феодальные владения в политической жизни Дагестана в первой половине XVIII века. Махачкала: Издательский дом «Народы Дагестана», 2008. 198 с.
2. *Алиев К.М.* Кумыки в военной истории России (вторая половина XVI – начало XX вв.): краткий военно-исторический справочник. Махачкала: Издательство «Дельта-Пресс», 2010. 358 с.

3. *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом. 1578–1613. М., 1889. 715 с.
4. Дагестанские исторические сочинения / Под. ред. Шихсаидова А.Р., Айтберова Т.М., Оразаева Г.М.-Р. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 1993. 369 с.
5. *Зайцев И.В.* Астраханское ханство. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 2003. 303 с.
6. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. (КРО). Т. II. М., 1957. 424 с.
7. *Кадиев Гамзат.* Хроника событий в Дагестане 1917–1920-х гг. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1, оп.1, д. 431.
8. *Кушева Е.Н.* Народы и их связи с Россией. М., 1963. 372 с.
9. *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Порты до начала XVIII века. СПб, 1887. 772 с.
10. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. СПб., 1903. Кн. II. Т. VI–X. 732 с.
11. ЦГАРД. Ф. 147, оп. 3, д. 97.
12. *Челеби Эвлия.* Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в). Вып. 2. М.: Наука, 1979. 287 с.
13. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 3 / Тексты, переводы, комментарии, введение и примечания Л.И. Лаврова. М.: Наука, 1968. 168 с.
14. Ян Потоцкий и его «Путешествия в Астраханские и Кавказские степи в 1797–1798 гг.» / Под ред. Сосниной Л.Н. Пятигорск, 2003. 177 с.
15. *Hilmi Aydın.* Sultanların silahları: Topkapı Sarayı Silah Koleksiyonu. İstanbul, 2002. 228 s.

Сведения об авторе: Юсуп Магомедович Идрисов – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Дагестанского государственного института народного хозяйства (367008, ул. Атаева, 5, Махачкала, Республика Дагестан); Markes06@mail.ru



**The brief overview of the history of political relations
between the feudal lords of the North-Eastern Caucasus
and the Crimean khanate**

Yusup Idrisov

(Dagestan State Institute of national economy)

Abstract. The article is dedicated to the issue of relations between the Crimean khanate and feudals of North-Eastern Caucasus in XV–XVIII centuries. The article focuses on both: the military cooperation and conflicts between them in different periods of their history.

Keywords: Crimea, North-Eastern Caucasus, Dagestan, khan.

REFERENCES

1. Abdusalamov M.-P.B. *Kumykskie feodal'nye vladeniya v politicheskoy zhizni Dagestana v pervoy polovine XVIII veka* [Kumuk feudals in political life of Dagestan in the first half of XVIII century]. Makhachkala, «Narody Dagestana» Publ., 2008. 198 p.
2. Aliev K.M. *Kumyki v voennoy istorii Rossii (vtoraya polovina XVI – nachalo XX vv.): kratkiy voenno-istoricheskiy spravochnik* [Kumuks in a military history of Russia (the second half of XVI – the first half of the XX centuries: a brief military and historical guide)]. Makhachkala, «Del'ta-Press» Publ., 2010. 358 p.
3. Belokurov S.A. *Snosheniya Rossii s Kavkazom* [Relations of Russia and the Caucasus. 1578–1613]. Moscow, 1889. 715 p.
4. *Dagestanskije istoricheskie sochineniya* [Dagestania historical essays]. Ed. Shikhsaidov A.R., Aytberov T.M., Orazaev G.M.-R. Moscow, «Vostochnaya literatura» Publ., 1993. 369 p.
5. Zaytsev I.V. *Astrakhanskoe khanstvo* [Astrakhan [khanate]]. Moscow, «Vostochnaya literatura» Publ., 2003. 303 p.
6. *Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv.* [Kabardinian-Russian relations in XVI–XVIII centuries]. Vol. II., Moscow, 1957. 424 p.
7. Kadiev Gamzat. *Khronika sobytij v Dagestane 1917–1920-kh gg.* [Dagestania events chronics in 1917–1920]. *RF IIAE DNTs RAN*. F. 1, op.1, d. 431.
8. Kusheva E.N. *Narody i ikh svyazi s Rossiey* [Peoples and their relations with Russia]. Moscow, 1963. 372 p.

9. Smirnov V.D. *Krymskoe khanstvo pod verkhoventvom Porty do nachala XVIII veka* [The Crimean khanate under the rule of Ports up to the beginning of the XVIII century]. St. Petersburg, 1887. 772 p.

10. Solov'ev S.M. *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen* [The History of Russia from ancient times]. St. Petersburg, 1903. Book II. Vol.VI–X. 732 p.

11. TsGARD. F. 147, op. 3, d. 97.

12. Chelebi Evliya. *Kniga puteshestviya (Iz vlecheniya iz sochineniya turetskogo puteshestvennika XVII v)*. [The book of voyages (Extracts from essays of a Turkish traveller in XVII century)]. Issue 2. Moscow, 1979. 287 p.

13. Epigraficheskie pamyatniki Severnogo Kavkaza na arabskom, persidskom i turetskom yazykakh [Epigraphic monuments of North Caucasus in Arabic, Persian and Turkish]. Texts, translations, comments, introduction and footnotes of L. Lavrov. Part 3. Moscow, Nauka Publ., 1968. 168 p.

14. Yan Pototskiy i ego «Puteshestviya v Astrakhanskie i Kavkazskie stepi v 1797–1798 gg.» [Yan Potocki and his «Travels in Astrakhan and Caucasian steppes in 1797–1798»]. Ed. Sosnina L.N. Pyatigorsk, 2003. 177 p.

15. Hilmi Aydın. *Sultanların silahları: Topkapı Sarayı Silah Koleksiyonu* [The weapons of Sultans; Istanbul, the collection of weapon of Topkapi Palace]. Istanbul, 2002. 228 s.

About the author: Yusup Magomedovich Idrisov – Cand. Sci. (History), associate professor of the Department of humanities, Dagestan State Institute of national economy (367008, Ataev street, 5, Makhachkala, Republic of Dagestan); Markes06@mail.ru

УДК 016(41/42)512.145

Источники для восстановления историко-этнографического корпуса довоенного крымоведения

Андрей Непомнящий

*(Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского)*

Аннотация. В статье рассматривается источниковая база для формирования фундаментального свода публикаций и рукописей по истории и этнографии народов Крыма в 1921–1945 годах. Впервые систематизирован и проанализирован корпус универсальных крымоведческих библиографий, составленных в 20–30-е годы XX века Е.Е. Гопштейном, Ф.Ф. Максименко, А.И. Маркевичем, В.В. Симоновским, которые отражали срез историко-этнографического крымоведения. Восстановлена история разыскания и местоположение ряда рукописных библиографий, подготовленных в 30-е годы XX века и неопубликованных по идеологическим или иным причинам (Е.Е. Гопштейн, А.И. Маркевич, И.Я. Нейман). Обосновывается необходимость привлечения личных архивных фондов историков, археологов и этнографов Крыма для восстановления полного свода научного наследия деятелей.

Ключевые слова: крымоведение, универсальные библиографические пособия, личные архивные фонды, история науки.

Усиленное внимание к истории и этнографии Крыма, никогда не угасавшее со второй половины XVIII века, в последнее десятилетие особенно возросло. Мы наблюдаем в начале XXI века бум издания крымоведческой литература самого разнообразного профиля. При этом бросается в глаза крайне ограниченный перечень использованных опубликованных материалов советского довоенного периода. Если досоветский период, который в плане составления библиографических сводов, развивался постоянно, хотя и не планомерно, все же имеет в своем активе целый

корпус различных справочников и капитальный библиографический свод, содержащий более 10 тысяч записей [37; рец.: 4; 26; 43–45; 56–58; 61], то 20–30-е годы XX века были лишены такого источникового и библиографического сопровождения. В результате значительная часть историко-краеведческого наследия эпохи до последнего времени оставалась неизвестной потенциальным исследователям. Его возвращение в научный оборот будет способствовать объективному, всестороннему освещению сложных исторических процессов, проходивших на полуострове в ту противоречивую эпоху.

Как любой исторический источник, справочно-библиографическая литература историко-краеведческого профиля несет на себе печать условий, в которых она возникла, и отражает эти условия. Семантический анализ библиографических текстов частично реконструирует историю, культуру и общественную психологию определенной эпохи и среды. Для историка исследование о ходе развития и особенностях историко-краеведческих справочно-библиографических литературных форм может служить дополнительным источником для сравнений, поиска аналогий.

При общем интересе к региональной исторической тематике сегодня наблюдается и постоянное внимание к истории крымоведческой библиографии. Хотя до сих пор не существует специального труда по данной проблематике, охватывающего тему от ее зарождения в недрах более общих, синкретических по своему характеру исследований, ставивших иные задачи и цели, до современной эпохи, отдельные наработки уже сделаны. Крупнейший советский библиограф – кандидат педагогических наук Любовь Моисеевна Равич (1923–2006) – объективно заключила, что «отраслевая библиография играет не только роль служанки науки; в своих лучших образцах она бывает и движущей силой. <...> В особенности это относится к крупным ретроспективным отраслевым библиографиям, которые сами по себе являются событиями научной жизни» [46]. Таким образом, изучение истории крымоведческой библиографии, несомненно, способствует формированию более зримого образа самого крымоведения.

Сегодня понятие «библиография» уже вышло за примитивные списки или указатели литературы, недостаточные для серьезных научных умозаключений. Еще в середине XIX века извест-

ный российский библиограф и книговед Рудольф Иванович Минцлов (1811–1883) пришел к выводу, что «библиография, предлагая хронологический обзор сочинений по известной отрасли человеческих знаний, тем самым дает материал для истории этой науки» [27]. Определение библиографии нынешним поколением ученых – подвижников этой науки – ассоциируется с «органической частью культуры страны». При этом понятно, что «каждый исторический период несет на себе родимые пятна своего времени» [41; 42], что является основной методологической установкой для разработки истории как отраслевой, так и региональной библиографии.

Теоретики и практики исторической библиографии осознали и то, что историю отраслевой или региональной библиографии должен писать не библиограф (пусть даже очень высокой квалификации), а профессиональный историк науки. Ведь автор обязан знать особенности развития науки, ориентироваться в междисциплинарных связях, что позволяет лишь профессиональное образование [41, с. 7]. Эффективность библиографической эвристики обеспечивается, прежде всего, знанием методов и методики библиографического поиска. Не случайно Павел Наумович Берков (1896–1969) – основатель библиографической эвристики как самостоятельного направления в библиографоведении – уподоблял библиографическое источниковедение пещере с сокровищами, а методы поиска – магическому заклинанию. Кумуляция знаний о библиографических источниках позволяет исследователю соотносить поисковую проблему с определенными группами источников. При этом до сегодняшнего дня практически отсутствуют разработки самих методов библиографического поиска – так называемого «извлечения» ответа [40].

Основой для начала проработки и систематизации всего массива трудов по истории и этнографии народов Крыма эпохи Крымской АССР [29] стали универсальные библиографии, составленные в 20-е годы XX века. Их немного, как и единичны подвижники развития крымской исторической библиографии названной эпохи – Е.Е. Гопштейн, Ф.Ф. Максименко, А.И. Маркевич, В.В. Симоновский.

К началу 20-х годов XX века, пожалуй, единственным универсальным крымоведческим библиографическим указателем ос-

тавалась «TAURICA» Арсения Ивановича Маркевича (1855–1942), которая обрывалась на указаниях литературы 1901 года [23; 30; 31; 35]. Лидер досоветского крымоведения, не поддержавший новой власти, безусловно, был вынужден уже в начале 20-х отойти в организационных структурах местного краеведения на второй план, уступив место новой волне краеведов. При этом он продолжал преподавательскую деятельность в открытом в Симферополе университете, руководил Таврической ученой архивной комиссией, переименованной в 1923 году в Таврическое общество истории, археологии и этнографии, поддерживал широчайшие научные контакты с учеными из академических центров [32]. У него уже были наработки по библиографии крымоведения периода 1901–1920 годов. В тяжелейший период голода и красного террора 1921–1922 и в последующие годы, несмотря на отсутствие перспектив издания новой части указателя, Арсений Иванович методично занимался библиографической деятельностью. Четвертый выпуск библиографического справочника был полностью подготовлен Арсением Ивановичем к печати. Вот что сообщал по этому поводу ведущий крымский библиограф эпохи Виктор Васильевич Симоновский в 1929 году: «Среди крымских библиографов-практиков на первом месте – профессор А.И. Маркевич, неутомимый исследователь местной культуры, опубликовавший огромное количество трудов <...> А.И. Маркевич не видит продолжателей своего труда [«TAURICA» – А.И.] и это вынуждает его снова возвратиться к библиографической работе по Крыму, но главным образом, только по тем отделам, которые связаны с его научными знаниями: история, археология, этнография, география и социология. Лишь литература на восточных языках не была им использована по недоступности ее. Новый топовиблиографический труд А.И. Маркевича размером 16 печатных листов готов к печати и ждет своего издателя» [53]. Издателя работа так и не дождалась. Не удалось пока выявить и саму рукопись.

Однако в каталожном варианте рукописные записи А.И. Маркевича полностью сохранились до наших дней. Переехав в конце 30-х годов XX века к дочери в Ленинград, испытывавший материальные затруднения крымский ученый продал свою картотеку в два этапа Государственной академии истории материальной культуры. Она хранится в рукописном отделе На-

учного архива Института истории материальной культуры (Санкт-Петербург) и полностью доступна исследователям [11].

Одновременно с А.И. Маркевичем наиболее весомый вклад в дальнейшую систематизацию опубликованного наследия по истории и этнографии народов Крыма советского довоенного периода внес Виктор Васильевич Симоновский (1869–1933). Будущий библиограф-крымовед родился в местечке Сорочинцы Полтавской губернии в семье священника. После окончания духовной семинарии с августа 1893 до мая 1894 года учился на медицинском факультете Томского университета, который оставил, не окончив курс, из-за болезни и отсутствия средств. Вынуждено поменяв направление своей карьеры, Виктор Васильевич работал учителем в местечке Хорол под Полтавой. Стремясь все-таки получить университетское образование, молодой педагог в 1900 году стал студентом юридического факультета Юрьевского университета, который также вынужден был оставить в 1901 году из-за отсутствия средств для оплаты продолжения обучения [9, л. 1об.]. Перипетии судьбы, забросившие Симоновского в Крым, не ясны, но из сохранившихся его личных документов известно, что в 1913 г. он приступил к работе в Отделе народного образования Таврической губернской земской управы. В период 1914–1918 годов – время деятельности В.В. Симоновского на ниве народного образования – он неоднократно выступал в периодической печати с интересными публикациями, часть из которых была посвящена проблеме украинизации школы в Таврической губернии [34].

В тревожном 1919 году, при очередной смене власти, В.В. Симоновский был назначен экспертом по народному образованию и заведующим Музеем наглядных и учебных пособий, руководителем Центральной педагогической библиотеки Крымского отдела народного образования [8, л. 2–4]. Начало работы в библиотеке значительно поменяло сферу общественных интересов педагога. С этого периода он активно включился в библиографическую работу, вел учет публикаций современной ему местной печати.

Первые историко-краеведческие отраслевые библиографии В.В. Симоновского относятся к 1926 году, когда в «Бюллетене Крымского центрального статистического управления» была помещена «Библиография по крымскому табаководству и табачной

промышленности» и увидел свет наиболее известный его указатель – «Библиография по крымоведению» [48; 49]. В справочник вошли наиболее значительные труды о Крыме, изданные в 1917–1926 годы (720 позиций). При учете книжных изданий значительное место занимают публикации на русском и крымскотатарском языках. В последующие годы В.В. Симоновский дополнил свой указатель, подготовив к печати новое издание. Сохранилась рукопись этого справочника объемом 20 печатных листов, в котором насчитывается 1828 наименований работ, в том числе и на национальных языках. Охвачена литература с 1900 по 1926 год [6; 7].

Работая библиотекарем в различных научных и учебных заведениях, В.В. Симоновский стал составителем ряда систематизаций местных краеведческих изданий [51; 52; 55]. В его личном фонде, хранящемся в Государственном архиве Республики Крым, выявлен также оставшийся в рукописи «Перечень краеведческой литературы, выходящей в Крыму 1930–1931 гг.» (датирован 1931 г.) [5, л. 1–14]. В 1929 году В.В. Симоновский выступил с идеей создания при Крымском педагогическом институте имени тов. М.В. Фрунзе первого в Крыму библиографического общества, задачи которого он видел в том, чтобы объединить библиографическую работу на полуострове, выяснить судьбу, характер и содержание тех известных книжных собраний, которые не попали после установления советской власти в общественные библиотеки, составить сводный указатель крымоведческой литературы по всем отраслям знания, собрать материалы для биобиблиографического словаря крымских авторов [50]. Виктор Васильевич вошел в историю библиографии и как первый летописец истории развития библиографии крымоведения. В 1929 году он отмечал в специальном очерке, что «Крым издавна привлекает к себе внимание многих выдающихся ученых. <...> Наследство, оставленное различными научными ассоциациями и отдельные исследования в области изучения Крыма, громадно. <...> Многие ценные труды по изучению края до сих пор остаются неизвестными широкому кругу читателей и не могут быть использованы» [53, с. 118]. Впервые библиограф дал в одном очерке сжатую оценку библиографического наследия досоветской эпохи и подробно остановился на развитии библиографических изысканий в Крыму в конце 20-х годов XX века. Статья является уникальным источни-

ком о развитии библиографии в Крымской АССР. Из нее явствует о наличии к этому времени не только готовой к печати рукописи четвертого выпуска «TAURICI» А.И. Маркевича, но и рукописи каталога собрания библиотеки «Крым» (так в те года именовалась библиотека «Таврика») Центрального музея Тавриды (подготовил Д.С. Спиридонов), рукописного каталога «Востоковедение» (составил В.М. Марков); ряда рукописных указателей Е.Е. Гопштейна; «Библиографического обзора литературы о Сакской грязелечебнице» (подготовила Н.Н. Ромадина); рукописи «Систематического указателя литературы о караимах» (подготовил И.Я. Нейман); подборки крымоведческих изданий на крымскотатарском языке вышедших за 10 лет (составитель О.-Н.А. Акчокраклы) [53, с. 119–120].

Смерть застала Виктора Васильевича за работой над проектом создания крымоведческой энциклопедии [54, с. 173]. Характеризуя творческое наследие педагога и библиографа В.В. Симоновского современник краеведа профессор Крымского пединститута Николай Александрович Троицкий (1887–1957) отмечал: «Даже только перечень печатных работ В.В. Симоновского показывает, что автор положил немало трудов на служение любимому делу, делу, которому он <...> отдавался с большой любовью и энтузиазмом» [9, л. 2].

Параллельно с В.В. Симоновским региональной библиографией продуктивно занимался работавший тогда в Киеве Федор Филиппович Максименко. Он родился 4 февраля 1897 году в селе Беленьком под Александровском в семье священника. Привитая родителями любовь к книге наложила отпечаток на всю дальнейшую судьбу юноши. Свою трудовую деятельность он начал в городке Бахмуте библиотекарем Донецкого отдела народного образования. Затем заведовал Бахмутским краеведческим музеем [13]. Итогом краеведческих изысканий молодого руководителя музея стала публикация им в 1922 году указателя литературы про Донецкий край.

В 1922 году Ф.Ф. Максименко переехал в Киев, где поступил на исторический факультет Киевского института народного просвещения (закончил в 1925 г.). Учебу он сочетал с работой сотрудником Всенародной библиотеки Украины (теперь Национальная библиотека Украины имени В.И. Вернадского). В 1929–1931 годах

он обучался в аспирантуре при библиотеке. Годы работы в главном книжном хранилище Украины (1923–1933), где он занимался выставочно-консультационной деятельностью, комплектованием фондов, библиографией [2], способствовали его становлению как книговеда. В это время Ф.Ф. Максименко составил ряд небольших рекомендательных библиографических указателей.

В 1930 году был опубликован его библиографический указатель «Матеріали до краєзнавчої бібліографії України, 1847–1929: список бібліографічних праць, що стосуються до окремих місцевостей УСРР, Бессарабії, Дону й Криму» [21], который и по сегодняшний день не утратил значения для краеведения и библиографии второй ступени регионоведения.

В обстоятельном предисловии автор отметил, что вопросы порайонного изучения государства и производительных сил отдельных местностей приобрели особую актуальность. При этом акцент делался на регионоведение: «Составляя этот указатель, ставил своей целью дать, в помощь библиотекаря, краеведу, а порой и специалисту, полный реестр библиографических работ, которые касаются отдельных местностей Украины» [21, с. 7]. По сравнению с аналогичными указателями досоветской поры данное пособие выигрывало за счет включения сюда среза изданий 20-х годов XX века, которые стали бумом краеведческих исследований в СССР. Работа велась путем просмотра «de visu» разнообразных библиографических трудов, комплектов периодики, каталогов специализированных (в т.ч. и областных) библиотек, что позволило автору впервые в советской регионалистике собрать информацию про топовиблиографические труды. Вместе с тем, достаточно полным назвать представленный материал будет явным преувеличением. Это понимал и автор, который не случайно отметил, что на данный указатель следует смотреть только как на «материал к будущей полной топовиблиографии Украины, а не как на законченный, исчерпывающе полный реестр топовиблиографических работ» [21, с. 7].

Указатель состоит из 12 разделов. В первом – приведены общие библиографические материалы, изданные в России и Украине, которые касаются всех или нескольких местностей. Остальные разделы посвящены топовиблиографическим трудам, которые касаются отдельных областей Украины, а также Крыма, Бессарабии

и Донского края. Каждый раздел в свою очередь состоит из пяти подразделов: указатель содержания местной периодики; списки книжной продукции, напечатанной в данном регионе; библиография литературы о крае, изданной за его пределами; списки местных периодических изданий, которые были просмотрены при составлении указателя. Особую ценность в качестве библиографического источника имеет раздел «Библиографии, которые были составлены или планировались, но не были напечатаны».

Специальный раздел «Таврия–Крым» (с. 135–160) содержит универсальную информацию о библиографическом наследии по разным отраслям крымоведения. Это не только библиографические указатели, списки и обзоры, но и, что немаловажно, пристатейная библиография. Приведенные Ф.Ф. Максименко библиографические обзоры по истории и этнографии Крыма (с. 155–157) абсолютно не претендуют на полноту. Прежде всего, за счет отсутствия в справочнике биобиблиографических трудов – местных биографических словарей, списков трудов местных деятелей и писателей, списков литературы про них и т.д. Однако вряд ли данное замечание можно ставить в упрек библиографу первой трети XX века, если и в начале XXI столетия биобиблиография, тем более библиография биобиблиографии (второй ступени) остается наименее разработанным участком науки, а в указанное время царил дух идеологических вычеркиваний из справочного оборота целых пластов специальной литературы. Хотя данный указатель не учитывал первый опыт каталогизации опубликованных и рукописных пособий по крымоведению – библиографический справочник Е.Е. Гопштейна, появившийся в том же году [3], Ф.Ф. Максименко объективно заметил, что «считаем, вместе с тем, что она [работа Е.Е. Гопштейна – А.Н.] не делает лишним и наш указатель в разделе «Таврия–Крым»» [21].

Особую ценность «Матеріали до краєзнавчої бібліографії України, 1847–1929» представляют в качестве библиографического источника для воссоздания картины истории развития библиографических исследований в Крымской АССР. В частности, в это время был подготовлен в рукописи, но не издан ряд интересных библиографических пособий, информация о которых с аннотациями и некоторыми данными по истории их создания содержит работа Ф.Ф. Максименко. Так, в справочнике содержится

информация о ряде указателей, которые не были изданы (в некоторых позициях данные дублируются с позициями, сообщаемыми В.В. Симоновским, что подтверждает их достоверность): Е.Е. Гопштейна «Библиография периодической печати в Крыму в годы революции», «Библиография печати в Крыму за 150 лет», «Библиография антисемитизма в Крыму», «Библиография еврейских земледельческих колоний»; В.М. Маркова «Востоковедение в Крыму»; И.Я. Неймана «Систематический указатель литературы о караимах»; В.Д. Геймана «Библиографический указатель книг и статей по Феодосии и ее окрестностям» и др. [28; 308].

Указатель Ф.Ф. Максименко отразил основные тенденции развития краеведения в СССР в области развития библиографической мысли. Появившись на его закате, он символически подытожил этот период развития библиографических исследований в области региональной истории. Начавшийся затем период репрессий в различных сферах общественной жизни непосредственно коснулся и Ф.Ф. Максименко. Критики называли указатель «флагом буржуазно-националистической библиографии» [59]. Главной причиной этого стало расширение автором в справочнике этнографических границ украинского народа. Такой подход автора еще более четко обозначился в подготовленном Ф.Ф. Максименко библиографическом обзоре «Межі етнографічної території українського народу» [22]. В 1933 году исследователя отстранили от библиографической работы. Он вынужден был трудиться учетчиком производственного комбината при детском городке № 10. Некоторое время спустя ему удалось устроиться библиотекарем в библиотеку Второго киевского медицинского института, а затем – заведующим библиографическим отделом Научной библиотеки Киевского государственного университета. С 1933 по 1947 года не вышло ни одной публикации ученого. Однако библиографические разработки не были им прекращены. Прежде всего, была продолжена работа над указателем «Матеріали до краєзнавчої бібліографії України», который охватывал литературу 30–40-х годов XX века (рукопись погибла во время пожара Киевского университета в 1943 г.).

В 1946 году Ф.Ф. Максименко переехал во Львов, где в течение 37 лет работал в Научной библиотеке Львовского государственного университета. Сначала – в качестве заведующего отде-

лом библиографии, затем – заместителем директора по научной работе, заведующим отделом редкой книги и рукописей. В это время он составил, отредактировал и прорецензировал более сотни различных библиографических указателей.

Существенным вкладом в развитие библиографии второй степени стал указатель «Бібліографія української і російської бібліографії по історії УРСР», подготовленный Ф.Ф. Максименко совместно с Р.С. Кац [12]. Малоизвестным для крымоведов остается и составленный Федором Филипповичем фундаментальный библиографический указатель «Сборники исторических сведений о населенных пунктах Украинской ССР». К сожалению, он не был издан отдельной книгой, а публиковался в течение двух лет на страницах журнала [15–20]. В разделе «А» справочника приведен перечень общих работ, которые касались СССР, России, Украины, Австрии, Польши: 1) историко-географические словари (работы по топонимике), географо-исторические описания, изданные на русском и украинском языках (№№ 1–52), 2) не европейских языках (№№ 52–120), 3) статистические словари и списки населенных мест (№№ 121–132), 4) путеводители по странам (№№ 132а–147а), по рекам и морям (№№ 148–174), по путям сообщения (№№ 175–197), по историческим местам (№№ 198–207), по местам, связанным с жизнью и деятельностью известных писателей (№№ 208–229). Впервые после указателя «TAURICA» Арсения Ивановича Маркевича путеводители по Крыму стали объектом библиографической систематизации. Раздел «Б» содержит библиографические записи по различным местностям Украины в порядке хронологии эпох, раздел «В» – систематизации по областям. (Крымская область (с 1945 года), Крымская АССР (1921–1945), Таврическая губерния (1783–1920) – №№ 767–848). (Заметим, что указание хронологии существования Таврической губернии, приведенное в указателе, некорректно. В 1783 году была сформирована Таврическая область (до 1796 г.), затем Крым входил в состав Новороссийской губернии, а лишь в 1802 г. была образована Таврическая губерния). Информацию о Крыме содержат также библиографические записи 1–11, 13–14, 18, 21–25, 29, 31–32, 32а, б, в, 34, 37, 39, 40, 43–45, 47–51, 78, 91–107, 122–126, 135–137, 169–178, 186, 190, 194, 195, 205, 207, 209, 210–211, 215, 344–345, 369–373, 400, 403, 516–517, 995,

1008, 1024, 1229–1232, 1235–1237, 1243, 1249–1251. За 10 лет до появления тома «История городов и сел Украинской ССР: Крымская область» данные материалы стали базой для краеведческих исследований.

Ф.Ф. Максименко стал одним из составителей указателя «Бібліографії зарубіжних видань з історії Української РСР» [1], изданного «Наукового думкою» для служебного пользования. В предисловии, составленном Р.Г. Симоненко, отмечалось, что «предлагаемый указатель призван помочь советским научным работникам и партийно-пропагандистскому активу в решительном выявлении идеологических происков антикоммунизма» [1, с. 9]. Сложно судить насколько издание способствовало борьбе с идейными врагами. Вместе с тем, в крымоведческой советской библиографии это единственная попытка систематизировать записки путешественников по Крыму с конца XIII по 20-е годы XX века. Составители указали лишь единичные (наиболее существенные) работы (с. 105–107), путая иногда их жанр. Так, в разряд записок путешественников попал один из первых путеводителей по Крыму Ш.Г.Г. Монтадона.

Отметим, что хотя библиографическое наследие Ф.Ф. Максименко имеет непосредственно для восстановления крымоведческого репертуара не самое актуальное значение, тем не менее, именно благодаря его разработкам крымоведение в СССР популяризировалось и анализировалось.

Первой и единственной до сегодняшнего дня попыткой создания крымоведческого библиографического пособия второй степени стал труд Евсея Ефимовича Гопштейна (1885–1960), подготовившего «Библиографию библиографических указателей литературы о Крыме», изданную Обществом по изучению Крыма в 1930 году [3]. В справочнике отражены не только известные работы крымских библиографов, но и введены в научный оборот известные составителю рукописные каталоги документов: реестры архивных дел, печатные каталоги существующих крымских книжных собраний, связанных по содержанию исключительно с Крымом. Данная работа является одной из немногих попыток обобщить труды в области систематизации крымоведческой литературы выдающихся крымских историков-краеведов, таких как

А.Л. Бертье-Делагард, А.И. Маркевич, Ф.П. Кёппен, К.К. Косцюшко-Валюжинич, А.Х. Стевен, Н.А. Султан-Крым-Гирей.

Общее количество работ, отраженных в указателе Е.Е. Гопштейна изданий справочного типа – 28. Большинство из них были опубликованы в досоветский период. Каждый учтенный указатель аннотирован. Так, например, характеризуя труд А.И. Маркевича «TAURICA», Е.Е. Гопштейн не только указал на количество охваченной литературы в работе, но и остановился на значении справочника: «Несмотря на устарелость этого труда, являющегося, к тому же библиографической редкостью, он представляется незаменимым в настоящее время основным справочным изданием при всяких работах, которые связаны с Крымом» [3, с. 10].

Указатель второй степени Е.Е. Гопштейна включает в себя как историко-краеведческие, так и отраслевые библиографические пособия, посвященные Крыму. Среди них работы выделены по значению в развитии отрасли, например, труды Г.Н. Геннади «Список сочинений о Крыме», П.А. Двойченко «Основная литература по стратиграфии Крыма за 150 лет». Кроме того Е.Е. Гопштейн привел печатные издания каталога библиотеки «Taurica», в котором обнаружил 1649 названий книг, брошюр, периодических изданий по Крыму. Отдельно указаны труды крымских краеведов (Ф.Ф. Лашкова и П.В. Никольского и др.), которые содержат перечни архивных дел, описей и фондов, посвященных крымской истории [3, с. 9–10]. Выборочно учтены и отдельные издания на иностранных языках. Библиограф верно начал фиксацию крымско-ведческих библиографических штудий с «Catalogue des ouvrages les plus connus qui font mention de la Crémée» Шарля Монтадона [3, с. 15].

В связи с тем, что единственный в своем роде – труд Евсея Ефимовича Гопштейна – до сегодняшнего дня остается ключом к изучению становления и развития краеведческой библиографии в Крыму XIX – первой трети XX века, нами были предприняты шаги для разыскания рукописного наследия библиографа. В архивном фонде Центрального архивного управления Крымской АССР в Гос. архиве республики Крым хранится личное дело подвижника крымской библиографии. Из собственноручно заполненной Е.Е. Гопштейном анкеты стало известно, что на 7 апреля 1935 года он беспартийный, работает в Управлении народно-хозяйственного

учета Крымской АССР научным сотрудником. Научную работу ведет «по личной инициативе» [10, л. 1]. Библиограф проживал в Симферополе на Малобазарной улице, дом 30, кв. 12. В течение второй половины 20-х – 30-е годы Е.Е. Гопштейн подготовил к печати целую серию библиографических пособий: «Библиографию периодической печати в годы революции»; указатель «Печать в Крыму в годы революции», включавший издания на семи языках; «Библиографию печати в Крыму за 150 лет», «Библиографию антисемитизма в Крыму», «Библиографию еврейских земледельческих колоний» [33, с. 182–183]. Исследователь использовал при этом все доступные каталоги архивов и библиотек Крыма (общественных, краеведческих, ведомственных, личных собраний). Его работа «Библиография периодической печати в Крыму в годы революции» должна была в 1930 году быть опубликована в Москве. Поиск библиографического наследия Е.Е. Гопштейна занял не один год. Так, обрывочная информация о том, что часть трудов Е.Е. Гопштейна попала в собрание Еврейского этнографического музея в Ленинграде [14, с. 249–253] потребовала кропотливых разысканий в Центральном государственном историческом архиве города Санкт-Петербурга, где отложился фонд Еврейского историко-этнографического общества, стоявшего за созданием этого музея. Дальнейшие поиски привели к личному архивному фонду сына Евсея Ефимовича – Ефима Евсеевича Гопштейна (1916–1981), который эмигрировал в США и увез с собой всю библиографическую картотеку и рукописи отца. Эти документы хранятся в отделе рукописей Стэнфордской библиотеки [60] в 9 ящиках. Это каталоги о крымской периодике, истории евреев в Крыму, оккупации полуострова немецко-фашистскими войсками в 1941–1944 годах, крымским персоналиям, истории городов, истории искусства народов полуострова.

Анализ опубликованных и рукописных универсальных крымоведческих библиографий, составленных в 20–30-е годы XX века, показал, что они не учитывают полный репертуар публикаций по истории и этнографии. Подборки выборочные. В них порой не учтено даже 30% книжной продукции, 17% – журнальных статей и, практически, не представлена газетная периодика. И это вынудило нас прибегнуть к методу сплошного поиска, когда для осуществления поставленной задачи – восстановления максимально

полного крымоведческого опубликованного и рукописного репертуара эпохи – необходимо обследовать сплошь и без пропусков все пособия и источники – как библиографические, так и подшивки периодических изданий и книжную продукцию. Еще при подготовке первого тома свода исторического крымоведения, охватившего 1783–1920 годы нами была предпринята попытка соединить в одном справочнике не только опубликованное, но и рукописное наследие крымоведов. Необходимость именно такого подхода для получения полной достоверной информации о научном наследии каждой отдельной персоны была доказана нами в докторской диссертации [36]. Тем более это актуально для 20–30-х годов – времени противоречивом, когда многое не публиковалось, сохранилось исключительно в рукописях.

Для выявления неизвестных рукописей работ крымоведов были исследованы архивные фонды научных организаций и объединений, которые занимались различным аспектами изучения полуострова: Центральных государственных реставрационных мастерских (ЦМАМ, ф. Р–1), Российской академии истории материальной культуры – Государственной академии истории материальной культуры (ИИМК РАН НА РО, ф. 2), Всеукраинского археологического комитета (ИА НАН Украины, научный архив), Археографической комиссии АН (1834–1931) – Историко-археографического института АН СССР (1931–1936) (ПФАРАН, ф. 133), Всеукраинской академии наук (ИР НБУВ, ф. 10), Семинария (Института) имени Н.П. Кондакова (Архив АН Чешской Республики), Византийской комиссии АН СССР (1925–1930) (ПФАРАН, ф. 126), Музея антропологии и этнографии АН СССР (ПФАРАН, ф. 142). Содержательные рукописи неопубликованных работ многих признанных крымоведов удалось выявить в собраниях документов «Коллекция материалов по музейному строительству» (ГИМ ОПИ, ф. 54), «Собрание рукописей и документов «Архив А.Е. Крымского»» (ИР НБУВ, ф. 1). Ценные данные для разыскания полной библиографии историков и этнографов Крыма содержат материалы архивного фонда «Комиссия «Наука в Росси» (1916–1923); Комиссия «Наука и ее работники в пределах СССР» (1924–1930); Комиссия «Наука и научные работники СССР» (1930–1932); Комитет учета научных работников и изучения научных сил СССР (1932–1934)» (ПФАРАН, ф. 155),

где сохранились собственноручно заполненные автобиографические справки и библиографические списки подвижников изучения крымоведения. Особый срез библиографической информации, рукописи работ, копии публикаций содержат дела репрессированных историков, хранящиеся в архиве ФСБ (В.П. и П.П. Бабенчиковых, К.Э. Гриневича, А.К. Тахтая, Н.Л. Эрнста).

Для воссоздания общей картины изучения Крыма в указанный период была восстановлена полная библиография публикаций не только местных краеведческих организаций (Таврическое общество истории, археологии и этнографии, Крымское общество естествоиспытателей и любителей природы, Общества по изучению Крыма), но и научных организаций СССР, в сферу деятельности которых входило исследование истории и этнографии крымских этносов, (Российское общество по изучению Крыма (Москва–Ленинград), Общество пролетарского туризма (Москва), Общество обследования и изучения Азербайджана (Баку), Научное общество татароведения (Казань), Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете (Казань) и др.). Из зарубежных крымоведческих объединений продуктивной работой выделялся Семинариум имени Н.П. Кондакова (в дальнейшем – Институт имени Н.П. Кондакова). Были изучены архивные фонды этого научного содружества (Архив АН Чешской республики; Литературный архив памятников национальной письменности). Особый интерес для пополнения библиографических списков крымоведов представляют издания как центральных музеев (Государственный музей Востока (Москва), Центральный музей народоведения (Москва), Музей антропологии и этнографии (Ленинград)), так и местных, которые, порой, издавали за всю свою довоенную историю по одному-два сборника. Однако эти материалы не были включены не в один библиографический указатель.

Таким образом, при подготовке фундаментального библиографического указателя советского довоенного исторического крымоведения нами был использован разнообразный корпус опубликованных и рукописных источников, что позволило представить репрезентативный репертуар развития историко-этнографических региональных штудий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бібліографії зарубіжних видань з історії Української РСР: бібліогр. покажчик / укл. Л.Д. Вітрук, Ф.П. Максименко, В.М. Рябокони. Київ: Наукова думка, 1971. 199 с.
2. Білокін С. Наш перший бібліограф // Україна: наука і культура: щорічник. Київ, 1986. Вип. 20. С. 394.
3. Гопштейн Е.Е. Библиография библиографических указателей литературы о Крыме. Симферополь, 1930. 15 с.
4. Горбик В.О. [Рец.] // Український історичний журнал. Київ, 2002. № 4. С. 137–139.
5. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. Р–3318, оп. 1, д. 13.
6. ГАРК. Ф. Р–3318, оп. 1, д. 14, л. 1–224.
7. ГАРК. Ф. Р–3318, оп. 1, д. 15, л. 1–205.
8. ГАРК. Ф. Р–3318, оп. 1, д. 21.
9. ГАРК. Ф. Р–3318, оп. 1, д. 22.
10. ГАРК. Ф. Р–415, оп. 1, д. 549, л. 1–8.
11. Институт истории материальной культуры РАН, научный архив, рукописный отдел, ф. 32. Библиографическая картотека А.И. Маркевича.
12. Кац Р.С., Максименко Ф.П. Бібліографія української і російської бібліографії по історії УРСР. Київ, 1960. Ц, 154 с.
13. Королевич Н.Ф. Бібліограф Федір Пилипович Максименко (1897–1983): біобібліогр. нарис. Серія: «Видатні діячі української книги». Вип. 6. Київ, 1996. С. 3.
14. Лукин В. Фонд Еврейского историко-этнографического общества в Центральном государственном историческом архиве Ленинграда // Исторические судьбы евреев в России и СССР: начало диалога: сб. ст. Москва, 1992. С. 245–261.
15. Максименко Ф. Збірки історичних відомостей про населені пункти Української РСР: бібліогр. покажчик // Науково-інформаційний бюлетень Архівного управління УРСР. 1963. № 4. С. 79–86.
16. Максименко Ф. Збірки історичних відомостей про населені пункти Української РСР: бібліогр. покажчик // Науково-інформаційний бюлетень Архівного управління УРСР. 1963. № 5. С. 79–84.
17. Максименко Ф. Збірки історичних відомостей про населені пункти Української РСР: бібліогр. покажчик // Науково-інформаційний бюлетень Архівного управління УРСР. 1963. № 6. С. 76–85.

18. *Максименко Ф.* Збірки історичних відомостей про населені пункти Української РСР: бібліогр. покажчик // Науково-інформаційний бюлетень Архівного управління УРСР. 1964. № 1. С. 88–98.
19. *Максименко Ф.* Збірки історичних відомостей про населені пункти Української РСР: бібліогр. покажчик // Науково-інформаційний бюлетень Архівного управління УРСР. 1964. № 2. С. 92–99.
20. *Максименко Ф.* Збірки історичних відомостей про населені пункти Української РСР: бібліогр. покажчик // Науково-інформаційний бюлетень Архівного управління УРСР. 1964. № 3. С. 89–101.
21. *Максименко Ф.П.* Матеріяли до краєзнавчої бібліографії України 1847–1929 р.: список бібліографічних праць, що стосуються до окремих місцевостей УСРР, Бессарабії, Дону й Криму. Київ, 1930. XIX, 264 с.
22. *Максименко Ф.П.* Межі етнографічної території українського народу // Бібліографічний збірник. Ч. 3: Бібліографія на Україні. Київ, 1927. С. 65–93.
23. *Маркевич А.И.* «TAURICA»: опыт указателя книг и статей, касающихся Крыма и Таврической губернии вообще. Вып. 1 // ИТУАК. Симферополь, 1894. № 20. С. 1–395.
24. *Маркевич А.И.* «TAURICA»: опыт указателя книг и статей, касающихся Крыма и Таврической губернии вообще. Вып. 2. // ИТУАК. Симферополь, 1898. С. 92–185.
25. *Маркевич А.И.* «TAURICA»: опыт указателя книг и статей, касающихся Крыма и Таврической губернии вообще. Вып. 3 // ИТУАК. Симферополь, 1902. С. 47–128.
26. *Матяш І.Б.* Цінне видання регіональної бібліографії // Культура народів Причорномор'я. Симферополь, 2001. № 25. С. 184–185.
27. *Мицлов Р.И.* Что такое библиография и что от нее требуется? // Библиографические записки. Москва, 1858. № 12. Стлб. 383.
28. *Нейман И.Я.* [Караимы на территории СССР]: библиографический указатель: [рукопись: картотека]. ИВР РАН. Ф. И.Я. Нейман. [20-е годы XX века].
29. *Непомнящий А.А., Севастьянов А.В.* Красный Крым (1921–1945) // История Крыма / Е.Е. Бойцова, Я.В. Вишняков, А.В. Ганин, А.В. Исаев, В.В. Калиновский, А.В. Кузьмина, А.А. Непомнящий, Н.Н. Петрухинцев, А.Н. Романов, А.В. Севастьянов, А.А. Смирнов, И.А. Спивак, В.В. Хапаев; Российское военно-историческое общество. Москва: Олма, 2015. С. 330–357.
30. *Непомнящий А.А.* Арсеній Маркевич и развитие историко-краеведческой библиографии Крыма в конце XIX – начале XX века //

Историко-библиографические исследования: сб. науч. тр. С.-Петербург, 2002. Вып. 9. С. 66–96.

31. *Непомнящий А.А.* Арсений Маркевич – библиограф-крымовед // Мир библиографии. Москва, 2005. № 4. С. 32–37.

32. *Непомнящий А.А.* Арсений Маркевич: страницы истории крымского краеведения. Серия: «Биобиблиография крымоведения». Вып. 3. Симферополь: Бизнес-Информ, 2005. 432 с.

33. *Непомнящий А.А.* Библиография библиографии исторического краеведения Крыма: начало работы над составлением полного свода // Студії з архівної справи та документознавства. Київ, 2003. Т. 9. С. 182–186.

34. *Непомнящий А.А.* Вопрос об украинском языке в Таврической губернии в опубликованном наследии библиографа В. В. Симоновского (по новым библиографическим источникам) // Записки з загальної лінгвістики=Орега annua in linguistica generalis: зб. наук. праць. Вип. 5: Мова та національна свідомість. Одеса: Астропринт, 2002. С. 142–145.

35. *Непомнящий А.А.* Историко-библиографічний спадок Арсенія Маркевича: досвід аналізу і нові знахідки // Бібліотечна планета. Київ, 2000. № 4. С. 36–37.

36. *Непомнящий А.А.* Бібліографічна спадщина історико-етнографічних досліджень Криму в кінці XVIII – на початку XX століть: автореферат дисс. ... доктора історичних наук / 07. 00. 08 – книгознавство, бібліотекознавство, бібліографознавство. Київ, 2001. 32 с.

37. *Непомнящий А.А.* История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (конец XVIII – начало XX века). Симферополь: Доля, 2001. 816 с.

38. *Непомнящий А.А.* Крымоведение в библиографических исследованиях Ф.Ф. Максименко // Студії з архівної справи та документознавства. Київ, 2002. Т. 8. С. 187–190.

39. *Непомнящий А.А.* Малоизвестные исследования по изучению крымоведческой библиографии в последней трети XIX – первой трети XX века // Solanus: New ser. London, 2002, vol. 16, pp. 77–84.

40. *Нещерет М.Ю.* Методы библиографического поиска: историографический аспект // Историко-библиографические исследования: сб. науч. тр. Вып. 11. Санкт-Петербург, 2008. С. 131.

41. *Острой О.С.* Вновь об истории библиографии // Историко-библиографические исследования: сб. науч. тр. Санкт-Петербург, 2006. Вып. 10. С. 7–8.

42. *Острой О.С.* Историко-библиографическое исследование в области крымоведения // Библиография. Москва, 2001. № 1. С. 125–126.

Рец. на кн.: Непомнящий А.А. Музейное дело в Крыму и его старатели (XIX – начало XX в.): биобиблиогр. иссл. Симферополь, 2000. 360 с.

43. *Паславский Т.Б.* Новейшее библиографическое исследование в области истории и этнографии Крыма А.А. Непомнящего – важный этап развития исторического краеведения и библиографоведения // Ученые записки Таврического нац. ун-та им. В.И. Вернадского. Сер.: История. Симферополь, 2001. Т. 14 (53). № 1. С. 80–83.

44. *Пучков А.О.* Загальне і дрібниці кримознавчої бібліографії // Мова та історія: період. зб. наук. пр. Київ, 2003. Вип. 66: Спеціальний ювілейний випуск з нагоди десятиліття збірника: праці з української та східних мов. С. 14–119.

45. *Пучков А.А.* Общее и подробности крымоведческой библиографии: Новые книги А.А. Непомнящего // Пучков А.А. Архитектуроведение и культурология: избр. ст. Киев: Издательский дом А. С. С., 2005. С. 632–640.

46. *Равич Л.М.* О некоторых вопросах истории советской библиографии // Труды Ленинградского гос. ин-та культуры им. Н.К. Крупской. Т. 41: Развитие библиографической науки в советский период. Ленинград, 1978. С. 21.

47. *Раздорский А.И.* Крым: история в библиографии // Мир библиографии. Москва, 2003. № 1. С. 61–62.

48. *Симоновский В.В.* Библиография по крымоведению // Весь Крым, 1920–1925: юбилейный сб. Симферополь, 1926. С. 517–534.

49. *Симоновский В.В.* Библиография по крымскому табаководству и табачной промышленности // Бюллетень Крымского центрального статистического управления. 1926. № 6. С. 124–134.

50. *Симоновский В.В.* В Крыму нужно создать библиографическое общество // Красный Крым. 1929. 16 мая.

51. *Симоновский В.В.* Книги, посвященные десятилетию советизации Крыма // Экономика и культура Крыма. 1931. № 2. С. 102–106.

52. *Симоновский В.В.* Материалы по библиографии литературы, выходящей в Крымской АССР или касающейся Крыма // Экономика и культура Крыма. 1931. № 4(3). С. 110–113.

53. *Симоновский В.В.* Очерк библиографической работы в Крыму // Библиография. Москва, 1929. № 4. С. 118.

54. *Симоновский В.В.* Очерки работы краевых энциклопедий // Экономика и культура Крыма. 1934. № 9/12. С. 173–180.

55. *Симоновский В.В.* Систематический указатель статей, помещенных в «Бюллетене Крымского центрального статистического управления», №№ 1–10 (1923–1928) // Бюллетень Крымского центрального статистического управления. 1929. № 10. С. 52–60.

56. *Спірова В.І.* Вагомий внесок у розвиток кримознавства // Бібліотечний вісник. Київ, 2002. № 3. С. 61–62.
57. *Урсу Д.П.* Крымоведение за 140 лет // Библиография. Москва, 2002. № 2. С. 89–91.
58. *Швидько Г.К.* Бібліографія і культура Криму // Гуманітарний журнал. Дніпропетровськ. 2001. № 1/2 (9/10). С. 179–181.
59. *Якубовский С.* Проти націонал-фашистських настанов в бібліографічних працях ВУАН // Життя й революція. Київ, 1934. № 1. С. 101–114.
60. Stanford library. F. Gopshtein E. E., 1916–1981.
61. *Strojny A.* [Recenzja] // Studia historyczne / Polska akademia nauk; oddzial w Krakowie; komisja historyczna. Krakow, 2005. R. XLVIII, z. 2 (190). S. 246–248.

Сведения об авторе: Андрей Анатольевич Непомнящий – доктор исторических наук, профессор кафедры региональной истории и специальных дисциплин Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (95000, просп. Вернадского, 4, Симферополь, Крым); aan@home.cris.net



The sources for the restoration of historical-ethnographic case of pre-war studying of the Crimea

Andrey Nepomnyashchiy

(V.I. Vernadsky Crimean Federal University)

Abstract. In the article is considered the source database for the formation of fundamental set of publications and manuscripts on the history and ethnography of the peoples of Crimea in 1921–1945 years. At the beginning of the XXI century, we observed boom edition of the literature of all types on the study of the Crimea. Thus, extremely limited list of sources of the Soviet pre-war period is simply striking. For the first time was systematized and analyzed the case of universal bibliographies on studying of the Crimea, being compiled in the 20–30 ies of the XX century by E.E. Gopstein, F.F. Maksimenko, A.I. Markevich, V.V. Simonovsky, and which reflected the slice of

historical-ethnographic studying of the Crimea. The history of search and location of some of the manuscript bibliographies, prepared in 30-ies of the XX century, and not published for ideological or other reasons (E.E. Gopstein, A.I. Markevitch, I.J. Neumann) was recovered. Analysis of published and manuscript universal bibliographies of studying of the Crimea, compiled in the 20–30-ies of the XX century, has shown that they do not take into account the full repertoire of publications on the history and ethnography. Stack sampling. Sometimes there were not even considered 30% of book production, 17% of journal articles and practically were absent newspaper periodicals. And it compels modern researchers to resort on to the method of continuous search to implement the task – recovery of fullest studying of the Crimea published and manuscript repertoire of age – should be examined completely and without gaps of all benefits and sources – as well as bibliographic as binder periodicals and books. Even making preparation of the first volume of the set of historical studying of the Crimea, covering 1783–1920 years, we have attempted to combine not only published, but the manuscript heritage of scientists studying the Crimea in the handbook. The need for this approach is to obtain complete reliable information on the scientific heritage of each individual person, has been proved us in doctoral dissertation. This is especially true for 20–30-ies – time period being controversial, when many works were not published and preserved only in manuscripts. There is a great necessity of attracting personal archives of historians, archaeologists and ethnographers of the Crimea to restore the full set of scientific heritage figures.

Keywords: studying of the Crimea, universal bibliographic manual, personal archival collections, the history of science.

REFERENCES

1. Bibliografiï zarubizhnikh vidan' z istoriï Ukraïns'koï RSR: bibliogr. pokazhchik [Bibliography of the foreign publications on the history of Ukrainian SSR: Bibliogr. pointer]. Ed. L.D. Vitruk, F.P. Maksimenko, V.M. Ryabokon'. Kiev, Naukova dumka Publ., 1971. 199 p.
2. Bilokin' S. Nash pershiy bibliograf [Our first bibliographer]. *Ukrayina: nauka i kul'tura: shchorichnik* [Ukraine: Science and Culture: Yearbook]. Kiev, 1986, issue 20, p. 394.
3. Gopshteyn E.E. *Bibliografiya bibliograficheskikh ukazateley literatury o Kryme* [Bibliography of the bibliographical literature pointers about Crimea]. Simferopol, 1930. 15 p.
4. Gorbik V.O. [Rets.]. *Ukrayins'kiy istorichniy zhurnal* [Ukrainian history magazine]. Kiev, 2002, no. 4, pp. 137–139.

5. Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Krym (GARK) [State archive of the Republic of Crimea]. F. R-3318, op. 1, d. 13.
6. GARK. F. R-3318, op. 1, d. 14, l. 1-224.
7. GARK. F. R-3318, op. 1, d. 15, l. 1-205.
8. GARK. F. R-3318, op. 1, d. 21.
9. GARK. F. R-3318, op. 1, d. 22.
10. GARK. F. R-415, op. 1, d. 549, l. 1-8.
11. IIMK RAN NA RO [Institute of History of Material Culture of RAS, scientific archive, handwritten department]. F. 32. Bibliograficheskaya kartoteka A.I. Markevicha.
12. Kats R.S., Maksimenko F.P. *Bibliografiya ukrains'koï i rosiys'koï bibliografii po istorii URSS* [Bibliography of Ukrainian and Russian bibliography on the history of the USSR]. Kiev, 1960. II, 154 p.
13. Korolevich N.F. *Bibliograf Fedir Pilipovich Maksimenko (1897-1983): biobibliograficheskie naris* [Bibliographer Fedir Pilipovich Maksimenko (1897-1983): biobibliographer sketch]. Seriya «Vidatni diyachi ukrains'koï knigi», issue 6. Kiev, 1996, p. 3.
14. Lukin V. Fond Evreyskogo istoriko-etnograficheskogo obshchestva v Tsentral'nom gosudarstvennom istoricheskom arkhive Leningrada [The Foundation of the Jewish Historical and Ethnographic Society in the Central State Historical Archive of Leningrad]. *Istoricheskie sud'by evreev v Rossii i SSSR: nachalo dialoga: sbornik statey* [Historical fate of the Jews in Russia and in the Soviet Union: the beginning of the dialogue: Collected Articles]. Moscow, 1992, pp. 245-261.
15. Maksimenko F. Zbirki istorichnikh vidomostey pro naseleni punkti Ukraïns'koï RSR: bibliograficheskii pokazhchik [Collections of historical information about towns of Ukrainian SSR: Bibliographer Pointer]. *Naukovo-informatsiyniy byuleten' Arkhivnogo upravlinnya URSS – Research Newsletter Archive Administration of the USSR*, 1963, no. 4, pp. 79-86.
16. Maksimenko F. Zbirki istorichnikh vidomostey pro naseleni punkti Ukraïns'koï RSR: bibliograficheskii pokazhchik [Collections of historical information about towns of Ukrainian SSR: Bibliographical Pointer]. *Naukovo-informatsiyniy byuleten' Arkhivnogo upravlinnya URSS – Research Newsletter Archive Administration of the USSR*, 1963, no. 5, pp. 79-84.
17. Maksimenko F. Zbirki istorichnikh vidomostey pro naseleni punkti Ukraïns'koï RSR: bibliograficheskii pokazhchik [Collections of historical information about towns of Ukrainian SSR: Bibliographical Pointer]. *Naukovo-informatsiyniy byuleten' Arkhivnogo upravlinnya URSS – Research Newsletter Archive Administration of the USSR*, 1963, no. 6, pp. 76-85.
18. Maksimenko F. Zbirki istorichnikh vidomostey pro naseleni punkti Ukraïns'koï RSR: bibliograficheskii pokazhchik [Collections of historical

information about towns Ukrainian SSR: Bibliographer Pointer]. *Naukovo-informatsiynyi byuleten' Arkhivnogo upravlinnya URSS – Research Newsletter Archive Administration of the USSR*, 1964, no. 1, pp. 88–98.

19. Maksimenko F. Zbirki istorichnikh vidomostey pro naseleni punkti Ukraïns'koï RSR: bibliograficheskiy pokazhchik [Collections of historical information about towns of Ukrainian SSR: Bibliographical Pointer]. *Naukovo-informatsiynyi byuleten' Arkhivnogo upravlinnya URSS – Research Newsletter Archive Administration of the USSR*, 1964, no. 2, pp. 92–99.

20. Maksimenko F. Zbirki istorichnikh vidomostey pro naseleni punkti Ukraïns'koï RSR: bibliograficheskiy pokazhchik [Collections of historical information about towns of Ukrainian SSR: Bibliographical Pointer]. *Naukovo-informatsiynyi byuleten' Arkhivnogo upravlinnya URSS – Research Newsletter Archive Administration of the USSR*, 1964, no. 3, pp. 89–101.

21. Maksimenko F.P. *Materiyali do kraeznavchoyi bibliografii Ukrayini 1847–1929 r.: spisok bibliografichnikh prats', shcho stosuyut'sya do okremikh mistsevostey USRR, Bessarabii, Donu y Krimu* [The materials to local history bibliography of Ukraine in 1847–1929 years.: bibliographic list of papers relating to specific localities of SSR, Bessarabia, Don and the Crimea]. Kiev, 1930. 264 p.

22. Maksimenko F.P. Mezhi etnografichnoï teritorii Ukraïns'kogo narodu [The boundaries of Ukrainian people's ethnographic territory]. *Bibliografichniy zbirnik* [Bibliographical collection]. Part 3: Bibliografiya na Ukraïni. Kiev, 1927, pp. 65–93.

23. Markevich A.I. «TAURICA»: opyt ukazatelya knig i statey, kasayushchikhsya Kryma i Tavricheskoy gubernii voobshche [«TAURICA»: experience index of books and articles relating to the Crimea and the Tauride province in general]. Issue 1. *ITUAK*. Simferopol, 1894, no. 20, pp. 1–395.

24. Markevich A.I. «TAURICA»: opyt ukazatelya knig i statey, kasayushchikhsya Kryma i Tavricheskoy gubernii voobshche [«TAURICA»: experience index of books and articles relating to the Crimea and the Tauride province in general]. Issue 2. *ITUAK*. Simferopol, 1898, pp. 92–185.

25. Markevich A.I. «TAURICA»: opyt ukazatelya knig i statey, kasayushchikhsya Kryma i Tavricheskoy gubernii voobshche [«TAURICA»: experience index of books and articles relating to the Crimea and the Tauride province in general]. Issue 3. *ITUAK*. Simferopol, 1902, pp. 47–128.

26. Matyash I.B. Tsinne vidannya regional'noï bibliografii [Valuable regional editions bibliography]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya – Culture of the peoples Black Sea region*. Simferopol, 2001, no. 25, pp. 184–185.

27. Mintslov R.I. Chto takoe bibliografiya i chto ot nee trebuetsya? [What is a bibliography, and that it is required?]. *Bibliograficheskie zapiski – Bibliographical notes*. Moscow, 1858, no. 12, stb. 383.

28. Neyman I.Ya. [*Karaimy na territorii SSSR*]: *bibliograficheskiy ukazatel'*: [rukopis': kartoteka] [[Karaites in the Soviet Union]: bibliography: [manuscript: file cabinet]]. IVR RAN. F. I.Ya. Neyman. [20-e gody XX veka].

29. Nepomnyashchiy A.A., Sevast'yanov A.V. Krasnyy Krym (1921–1945) [Red Crimea (1921–1945)]. *Istoriya Kryma* [History of Crimea]. E.E. Boytsova, Ya.V. Vishnyakov, A.V. Ganin, A.V. Isaev, V.V. Kalinovskiy, A.V. Kuz'mina, A.A. Nepomnyashchiy, N.N. Petrukhintsev, A.N. Romanov, A.V. Sevast'yanov, A.A. Smirnov, I.A. Spivak, V.V. Khapaev. Moscow, Olma Publ., 2015, pp. 330–357.

30. Nepomnyashchiy A.A. Arseniy Markevich i razvitie istoriko-kraevedcheskoy bibliografii Kryma v kontse XIX – nachale XX veka [Arseny Markevich and development of Local History Bibliography of Crimea in the late XIX – early XX century]. *Istoriko-bibliograficheskie issledovaniya: sbornik nauchnykh trudov* [Historical and bibliographical research: Collected Articles]. St. Petersburg, 2002, issue 9, pp. 66–96.

31. Nepomnyashchiy A.A. Arseniy Markevich – bibliograf-krymoved [Arseny Markevich – bibliographer-Crimean historian]. *Mir bibliografii* [The World of bibliography]. Moscow, 2005, no. 4, pp. 32–37.

32. Nepomnyashchiy A.A. Arseniy Markevich: stranitsy istorii krymskogo kraevedeniya [Arseny Markevich: ages on history of the Crimean local history]. Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya». Issue 3. Simferopol, Biznes-Infom Publ., 2005. 432 p.

33. Nepomnyashchiy A.A. Bibliografiya bibliografii istoricheskogo kraevedeniya Kryma: nachalo raboty nad sostavleniem polnogo svoda [Bibliography on the local history Bibliography of the Crimea: the beginning of work to compile a complete set of bibliography]. *Studii z arkhivnoi spravi ta dokumentoznavstva* [Studies in the Archives and Documentation]. Kiev, 2003, vol. 9, pp. 182–186.

34. Nepomnyashchiy A.A. Vopros ob ukrainskom yazyke v Tavricheskoy gubernii v opublikovannom nasledii bibliografa V.V. Simonovskogo (po novym bibliograficheskim istochnikam) [The question of the Ukrainian language in the Tauride province in the published heritage of bibliographer Vladimir Simonov (according to new bibliographic sources)]. *Zapiski z zagal'noi lingvistiki=Opera annua in linguistica generalis: zbirnyk naukovykh prac'*. Issue 5, Mova ta natsional'na svidomist'. Odessa, Astroprint Publ., 2002, pp. 142–145.

35. Nepomnyashchiy A.A. Istoriko-bibliografichnyi spadok Arseniya Markevicha: dosvid analizu i novi znakhidki [Historical and bibliographical legacy of Arseniy Markevich, analysis and experience of new discoveries]. *Bibliotechna planeta* [Library planet]. Kiev, 2000, no. 4, pp. 36–37.

36. Nepomnyashchiy A.A. *Bibliografichna spadshchina istoriko-etnografichnikh doslidzhen' Krimu v kintsi XVIII – na pochatku XX stolit'* [Bibliographic heritage of historical and ethnographic studies of Crimea at the end of the XVIII – early XX centuries]: avtoreferat dissertatsii doktora istorichnikh nauk. 07. 00. 08 – knigoznavstvo, bibliotekoznavstvo, bibliografoznavstvo. Kiev, 2001. 32 p.
37. Nepomnyashchiy A.A. *Istoriya i etnografiya narodov Kryma: bibliografiya i arkhivy (konets XVIII – nachalo XX veka)* [History and Ethnography of the people of Crimea: Bibliography and Archives (the end of XVIII – beginning of XX century)]. Simferopol, Dolya Publ., 2001. 816 p.
38. Nepomnyashchiy A.A. Krymovedenie v bibliograficheskikh issledovaniyakh F.F. Maksimenko [Crimean history in bibliographic research of F.F. Maksimenko] *Studii z arkhivnoi spravi ta dokumentoznavstva* [Studies in the Archives and Documentation]. Kiev, 2002, vol. 8, pp. 187–190.
39. Nepomnyashchiy A.A. Maloizvestnye issledovaniya po izucheniyu krymovedcheskoy bibliografii v posledney treti XIX – pervoy treti XX veka [Little-known study on Crimean history bibliography in the last third of the XIX – the first third of the twentieth century]. *Solanus*. New ser. London, 2002, vol. 16, pp. 77–84.
40. Neshcheret M.Yu. Metody bibliograficheskogo poiska: istoriograficheskii aspekt [Bibliographic search methods: historiographical aspect]. *Istoriko-bibliograficheskie issledovaniya: sbornik nauchnykh trudov* [Historical and bibliographical research: Collected Articles]. St. Petersburg, 2008, issue 11, p. 131.
41. Ostroy O.S. Vnov' ob istorii bibliografii [Again about the history of bibliography]. *Istoriko-bibliograficheskie issledovaniya: sbornik nauchnykh trudov* [Historical and bibliographical research: Collected Articles]. St. Petersburg, 2006, issue 10, pp. 7–8.
42. Ostroy O.S. Istoriko-bibliograficheskoe issledovanie v oblasti krymovedeniya [Historical and bibliographical research in the field of Crimean local history]. *Bibliografiya* [Bibliography]. Moscow, 2001, no. 1, pp. 125–126. Retsenzija na knigu: Nepomnyashchiy A.A. *Muzeynoe delo v Krymu i ego starateli (XIX – nachalo XX v.): biobibliograficheskoe issledovanie* [Museology (Museum management) in Crimea and its miners (XIX – early XX century.): biobibliographical research]. Simferopol, 2000. 360 p.
43. Pslavskiy T.B. Noveyshee bibliograficheskoe issledovanie v oblasti istorii i etnografii Kryma A.A. Nepomnyashchego – vazhnyy etap razvitiya istoricheskogo kraevedeniya i bibliografovedeniya [Newest bibliographic research in the field of history and ethnography of Crimea A.A. Nepomnyastchy – an important stage in the development of local history and bibliography]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo*

universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Seriya: Istoriya [Scientific notes Tauride national University Vernadsky. Series: History]. Simferopol, 2001, vol. 14 (53), no. 1, pp. 80–83.

44. Puchkov A.O. Zagal'ne i dribnitsi krimoznavchoï bibliografii [General and little things about Crimean bibliography]. *Mova ta istoriya: periodichnyi zbirnik naukovikh prats'* [Language and History: Collected Articles]. Kiev, 2003, issue 66: Spetsial'niy yuvileyniy vipusk z nagodi desyatilittya zbirnika: pratsi z ukrains'koï ta skhidnikh mov, pp. 14–119.

45. Puchkov A.A. Obshchee i podrobnosti krymovedcheskoy bibliografii: Novye knigi A.A. Nepomnyashchego [General and details in Crimean bibliography: New books by A.A. Nepomnyashchy]. Puchkov A.A. *Arkhitekturovedenie i kul'turologiya: izbirnik statey* [Architectural studies and Culture]. Kiev, Izdatel'skiy dom A. S. S., 2005, pp. 632–640.

46. Ravich L.M. O nekotorykh voprosakh istorii sovetskoy bibliografii [On some issues of the history of Soviet bibliography]. *Trudy Leningradskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury imeni N.K. Krupskoy* [Proceedings of the Leningrad State. Institute of Culture named after N.K. Krupskaya]. Leningrad, 1978, vol. 41: Razvitie bibliograficheskoy nauki v sovetskiy period, p. 21.

47. Razdorskiy A.I. Krym: istoriya v bibliografii [Crimea: history in the bibliography]. *Mir bibliografii* [World of bibliography]. Moscow, 2003, no. 1, pp. 61–62.

48. Simonovskiy V.V. Bibliografiya po krymovedeniyu [Bibliography on Crimean local history]. *Ves' Krym, 1920–1925: yubileynyy sbornik* [All about Crimea, 1920–1925: Anniversary collection]. Simferopol, 1926, pp. 517–534.

49. Simonovskiy V.V. Bibliografiya po krymskomu tabakovodstvu i tabachnoy promyshlennosti [Bibliography on the Crimean tobacco growing and tobacco industry]. *Byulleten' Krymskogo tsentral'nogo statisticheskogo upravleniya* [Bulletin of the Crimean Central Statistical administration], 1926, no. 6, pp. 124–134.

50. Simonovskiy V.V. V Krymu nuzhno sozdat' bibliograficheskoe obshchestvo [Crimea must have its cBibliographical Society]. *Krasnyy Krym – Red Crimea*, 1929, 16 May.

51. Simonovskiy V.V. Knigi, posvyashchennye desyatiletuyu sovetizatsii Kryma [Books devoted to decades of making Crimea Soviets region]. *Ekonomika i kul'tura Kryma – Economy and Culture of Crimea*, 1931, no. 2, pp. 102–106.

52. Simonovskiy V.V. Materialy po bibliografii literatury, vykhodyashchey v Krymskoy ASSR ili kasayushchey Kryma [Materials on the bibliography of literature, published in the Crimean ASSR or related to Cri-

mea]. *Ekonomika i kul'tura Kryma – Economy and Culture of Crimea*, 1931, no. 4(3), pp. 110–113.

53. Simonovskiy V.V. Ocherk bibliograficheskoy raboty v Krymu [Essay on bibliographic work in the Crimea]. *Bibliografiya* [Bibliography]. Moscow, 1929, no. 4, p. 118.

54. Simonovskiy V.V. Ocherki raboty kraevykh entsiklopediy [Essays work boundary encyclopedias]. *Ekonomika i kul'tura Kryma – Economy and Culture of Crimea*, 1934, no. 9/12, pp. 173–180.

55. Simonovskiy V.V. Sistematischeskiy ukazatel' statey, pomeshchenykh v «Byulletene Krymskogo tsentral'nogo statisticheskogo upravleniya», no. 1–10 (1923–1928) [Systematic index of articles published in the "Bulletin of the Crimean Central Statistical government"]. *Byulleten' Krymskogo tsentral'nogo statisticheskogo upravleniya* [Bulletin of the Crimean Central Statistical government], 1929, no 10, pp. 52–60.

56. Spirova V.I. Vagomiy vnesok u rozvitok crimean local studies [An important contribution to the development of Crimean local history]. *Bibliotekniy visnik* [Library Bulletin]. Kiev, 2002, no. 3, pp. 61–62.

57. Ursu D.P. Krymovedenie za 140 let [Crimean local history for 140 years]. *Bibliografiya* [Bibliography]. Moscow, 2002, no. 2, pp. 89–91.

58. Shvid'ko G.K. Bibliografiya i kul'tura Krimu [Bibliography and Culture of Crimea]. *Gumanitarniy zhurnal* [Humanitarian magazine]. Dnipropetrovsk, 2001, no. 1/2 (9/10), pp. 179–181.

59. Yakubovskiy S. Proti natsional-fashists'kikh nastanov v bibliografichnikh pratsyakh VUAN [Against the Nazi guidelines bibliographic works VUAN]. *Zhittya y revolyutsiya* [Life and revolution]. Kiev, 1934, no. 1, pp. 101–114.

60. Stanford library. F. Gopshtein E.E., 1916–1981.

61. Strojny A. [Recenzja]. *Studia historyczne*. Polska akademia nauk; oddzial w Krakowie; komisja historyczna. Krakow, 2005. R. XLVIII, z. 2 (190), ss. 246–248.

About the author: Andrey Anatolyevich Nepomnyashchiy – Dr. Sci. (History), professor, head of the Department of regional history and special disciplines, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (95000, Vernadsky av., 4, Simferopol, Crimea); aan@home.cris.net

УДК 355/359(=512.1)

Гедиминовичи и Джучиды в 1380–1480 гг. (украинский и молдавский аспекты)

Ярослав Пилипчук

*(Институт востоковедения им. А.Е. Крымского
НАН Украины)*

Аннотация. Данная статья посвящена взаимоотношениям Королевства Польского и Великого Княжества Литовского с татарами. Уплата дани с Подолья была периодичной в 80–90-х гг. XIV в. С 40-х гг. XV в. упоминки платились с Подолья наместниками Подолья крымским ханам. Упоминки рассматривались как субсидии союзному Крымскому ханству. Походы 1469–1480 гг. на Подолье и Киевщину были инициированы ширинскими беями из Крыма и с санкции крымских ханов. Большая Орда не нападала на Молдавию, Подолье и Киевщину в 1470 г. Этот набег осуществили ширинские беи из Крыма.

Ключевые слова: упоминки, дань, Подолье, татары, Крымское ханство, Великое Княжество Литовское, Королевство Польское, набеги.

Одним из интереснейших аспектов истории Восточной Европы является история таких регионов как Подолье и Галичина, а также молдавско-татарские отношения в XV веке. Естественно, эти регионы интересны не сами по себе, а в контексте отношений Великого Княжества Литовского и Королевства Польского с Золотой Ордой и Крымским ханством. Традиционно история татарских набегов 1380–1480 гг. на Подолье, Галичину, а также на Молдову, находится в тени более ранних походов золотоордынских ханов Узбека и Джанибека и более поздних походов крымского хана Менгли-Гирея в 1503–1512 гг. Наиболее значимыми исследованиями, где проанализованы отношения Ягеллонов с Крымским ханством и Большой Ордой являются работы польских исследователей К. Пуласки, Л. Подхородецки, Д. Колодзейчика [54, s. 1–449; 53; 47]. Украинский историк Б. Черкас посвя-

тил одну из своих статей проблеме похода Токтамышша на Подолье и Киевщину в 1380 г. [36]. О. Белецкая посвятила вопросу даннической зависимости Подолья от татар в конце XIV – первой половине XV в [1]. Войне Швитригайла в союзе с татарами против поляков в 30-х гг. XV в. посвятил часть своей статьи Б. Флорья. Также им были исследованы походы Саид-Ахмеда на Подолье и Галичину в XV в. [34]. Вопросы отношений Молдавии с татарами в XV веке исследовали А. Гонца и В.-А. Эпурэ [46; 45]. В центре данного исследования находится вопрос относительно войн татар с поляками на Подолье в 1380–1480 гг., а также отношения Великого Королевства Польского и Великого Княжества Литовского с татарскими правителями.

Утверждением Токтамышша на сарайском престоле закончилась эпоха «Великой Замятни». В 1380 г. Токтамышш подчинил себе Орду Мамайя. Окончательно продвижение Кориатовичей на татарские земли остановил поход Токтамышша на Подольское и Киевское княжества в 1380–1381 гг. В битве с татарами погиб Александр Кориатович. Об этом сообщалось в Слуцкой летописи. Подобная информация была в одной из папских булл. Ранее, в 1378 г. Папа Римский предлагал Александру Кориатовичу выступить против татар и воевать против них на протяжении ближайших трех лет. Причерноморские и степные владения Кориатовичей были потеряны. Кориатовичи были вассалами короля Венгрии Лайоша Великого. Эта зависимость продолжалась на протяжении 1377–1382 гг. Токтамышш в своем знаменитом ярлыке Владиславу Ягайло требовал дани с его земель. Ордынский выход, видимо, им уплачивался не только с украинских земель Великого Княжества Литовского, но и с украинских земель Польского Королевства. Этот факт подтвержден и актовыми документами. В грамоте Федора Кориатовичу на несколько сел какому-то Бедришку сказано, что земляне должны платить дань татарам, а Бедришковые люди должны платить им серебро. Нужно сказать, что дань серебром татарам была и в 70-х гг. XIV в., в частности, это жаловальная грамота Александра Кориатовича доминиканскому католическому монастырю, где указано, что татарам должны давать дань земляне и уплачивать дань серебром. Понятное дело, что дань подольяне давали не эмирам типа Кутлуг-Буги, Хаджи-Бея и Деметрия (Темира) с территорий между Днепром и Дунаем, а

Мамаю. Эта дань обеспечивала мир на границах и доброжелательный нейтралитет со стороны Мамаю. Подобно Киевскому княжеству Владимира Ольгердовича, Подольское княжество Кориатовичей поддерживало хорошие отношения с ним и укрыло у себя людей и потомков Мамаю в 1380 г., что и стало причиной войны с Токтамышем¹ [36, с. 168; 4, с. 115; 1, с. 97–98; 2; 20, с. 7–12; 33, 539–540; 21, с. 51–59].

Токтамыш мог добиться возобновления уплаты дани с Галичины, которую Казимир III платил при хане Джанибеке. Однако даже с Подолем не было все гладко. В 1386 г. Кориатовичи приняли у себя бежавшего из Золотой Орды московского княжича Василия. Потом ему убежище предоставил молдавский господарь Петр Мушат. Подолье и Галичина на 1382–1387 гг. оказалась под властью Венгрии. В 1387 г. польские паны вернули под контроль Польши Галичину, а Кориатовичи перешли под власть Польши. В Золотой Орде «Солхатская война» в Крыму и разногласия между Бек-Булатом и Токтамышем, а также попытка переворота во главе с Тулунбек-ханум в Золотой Орде серьезно подорвали авторитет Токтамыша и, вероятно, подольские Кориатовичи снова не платили ему дань [24, с. 198; 20, с. 9–10; 21, с. 56–57].

В 90-х гг. Золотая Орда оказалась в еще большем кризисе. Первый поход Тамерлана на Золотую Орду, который закончился битвой под Кондурчей, еще больше расшатал власть Токтамыша. В своем ярлыке Ягайлу хан указывал, что огланы Бек-Булат и Ходжа-Медин, а также беки Бегич и Турдучак Берди Давуд изменили ему. Сказано, что инициатором измены был Идегей. Шараф ад-Дин Йазди сообщает, что среди тех кто перешел на сторону Тамерлана были Бек Булат, Бек Ярык, Актау, Таш-Тимур, то есть практически все правители земель на запад от Дона. Однако, как указывал Токтамыш, ему удалось взять в плен Ходжа-Медина, Бек-Булата, Бегича и Турдучака Берди Давуда, исключая одного только Идегея. Относительно же Актау, Бек Ярыка и Таш-Тимура, то насколько можно судить из описаний похода 1394–1395 гг. Тамерлана на Золотую Орду у Низам ад-Дина Шами и

¹ Сведения о взаимоотношениях Кориатовичей из Подолья с Токтамышем взяты из книги Б.В. Черкаса, которая находится в печати.

Шараф ад-Дина Йазди, то эти эмиры были верны Токтамышу. В 1395 г. Актау через земли Валахии бежал к османским туркам, а Бек Ярык и Таш-Тимур были разбиты Тамерланом. Татары Актау принимали участие в войнах османов против валашского господаря Мирчи Старого, а в 1396 г. вместе с турками противостояли венграм и французам под Никополем. В связи с победой над мятежниками Токтамыш требовал дани от Ягайлы за зависимые от Золотой Орды земли. Перед выдачей ярлыка в Краков прибыло татарское посольство. На украинские и русские земли Королевства Польского и Великого Княжества Литовского ярлик, вероятно, был выдан на имя Ягайлы. Война с мятежниками заняла некоторое время и временем восстановления власти Токтамыша над всей Золотой Ордой был 1393 г. [5, с. 223–224; 14, с. 202–209; 2; 10, с. 211; 32, с. 165–166; 53, с. 539–540].

Подтверждения зависимости не потребовывалось бы, если бы регионы исправно платили дань, а это значит, что как только в Золотой Орде появились неурядицы, то польские короли и великие князья литовские, а также возможно и региональные удельные князья не платили дань. Примечательно, что в грамоте подольского князя Федора Кориатовича пану Гриньку на город Соколье в 1391 г. сказано, что когда князь будет строить новый город в своей или чужой земле, то этот пан должен оказать помощь подольскому князю. Нужно сказать, что Соколец был форпостом Кориатовичей в татарской земле. В 1393–1394 гг. Витовт осуществил кампанию на Подолье. На стороне Витовта сражались литовцы, поляки, русины и татары. В результате кампании Витовта Подолье было поделено на две части. Восточное Подолье отошло к Великому Княжеству Литовскому и подчинилось Витовту. Западное Подолье с центром в Каменце-Подольском и с многими городами перешло к Королевству Польскому² [21, с. 59; 20, с. 10].

В Западном Подолье в 1395–1399 гг. правил наместник короля Спытко из Мельштина. В письме эмира Тимура турецкому Байазиду указано, что Токтамыш наладил связи с франками. Этими франками должны были быть Ягайло и Витовт, поскольку

² Сведения о татарах в войске Витовта взяты из книги Б.В. Черкаса, которая находится в печати.

союз Витовта с Токтамышем после 1395 г. свидетельствует именно об этом. Также участие около 2 тыс. поляков в битве на Ворскле свидетельствует о том, что и Ягайло оказывал посильную помощь Токтамышу. Относительно реалий 1393 г., то Токтамыш вероятно добился выплаты дани с Западного Подолья и Галичины от поляков, и с Киевщины, Чернигово-Северских княжеств, Восточного Подолья от Витовта. Ситуация несколько изменилась после вторжения Тамерлана в 1394–1395 гг. А. Прохаска указывал, что Токтамыш, вероятно, выдал Витовту ярлык на эти земли за которыми освобождал его от выплаты дани. По крайней мере, в сохранившемся более позднем ярлыке Хаджи-Гирея есть ссылка на более древние договоры, в частности времени правления Токтамыша. А заручиться поддержкой Витовта и Ягайлы в сложной ситуации было можно только пойдя им навстречу, уступкой дани. Вероятно Токтамыш считал это временной уступкой и может даже предполагал вернуть эти дани себе в будущем, да только судьба распорядилась по иному. Что характерно, за исключением правления Швитригайла на Подолье в 1400–1401 гг., актовые документы при Ягайле уже не фиксируют уплаты дани с этих земель. Таким образом можно предположить, что в 1393–1394 и 1400–1401 гг. Польша платила дань с Подолья татарам [5, с. 222–223, 227; 14, с. 202–209; 2; 10, с. 226–227; 56, s. 548–553; 51, 750–752; 50, 750–751].

Западное Подолье после смерти наместника Подолья Спытка Мельштинского в битве на Ворскле было передано Швитригайлу, брату Ягайлы. Это произошло в 1400 г. Король в урезанном виде воссоздал подольское княжество, передав его во владение своему младшему брату. Швитригайла от своего имени дал грамоту каменецким доминиканцам на с. Зубровка в 1401 г., крестьян освободили от всех налогов кроме подначизны и дани татарам. Швитригайла старался поставить своего старосту даже в Галиче, претендуя на Галичину. Это не могло не вызвать возмущения у Ягайлы, который вернул Подолье в королевский домен и не платил дани татарам. Похоже Швитригайла своей данью татарам захотел повернуть какую-то интригу и возможно даже о чем-то договорился с Идегеем. Фактически второе вторжение Тимура и борьба между Токтамышем и Идегеем фактически освободила

Великое Княжество Литовское и Королевство Польское от необходимости платить дань татарам [1, с. 99].

О взаимоотношениях Улуг-Мухаммеда с Швитригайлом главным образом известно из сведений документов Тевтонского Ордена. Швитригайла доводил до ведома ливонских рыцарей, что хан дал шерть ему. Чтобы обеспечить себе союзные или нейтральные отношения с Ливонским Орденом, Швитригайла сообщал, что Петр воевода новгородский вернулся из дипломатической миссии к татарам. Швитригайла сообщал ливонскому магистру Паулю тот факт, что Улуг-Мухаммед желает быть с литовцами в мире и, если нужно будет, готов предоставить помощь в виде войск. Упоминание о татарах служило одной цели. Швитригайла, предвидя конфликт с Польшей из-за Подолья, хотел сделать своим союзником Тевтонский Орден. Детали войны на Подолье между Швитригайла и поляками изложены приблизительно одинаково в польских хрониках. В битве над Стырем около Луцка в 1431 г. поляки победили войско Швитригайла. Ягайло-Владислав II в письме великому магистру сообщал о гибели многих татар в неудачной для Швитригайла битве на Воляни. Битва состоялась на Буге во время переправы поляков через реку. Марцин Бельский сообщал, что Швитригайла имел помощь от татар и валахов (молдаван). Этот хронист сообщал, что татар и русинов поляки победили около Луцка. Мацей Стрыйковский сообщал, что Швитригайла ждал помощи от татар и валахов (молдаван). Под Каменцем воевода Чьолек разбил литовцев и татар. В 1431 г. в августе месяце татары тремя отрядами напали на польские владения в Украине. По сведениям Яна Длугоша, татары уничтожили значительно оторвавшийся от основного войска польский отряд. Швитригайла перед осадой поляками Луцка отправил Ягайле письма, в которых хан приказывал польскому королю отдать Швитригайле Подолье. Ян Длугош считал их фальсификатом канцелярии Швитригайла. Однако, принимая в расчет отношения Швитригайла с татарами, выдача ярлыка ему Улуг-Мухаммедом весьма вероятна. Б. Флоря и А. Левицкий считали, что Улуг-Мухаммед выдал ярлык Швитригайла. Факт выдачи ярлыка был значим для Длугоша, который наверняка знал о предоставлении ярлыка Хаджи-Гиреем Казимиру Ягеллончику. Молдавский господарь Александр I Добрый как союзник Швитригайла атаковал

Покутье и Галичину. Молдаване заняли Покутье и атаковали Подолье. Однако на Подолье молдаване были разбиты войсками вельмож Буцацких. 1 сентября Швитригайла заключил перемирие с Ягайлом-Владиславом II и ставил себе в заслугу, что прекратил татарские нападения на польские земли [15, с. 57–58; 34, с. 175–176, 181; 12, с. 194–196; 40, р. 7; 43, с. 412, 415–416, 426–427; 48, с. 607–609; 52, с. 900–902; 7, с. 332–333].

В Великом Княжестве Литовском у Швитригайла были враги, которые организовали переворот. Это была партия литовцев, недовольных засилием русинов при Швитригайле. Переворот в ночь с 31 августа на 1 сентября 1432 г. удался. Великим Князем Литовским стал Сигизмунд Кейстутович. Под властью Швитригайла остались только земли русинов. 8 декабря 1432 г. в битве при Ошмяне в войске Швитригайла воевали татары. Сражались татары и в Подолье. Вместе с ними там действовали молдаване. 24 декабря 1432 г. перед Рождеством посланцы Федька (воеводы Швитригайла) донесли весть о победе войска Швитригайла из русинов, татар и влахов над поляками. Это были известия о битве под Копыстерином около реки Мурафы. Войско Швитригайла атаковало поляков при переходе через реку и чуть не уничтожило польское войско. Но подход польских подкреплений спас ситуацию. Поляки даже сообщали о своей победе, говоря о многих тысячах убитых неприятелей и захвате двенадцати их хоругвей. Каждая из сторон считала себя победившей в этой битве. По мнению Б. Флори, Людвиг Ландзее (Ланце) имел доступ к переписке Швитригайла с Улуг-Мухаммедом. Он передавал слова хана, сообщая, что тот ради союза с Швитригайла готов сесть на коня [34, с. 176; 12, с. 210–211; 7, с. 334; 40, р.9; 44, с. 437, 451–454; 48, с. 618; 52, с. 916–919].

Письмо Швитригайла великому магистру от 3 мая 1433 г. содержит интересные данные. Литовцы отправили к татарам несколько миссий. Первую возглавлял Михал Арбанасс. Его отправили в Орду к «царю Магметю» (Улуг-Мухаммеду). Второе посольство возглавил Ян Монивидович. После этих миссий к Швитригайлу должно было прибыть 20 тыс. воинов со многими уланами. Однако они не смогли прибыть зимой в виду многочисленных снегопадов. Сообщалось, что вместо этого Улуг-Мухаммед обязывался отправить на помощь Швитригайлу своего

наследника Мамутяка (Махмудека) и своих зятей – беков Айдара и Елбердея. Улуг-Мухаммед называл Швитригайла своим братом и говорил, что исполняет договор с ним. В письме упоминалось о действиях татар в войске Федыка и сообщалось, что татарских войск у Федыка достаточно. С осени 1433 г. в письмах Швитригайла упоминается уже иной татарский хан – Саид-Ахмед. Причиной этого было то, что татары Улуг-Мухаммеда так и не отважились сразиться с литовцами Сигизмунда и поляками Ягайлы, а возвращаясь в свои земли, опустошили Киевскую и Черниговскую земли. Ягайло переманил Улуг-Мухаммеда на свою сторону. Швитригайла приложил усилия к смещению Улуг-Мухаммеда. Татарские беки сместили его и сделали ханом Саид-Ахмеда. Он был сыном Токтамыша и жил в Великом Княжестве Литовском [15, с. 59; 34, с. 177; 40, р. 8; 33, с. 52–53].

В документе от 11 апреля 1434 г. Швитригайла сообщал из Вязьмы, что к нему прибыл его поспол Немиза (Немиря) с известием, что сам хан (Саид-Ахмед) готов двинуться в поход на помощь Швитригайлу. Он назывался правителем Заволжской Орды, то есть Большой Орды. Сообщалось, что татарское войско уже находится в пути в Киевщину и что Ян Монивидович послан его встречать. По сведениям одного из духовных лиц Тевтонского Ордена татарские отряды присутствовали в битве при Вилькомире в 1435 г. Однако эта битва закончилась для Швитригайла неудачно. Он потерял Полоцк, Витебск и Смоленск. Удержать ему удалось только Киевщину и Волынь. В документе плоцкого епископа сохранились данные о военных действиях на Подолье, где татары разбили поляков [15, с. 59; 34, с. 178, 180–181; 12, с. 220–226, 232–235; 7, с. 335–336; 40, р. 9; 43, s. 531–532; 48, s. 635–637, 645–646; 52, s. 945–947; 33, с. 53–54].

Литовские паны пропускали войска Саид-Ахмеда при походе на Молдавию. Быстрицкий летописец сообщал, что в 1438 г. княжество было атаковано татарами. 28 ноября татары разорили молдавские земли до Ботошан. В 1439 г. состоялся повторный поход татар. Они сожгли Васлуй и Бырлад. Григоре Уреке датировал эти походы 1439 и 1440 гг. Н. Бабинскас датировал эти походы по хронологии Григоре Уреке. В 1438 году на Подолье было разбито польское войско. По данным Яна Длугоша, в битве погибли Михал Бучацкий, Скарбек из Горы, Миколай Гиза, Ян

Кола. Марцин Бельский ограничился только описанием похода Саид-Ахмеда на Подолье и победу татар над поляками [9, с. 25; 7, с. 141; 40, р. 9; 43, s. 549–550; 48, s. 644–645; 11, с. 79; 23, с. 59; 52, р. 956; 46, р. 173–174].

В 1437–1438 гг. Улуг-Мухаммед был вытеснен из степей Дешт-и-Кыпчак. На сторону Кучюк-Мухаммеда перешел эмир Науруз б. Идегей. Люди Улуг-Мухаммеда бежали на север и создали Казанское ханство. Татарский посол навестил Владислава III в Буде. В сентябре-октябре 1442 г. Теодор Бучацкий получил деньги от короля на уплату упоминков хану и четырем карачибяем. Литовцы и поляки платили некоторую сумму денег татарам при Швитригайле и Казимире IV. Великий князь литовский Казимир понимал, что необходимо поддерживать союзного Хаджи-Гирея против других татар. При великих князях Витовте и Швитригайла татары нападали на литовское пограничье. Так, в 1431 г. на Верховские княжества около Мценска напал зять Улуг-Мухаммеда Айдер. А еще в 1422 г. самому Швитригайла пришлось отражать нападение татар на Черниговскую землю, куда его назначил наместником Витовт. В 1420 г., очевидно, люди Девлет-Берди напали на пограничные земли. В 1424 г. чингизид Худайдат напал на Одоевское княжество. Отражать вторжения приходилось малочисленным войскам на пограничье. Иногда литовцы побеждали, иногда терпели поражения. При помощи союзных татар отражать набеги было куда проще. В 1433–1439 гг. тыл Швитригайла был надежно прикрыт татарами Саид-Ахмеда. За это Швитригайла платил упоминки и разместил татарских даругачи в Каневе, Черкасах, Путивле. Этот прецедент потом использовал Менгли-Гирей, обосновывая свои права на Киевщину. Такие уступки со стороны Швитригайла были обусловлены Гражданской войной в Великом Княжестве Литовском в 1432–1439 гг. [3, с. 205–210; 15, с. 57–58; 33, s. 573–579].

Нужно сказать, что по сведениям Яна Длугоша татары Саид-Ахмеда вторглись на Подолье и в Руское воеводство (Галичину) в 1442 г. Перед 1443 г. Марцин Бельский также сообщал о нападениях татар. Казимир IV в 1442 г. заключил союз с молдаванами, однако отказался от того, чтобы помогать им против татар, венгров и поляков. Союз поляков с молдаванами был продуктивным. После разгрома Саид-Ахмеда молдаване отвлекли на себя силы

его наследников. В 50-х гг. XV в молдаване отбивали их нападения. Восшествие на молдавский престол Штефана III внесло свои коррективы в систему международных отношений в Восточной Европе. В письме молдавского господаря польско-литовскому королю Казимиру IV от 1462 г. станет известно, что сыновья Саид-Ахмеда находятся у Штефана III. Молдавский господарь заявил, что ни собирается их выдавать ни валахам, ни литовцам, ни Хаджи-Гирею [15, с. 83; 34, с. 182–184; 40, р. 10–11; 43, s. 631–632; 48, s. 674; 33, с. 59].

Казимиру IV приходилось нелегко, поскольку Саид-Ахмед оказывал давление на границы Литвы и Польши. Татары добивались от Казимира возвращения Михаилу Сигизмундовичу родовых владений. Пока этот Гедиминович оставался в большой политике великий князь литовский и король польский Казимир не мог надеяться на мир с татарами. В связи с подготовкой к войне, Казимир IV в 1448 г. ходатайствовал о передаче ему части доходов польской церкви. В 1448 г. Саид-Ахмед совершил нападение на Подолье. По явно гиперболизированым и нереалистичным данным Мацея Стрыйковского, они взяли замки городов Скала, Бакота и Камянец-Подольский. Эти города были хорошо укрепленными замками. В 1450 г., воспользовавшись войной поляков с молдаванами, татары вторглись в Подолье и Галичину. Их войска дошли до Городка в Галичине и замка Олесько в Белзской земле. Многие села в окрестностях замка были опустошены. Нельзя сказать, что Казимир IV спокойно смотрел на это. В 1451 г. посол графа бургундского во время визита к польскому королю получил сведения о войне поляков с татарами, а Папа Римский дал Казимиру IV половину от доходов с Польши для отражения вторжений татар. В 1452 г. Казимир IV выслал с войском Яна из Чыжова и воеводу краковского Яна из Тенчина для обороны границ. Их должен был поддерживать и молдавский господарь Александрэл. В 1452 г. перед днем Иоанна Крестителя татары напали на Подолье. Они разорили много местностей края и взяли замок Ров. В плен был захвачен Збигнев Рей вместе со всей своей семьей. Татарами был предпринят большой поход на Галичину. Составитель Густынской летописи, сообщал, что в 1452 г. татары сожгли город Бар, опустошили Подолье и Галичину до Львова. Во время похода было захвачено многих пленных. Литовские па-

ны планировали свергнуть Казимира и поставить на его место Мартина Гаштольда. Мартин Гаштольд и Ян Монивидович отправили к Саид-Ахмеду посольство Радзивила с дарами. Марцин Кроммер упоминал об упоминках Хаджи-гирею [34, с. 186–187; 44, s. 56–57, 72–73, 91–92, 104, 109–110; 7, с. 147; 13, с. 136; 52, s. 1028–1029, 1114; 53, s. 14; 33, с. 60–61].

В 1453 г. Саид-Ахмедовы татары совершили поход на Тереховль в Галичине и разорили земли Волыни около Луцка. Татары увели 9 тыс. пленных. В 1457 г. в Густынской летописи отмечено, что татары опустошили многие местности на Подолье и что Варфоломей Бучацкий был побежден татарами. Орда Саид-Ахмеда беспокоила соседей вплоть до 1462 г., когда сыновей Саид-Ахмеда взял в плен молдавский господарь Штефан. В 1465 г. Хаджи-Гирей разбил войска правителей Большой Орды Мухаммеда (Махмуда) или Ахмеда (Ахмата), которые были потомками Кучук-Мухаммеда. Ян Длугош, сообщая о прибытии к Хаджи-Гирею послов от папы Павла II, указывал, что незадолго до прибытия посольства Хаджи-Гирей разбил хана заволжской орды (Большой Орды). 23 сентября 1461 г. Хаджи-Гирей отправил Казимиру IV ярлык на славянские земли Восточной Европы. Папа Римский хотел привлечь крымского хана к союзу против османских турок. Однако вряд ли такая инициатива нашла поддержку среди крымских татар. В 1467 г. умер хан Хаджи-Гирей и на его место пришел Нур-Девлет [12, с. 319, 326–327; 34, с. 189–192; 15, с. 83–86; 13, с. 137; 52, s. 1083; 46, p. 14–16, 529–531; 53, s. 17; 33, с. 61–63, 71, 77].

Немалое значение для Польши и ее Подольского воеводства имели события на юге. Ян Длугош под 1469 г. писал о вторжении Заволжской Орды хана Маниака в польские, литовские земли и Валахию (молдавские земли). Он указывал, что одна часть татар атаковала Литву, разорила округа Владимира-Волынского, Кременца, Кузьмина, Жудова и Житомира, взяла в плен 10 тыс. человек и Литва не могла с этим ничего поделать. Вторая часть татар была остановлена силами поляков, собравшихся у Тереховли. Ян Длугош говорил, что короля Казимира предупредил Менгли-Гирей. Третья часть татар вошла в Валахию (Молдавию) под руководством сына хана и была разбита войсками Стефана. В плен попал сын хана, а сам хан отправил 100 послов для того, чтобы

его освободить из плена. Сына хана Стефан приказал убить. В основу польской исторической традиции был положен именно рассказ Длугоша, который с разными вариациями передали Марцин Кроммер и Мацей Меховский [44, s. 499–500].

Марцин Кроммер сообщал, что заволжцы во главе с Маниаком перешли Днепр и вторглись в Литву, Подолье и Валахию. Повторены данные Яна Длугоша о войне около местностей в Литве. На Подолье Рафал Ярославский и Павел Ясинский, предупрежденные Менгли-Гиреем, отразили вторжение. В Валахии Стефан воевода разбил татар и взял в плен ханского сына, которого казнил, как и всех татарских послов, кроме одного, которому приказал отрезать губы и нос и в таком виде его отпустил назад [52, s. 1217–1218].

Марцин Бельский также сообщал о всех тех же данных о трех частях войска татар, о таком же количестве пленных с Литвы, о действиях татар в тех же округах. Относительно действий поляков и их полководцев на Подолье, то сведения хрониста похожи на данные Марцина Кроммера. Повторены также данные Яна Длугоша и Марцина Кроммера о предупреждении Менгли-Гирея о вторжении. Правителем заволжских татар назван Маниак. Относительно действий в Молдавии, то сказано, что валашский воевода Стефан три раза побеждал татар, захватил в плен сына хана, которого потом убил. Данные о судьбе послов похожи на аналогичные сведения Марцина Кроммера, а датировка татарского вторжения та же, что и у Яна Длугоша [49, s. 831–832].

Мацей Стрыйковский сообщал, что в 1470 г. пришли заволжские татары, которых возглавлял хан Маниак. Повторялись данные о трех частях татар и их вторжении в три страны. Повторены данные об округах, опустошенных в Литве, о предупреждении Менгли-Гирея и отпоре поляков татарам. Командующими названы все те же польские шляхтичи. Повторены данные Марцина Бельского о трех победах Стефана над татарами, повторены данные Яна Длугоша о судьбе сына хана и послов. О покаянном после повторены данные Марцина Кроммера [31, с. 775].

Александр Гваньини сообщал, что в 1462 г. заволжские татары во главе с Мамтаном двинулись тремя частями на запад. Одна часть в Литву, вторая на Подолье, третья в Валахию. Названы все те же данные о действиях татар в Литве и Подолье. Из

Литвы татары угнали 10 тыс. и литовцы не могли дать отпор из-за того, что в регионах было мало войска, хотя польский король, которого предупредил Хаджи-Гирей, информировал их о нападении татар. Сведения о Подолье и польских шляхтичах на Подолье похожи на данные у Яна Длугоша и Мацея Стрыйковского. Относительно Молдавии повторены данные Марцина Бельского и Мацей Стрыйковского относительно трех побед Стефана и казни ханского сына, а также судьбы татарских послов [7, с. 388–389].

Сам по себе факт вторжения мог быть вполне реальным. В 1469–1470 гг. татары могли атаковать степные владения Киевского княжества в составе Великого Княжества Литовского и быстро пройти их, однако под Житомиром и Луцком они вряд ли были. Более вероятно пребывание крымцев около Дашова, Черного Города, Маяка, Караула. Не исключено, что татары вторглись и в польскую часть Подолья, но вряд ли долго там долго находились и после этого вторглись в Молдавию, которая была главной целью похода.

В Первой Путнянской летописи битва в дубраве на Липнице датирована 1470 г. и сказано, что после этого князь Штефан освятил церковь Богородицы в Путне рукою митрополита Филоктиста. Во Второй Путнянской летописи сказано, что 28 августа 1470 г. князь Штефан разбил великое множество татар около Днестра в дубраве Липница и отобрал у них весь полон. В молдавско-польской летописи события датированы тем же годом, но указано, что тогда татары воевали на Подолье и что молдаване им заступили путь назад. В молдавско-немецкой хронике сказано, что в 1469 г. в Молдавию вторглись татары после победы над венграми под Байей. Сказано, что Штефан напал на татар, много их убил и изгнал из страны. Григоре Уреке указывал, что много татар вторглось в Молдавию и Штефан разбил их около Днестра в дубраве Липник 20 августа 1470 г. В. Трепавлов считает, что Маниак это Эминек [10, с. 48, 64, 70, 118; 11, с. 89–90; 46, р. 184–185; 45, р. 27–28; 24, с. 75; 33, с. 77–78]. При этом татары, которые должны были атаковать молдаван в 1470–1471 гг., явно не были из Большой Орды.

Чем же вызвана путаница у Яна Длугоша и других польских хронистов, которые перед тем сообщали сравнительно точные сведения? Полякам наверняка было известно, что Нур-Девлет, кото-

рый пришел к власти после Хаджи-Гирея, отправил посольство к Ахмеду за ярлыком на правление Крымским ханством. Также он дал шерть Казимиру, подтверждающую дружественные отношения. В 1478 г. он написал письмо османскому султану Мехмеду Фатиху. Естественно это он сделал не от хорошей жизни, он боролся за власть против Менгли-Гирея. В условиях борьбы за власть начались набеги татар на Киевское княжество. В Третьей Псковской летописи по Строевскому списку сказано о смерти Семена Олельковича, а также указано, что он вел войны против татарских правителей. Ян Длугош и Марцин Бельский говорили о коне и луке, с которыми Семен Олелькович воевал против татар. По сведениям Амброджио Контарини в это время торговые караваны из Литвы грабили татары. То, что киевский князь сравнительно удачно воевал против татар, которые причиняли Польше большие убытки, мотивировало польских историков писать не совсем точную информацию о Киевской земле в 70-х гг. XV вв. Необходимо отметить, что упоминаемое в польских источниках имя татарского вождя не похоже на имена правителей Большой Орды и Крымского ханства, зато очень похоже на имя бея Ширинов Мамака. Это предположение подтверждается перепиской бея ширинов Эминекка с османским султаном. В мае 1476 г. в письме султану бей отвечал на призыв о святой войне. В октябре 1476 г. он снова ответил султану о призыве к святой войне. О татарах в Молдавии в это время вспоминал Марцин Кромер. И. Зайцев предполагает, что походы на Молдавию в 1470–1471 гг. были поддержкой Османам от крымских татар. [39, с. 57–73; 27, с. 129, 151; 44, с. 514–515; 49, с. 835–836; 52, с. 1271; 26, с. 173].

Польская версия событий вероятно должна была представить политику Менгли-Гирея до 1475 г. дружественной к полякам. Нужно сказать, что крымские ханы не оставляли возможности поддерживать дружественные отношения с Королевством Польским. Крымские татары много раз клялись в верности Ягеллонам. Так, 17 сентября 1467 г. Нур-Девлет написал шерть Казимиру. В 1472 г. польский король предлагал мир Менгли-Гирею, которого он называл братом и великим императором татар. Под этим письмом подписались все наиболее значимые польские аристократы. В Крым было отправлено посольство во главе подольским шляхтичем Ян Кердеем. Это был ответ на посольство крым-

ских татар во главе с Зафаром. В 1474 г. Менгли-Гирей выдал ярлык на украинские и русские земли Казимиру уже как великому князю литовскому [47, р. 534–544].

Самостоятельная переписка бея Ширинов с султаном позволяет установить факт того, что Стамбул хотел обеспечить себе лояльность крымцев и их поддержку на случай войны с Молдавией. Сравнительно поздняя крымскотатарская историческая традиция указывала на союз татар с турками. Хурреми Челеби указывал на то, что Менгли-Гирей оказывал поддержку туркам во время кампании в Молдавии в 1484 г., когда турки взяли Килию и Аккерман. Что характерно, даже Улуг-Мухаммед в своем письме предлагал Мураду II в 1428 г. оказать ему помощь против Афлака (Валахии или Молдавии). Татары рассматривали Молдавию и Валахию как потенциальных вассалов, поскольку они занимали часть земель, ранее принадлежащих Золотой Орде. И Крымское ханство, и Большая Орда рассматривали себя как преемников единой Золотой Орды. Иосафат Барбаро передавал слухи, что Муртаза из Большой Орды хочет двинуться на Аккерман и Валахию, а также Венгрию. Значимые силы в татарском мире старались заручиться помощью и поддержкой османских турков [15, с. 66–77; 22; 17, с. 91; 28, с. 156–157].

Войска, вторгшиеся в Молдавию в 1476 г., как и воевавшие против литовцев и поляков в 70-х гг. XV в. отряды, вероятно, подчинялись Эминеку. Григоре Уреке в 1475 г. указывал на войну в Молдавии против турков и татар. На стороне молдавского господаря против них воевали венгры и поляки. Х. Иналджик считал, что Менгли-Гирей в 70-х гг. XV в. пригрозил войной Казимиру IV за поддержку молдаван. Поляки и литовцы не оказали помощи Штефану Великому. У татар были свои планы относительно части молдавских территорий. Татарское население жило в так называемой Нижней Стране, татары называли свою территорию, где они жили, Буджаком. Этот регион находился в степях между Аккерманом и Килией. На Нижнем Дунае находилось множество поселений, связанных с татарами. Молдаване с 60-х гг. XIV в. враждовали с татарами и за их счет увеличивали свои территории. Память о прежней власти татар сохранилась в молдавских грамотах, где упомянуты села с названиями Баскауцы и Баскачены. Молдаване переняли у татар термины тамга и таркан.

Под властью молдаван находилась некоторая часть татар, что для Менгли-Гирей и беев Ширинов было вызовом. Многие татары попали в подданство к молдаванам. Крымцы были решительно настроены на реванш и поэтому осмелились на несколько кампаний. Отпадение Буджака от Молдавии произошло только после осmano-молдавской войны 1484 г. [11, с. 91; 23, с. 80; 16, с. 121; 55, р. 460–461, 464; 32, с. 166].

В 1466–1468 гг. Крымом правил Нур-Девлет, а в 1468 г. его сверг Менгли-Гирей. При этом новый хан находился в довольно интересном положении. В 1469 г. он выступил в защиту Каффы, когда турецкая эскадра находилась около города. Когда бей ширинов Мамак умер, в Крыму развернулась борьба за власть. На пост бейлербея из рода Ширин претендовали Кара-мирза, Эминек и Сартак. Генуэзское лобби содействовало тому, что Менгли-Гирей Эминек был отправлен в ссылку. Это послужило причиной низложения Менгли-Гирей. Новым ханом стал Айдер, а Эминек вернулся с Кавказа на полуостров. Менгли-Гирей и Сартак находились в Каффе, находившуюся под осадой крымских татар. Эминек приложил усилию к устранению Сартака, которому отрубили голову. В сложившейся ситуации Менгли-Гирей был готов стать вассалом османского султана. Низложенного крымского хана доставили Стамбул, из которого его в 1478 г. вернули уже в статусе крымского хана как вассала султана Мехмеда II Фатиха. В условиях кризиса в Крыму и быстрой смены ханов Иосафат Барбаро указывал, что реальным правителем Крыма был Эминак-би (Эминек-Бей). Венецианец правильно отметил некоторую напряженность в отношениях этого бека с ханом и отмечал, что спокойствие наступило только после того, как Менгли-Гирей вернулся в Каффу. Реальность его сведений подтверждает письмо османского султана Эминеку от октября 1478 г. Мехмед II Фатих обвинял его в антиосманских настроениях [6, с. 47–68; 47, р. 18–22; 53, с. 19–20; 28, с. 155–156; 19, с. 53–57].

В Крыму не утихала усобица. Против Эминек восстал его брат Хаджике, который в 1476 г. пригласил на помощь войска Большой Орды. Согласно Саид Мухаммеду Ризе, в том году Менгли-Гирей первый раз столкнулся с Большой Ордой, когда двинулся на Сарай. Саид-Ахмед разбил крымцев, а Менгли-Гирей скрылся в Кырк-Эре. Однако документальные источники указывают, что

Менгли-Гирей вернулся в Крым только в 1478 г. Вместе с тем из письма Эминека султану известно о столкновении крымцев с Тахт-Эли (Большой Ордой), которое произошло незадолго до написания письма. Джанибек пришел в Крым и занял практически все степные владения крымцев. Однако в том же 1476 г. Джанибек был изгнан Нур-Девлетом. Саид-Ахмед, упомянутый Саидом Мухаммедом Ризой, это Ахмед хан. Крымскотатарский хронист писал о его письмах султану, а в османских архивах сохранились письма Ахмед-хана [6, с. 63–66; 47, р. 22; 16, с. 119, 121–124; 53, с. 21–22; 33, с. 77–79]. Необходимо отметить, что послы из Большой Орды, отправленные в Великое Княжество Литовское, ссылались на братство и приязнь между Литвой и татарами со времен самого Батыея. Из источников нам известно, что подобных ранних контактов не было. По предположению Д. Баронаса, Миндовг недолго зависел от Берке. Первое достижение соглашения литовцев с татарами – это время Любарта Гедиминовича, который платил дань татарам с Волыни [41, р. 9–10; 35, с. 153].

В польских источниках зафиксировано несколько татарских вторжений. Под 1473 г. в польских источниках сказано, что татары нападали на Киевскую землю и около Киева взяли в плен 700 человек. Эти данные зафиксированы Марцином Кромером, Марцином Бельским и Александром Гваньини, но не встречались у Яна Длугоша и Мацея Стрыйковского. Марцин Кромер сообщал, что татары воевали около Киева взяли в плен 700 человек. Вероятно, поход был осуществлен с ведома Мамака или Эминека. Ян Длугош указывал, что в 1474 г. татары под руководством Айдера страшно опустошили Подолье и значительную часть Руси (Галичины). Львовский архиепископ Гжегож оборонялся в своем замке Дунаевце. Рыцарь Свинка с 700 людьми отбил нападение на Поможаны. Татары взяли Збараж и увели в ясырь местное население. Павел Ясинский и Рафал Ярославский собрали войска Львовской, Подольской и Белзкой земли, но татары перед этим успели отступить. Марцин Бельский указывал, что в 1474 г. татары с Днепра пришли в Подолье и на Галичину. Пользуясь неожиданностью, они вошли в Каменец-Подольский и Збараж, были около Галича, Глинян, Дунайца, Гологор, опустошили земли на расстоянии 100 миль. В плен попал Ян Збаражский, Дунаец отстоял львовский архиепископ Ежи. Подошедшие отряды Чарто-

рыйского и Гаштольда разбили татар, но не освободили Збаражского с его сыновьями, которых татары угнали в ясырь. Александр Гваньини сообщал, что в 1474 г. татары переправились через Днепр у Тавани и двинулись на Галичину и Подолье. Относительно местностей, около которых татары воевали, то повторены данные Марцина Бельского. Дальнейшее изложение событий отличались от сведений Марцина Бельского. Крымцы взяли Збараж и захватили в плен Явнута с семьей, архиепископ Ежи отстоял Дунаец, а Свынка Поможаны. Крымские татары захватили в плен около 100 тыс. людей. Ян Длугош под 1478 г. сообщал о нападении татар на Подолье. Против татар вышли войска Спытка Ярославского и Яна Одровонжа, но татары укрылись в Черном Лесе, и после того, как поляки ушли, напали на Брацлав и взяли город, однако брацлавский замок не взяли. Марцин Бельский повторяет данные Длугоша, но считает временем событий 1479 г. и упоминает о не взятом татарами замке, который с трудом отстоял Чарторыйский. Александр Гваньини повторял данные Марцина Бельского [49, s. 847, 855–856, 861–862, 865, 875; 7, с. 345; 52, s. 1287, 1244–1245; 53, s. 20–21; 44, s. 573–575, 639–640].

В Воскресенской летописи поход на литовское Подолье датирован 1481 г. Коротко сказано, что Менгли-Гирей атаковал Подолье. В Второй Софийской летописи же сказано, что в 1480 г. Менгли-Гирей воевал Волынскую землю, служа великому князю. В Никоновской летописи практически те же данные, только вместо Волыни указана Подольская земля. Крымский хан руководствовался в своих походах своей волей, ну и прислушивался к Османам. Союз с Москвой просто мог быть выгоден Менгли-Гирею [25, с. 213; 29, с. 224; 18, с. 201]. В Густынской летописи поход датирован 1479 г. Сказано, что крымцы совершили поход на Подолье, что против них вышло местное войско и что татары укрывались в Черном лесе. Только после того, как татары укрылись в лесу, они напали на Брацлав. Сообщения же о походах татар на Киевщину в 1473 г. и на Подолье 1474 г. повторяли аналогичные данные в хрониках Марцина Бельского и Александра Гваньини [13, с. 139].

Поход 1474 г. опустошил Подолье и Галичину. Татар в этом походе возглавлял Айдер, а главным вдохновителем этого похода генуэзский консул в Каффе Кабелла называл Эминека. Вероятно,

и набег на Киевщину был делом его рук. Каффинский консул сообщал, что хан не хотел похода в 1474 г. То, что османский султан перед молдавской кампанией 1476 г. лично переписывался с Эминекком, подтверждает огромное значение этого карачи-бека в Крыму. Итальянец Оберто Скварчиафико сообщал, что Эминек два года находился в плену у валахов (молдаван) и что не пользовался доверием в Большой Орде. Эти волохи это наверняка молдаване. Сам Эминек должен был быть тем самым сыном хана, о котором упоминали польские хронисты. Естественно он не был Чингизидом, а только беем. История с сыном хана и казней послов наверняка является вымыслом, который должен был представить Штефана III свирепым и жестоким правителем. Молдавскому господарю не была чуждой жестокость, однако детали, изложенные поляками, являются политическим памфлетом, подобно информации немцев и венгров о валашском господаре Владе Дракуле [53, s. 24; 19, с. 58–59]. Кампания крымцев 1480 г. на Подолье нанесла некоторый ущерб этому региону.

В 1470–1471 гг. в Большой Орде пребывал посол Казимира IV Кирей Кривой, который был татаринном. Вместе с послом были отправлены богатые дары Ахмеду, беклярибеку Тимуру, карачи-бекам. По сведениям русских летописей, указано, что Ахмед продержал у себя посла год, после чего отправил к польскому королю посла. Беки Большой Орды были согласны на союз с Польшей и Литвой, однако сам хан долгое время пребывал в нерешительности. Это ему дорого обошлось в будущем. Впрочем, контакты Ахмеда с Казимиром не остались тайной для других европейцев. В 1470 г. Антонио Джисларди выступил с проектом антитурецкой лиги. Пребывая со своим дядей Джаном Батистом дела Вольпе, он сообщал, что хан Аккомет (Ахмед) готов выступить с 200 тыс. войском против турок. Венецианский сенат справедливо не стал доверять им и отправил Джан Батиста Тревизана в Сарай. Его на три года задержали русские и только в 1474 г. он добрался к татарам Большой Орды. Тревизан вернулся с послами от татар Темиром и Брунахо Батыром, обещаниями помощи 200 тыс. войска от Ахмеда. В свою очередь Казимир IV был недоволен возможностью союза татар с венецианцами и отправил в Венецию своего посла Каллимаха с предложением отказаться от союза. Татары в 1478 г. арестовали в Хаджи-Тархане Амброджио Конта-

рини как европейца. Это свидетельствует в пользу того, что к католикам относились не совсем дружелюбно. Еще в 1466 г. хан Махмуд отправил письмо османскому султану Мехмеду II Фатиху. Куда большее значение для Ахмеда имели отношения с Османской Империей. Он вел с султаном переписку в 1476–1478 гг., однако турки предпочли союз с Менгли-Гиреем [15, с. 66–71, 87–92; 17, с. 91–93; 33, с. 75–76, 80–82].

Великий князь литовский и король польский Казимир IV был не намерен нарушать союз с Крымом. Даже вторжение крымских татар в Подолье в 1480 г. не привело к расторжению контактов. Менгли-Гирей открещивался от похода крымцев в этот регион и выражал желание продолжать дружить с Литвой. Иван Борисович Глинский в ходе своей миссии в Крым в 1480–1481 гг. достиг перемирия с крымскими татарами. Интересно, что в 1480 г. Хаджи-Баба, как будто и не было похода крымцев на Подолье, приехал к Казимиру. В шерти Менгли-Гирея Казимиру крымский хан называл польского короля и великого князя литовского своим братом, предлагал быть врагом его врагам. Крымский хан боялся союза Казимира IV с Ахмедом. Вероятно, поход на Подолье в 1480 г. был инициативой Эминека, который еще в 1474 г. был одним из главных инициаторов сближения с Москвой. В родословии Ширинов отцу Эминека приписано завоевание Крыма и сказано, что он пришел с Волги. Это, конечно же не так, но с Мамаком и Эминекком вынуждены были считаться крымские ханы и никто кроме Менгли-Гирея с помощью Османов не смог их обуздать [35, с. 144–146; 47, р. 23–24, 548–549; 19, с. 61–64].

Долгое время от действий на западе Большую Орду сдерживала вражда с государством кочевых узбеков Абу-л-Хайра и его сына Шейх-Хадара. Также внимание Ахмеда и Махмуда отвлекала и борьба за Хадхи-Тарханом, которым правил их брат Касим. Но уже в 1472 г. Ахмед пришел с литовской территории к Алексиному, около которого их остановили русские. А. Горский считал, что Казимир IV указал Ахмеду на то, что Иван III сделал неслыханную дерзость, напав на Новгород. До того польский король и великий князь литовский претендовал на протекторат над Новгородом. В 1475–1478 гг. Казимир IV был озадачен усилением Большой Орды и ее связями с Москвой. В. Трепавлов предполагает, что Казимир хотел добиться от Ахмеда выдачи ярлыка ана-

логичного ярлыку Токтамыша Витовту. Именно с этим было возможно связана ситуация с литовским послом Каллимахом и отношениями Большой Орды с Венецией. Никакого документального подтверждения намерений использовать Большую Орду против Крымского ханства нет, зато у Казимира IV были вполне реальные намерения использовать Большую Орду против русских. «Неисправление королевское», которое в русских летописях было указано причиной похода на Киев в 1482 г., имело значение только для русских, против которых король и великий князь литовский заключил союз с ханом Большой орды. Нужно отметить, что позже, в 1501 г., татарский посол из Большой Орды от имени Шейх-Ахмеда укорял великого князя Александра за то, что его отец Казимир не исполнил присягу вместе пойти на Ивана III. Это обращение было зафиксировано в Литовской Метрике [8, с. 154–170; 24, с. 261–262; 35, с. 153; 42, р. 5; 33, с. 70, 73].

Крымский хан же высказывал претензии собственно на Киевщину. Упоминались времена старины, когда с Киева, Канева, Путивля, Липятина, Дашко (Дашева) платили дань. Менгли-Гирей в 1504 г. обещал Ивану III Киев и Черкассы, однако оговаривал себе право кочевать в этом районе. Крымский хан хотел вернуть реалии давно минувших дней. А. Хорошкевич связывает их с временами Токтамыша, по нашему же мнению эти реалии восходят ко времени Саид-Ахмеда [35, с. 159–160].

Крымские татары в своих посланиях часто ссылались на время Токтамыша, иногда упоминали времена хана поднепровского улуса Саид-Ахмеда, хотя тот был врагом Гиреев. У Менгли-Гирея были свои претензии к Великому Княжеству Литовскому. Главным вопросом была судьба улуса «Семеновых Людей». В 1486 г. Менгли-Гирей требовал от Казимира IV людей, которых его отец (Хаджи-Гирей) пожаловал Семену. Казимир признавал это пожалование, однако указывал, что в отличие от Менгли-Гирея Хаджи-Гирей дружил с Великим Княжеством Литовским и что претензий на территории не высказывал. Также об этом улусе упоминалось в посольском документе, где кратко излагали историю вопроса. Было сказано, что переход людей состоялся, когда Саид-Ахмеда взяли в плен и отправили под арест в Литву. Упомянут также князь Семен Киевский. Требование вернуть людей Менгли-Гирей в 1499 г. высказал Александру, преемнику Казимира.

мира. Александр же делал вид, что о пожаловании Хаджи-Гирею ничего не знает и чужим не владеет. Это он и ответил крымскому хану в 1506 г. Новый великий князь литовский и король польский Сигизмунд I Старый пришел к выводу о необходимости пойти навстречу татарам, и в 1507 г. он получил ярлык на владение землями, не только которыми владел, но и на те, которыми, когда-то владели его предшественники (великие князья литовские) и на которые они когда либо претендовали. Выдаче ярлыка предшествовала присяга улана Тевкеля от имени Менгли-Гирея в приязни и дружбе. В обмен Сигизмунд платил большие упоминки за Подолье, Киевщину и Вольтынь [35, с. 159–160, 166; 39, с. 58–59, 63–65, 68–73; 47, р. 551–565].

Ахмед отомстил Казимиру IV за то, что тот уклонился от прямой поддержки Большой Орды. В 1480 г. татары вторглись в верховские княжества и захватили Мценск, Перемышль, Ворытск, Белев, Одоев, Козельск. Эти земли принадлежали Великому Князю Литовскому, хотя и бунтовали против великого князя литовского в 1480 г. Нужно сказать, что к походу на Подолье крымцев вынудил Иван III, который предписывал в случае отказа крымского хана своему послу использовать Нур-Девлета, укравшегося у русских в 1479 г. Великий московский князь назначил касимовским ханом Нур-Девлета, давнего конкурента Менгли-Гирея. Альтернативным вариантом было использование самого Менгли-Гирея. Кроме хана Иван Звенец обратился к Эминеку с просьбой организовать поход против Литвы. Русские послы требовали от крымского хана, чтобы в случае вторжения Ахмеда на русские земли сам возглавил войско против Казимира. Поход на Подолье был незначительным и вероятно крымский хан отправил в поход Эминек, что позволило ему сделать вид, как будто он о нем не ведал [24, с. 262–263; 19, с. 63–64].

Принимая во внимание запутанность политической ситуации в Крыму и вмешательство Большой Орды в крымские дела понятна путаность сведений польских хронистов о татарах. Нужно сказать, что в 1482 г. ширинский бек Эминек бежал в Большую Орду, потом опять вернулся к крымскому хану. Переходы знати к бывшим противникам не были редкостью. Так, много людей Шейх-Ахмеда в 1501–1502 гг. перешло к крымцам. Этот факт отметили Мацей Меховский, Марцин Бельский и Мацей

Стрыйковский. Переходы знати могли запутать кого угодно. Не исключено, что к крымцам после 1466 г. перешла часть татар из Большой Орды, что возможно в дальнейшем и запутало польских хронистов [35, с. 95; 15, с. 106–109].

Проведя исследование, мы пришли к следующим выводам: на протяжении нескольких лет в 80–90-х гг. XIV в. польские короли платили дань татарам. Во время политических кризисов в Золотой Орде Кориатовичи прекращали уплату дани татарам и проводили политику, враждебную Токтамышу. Витовт и Ягайло же были настроены на сотрудничество с Токтамышем в 1393–1394 гг. и согласны были платить дань. Второе вторжение Тамерлана в Золотую Орду в 1394–1395 гг. и война за власть между Джучидами и Идегеем обусловили упадок Золотой Орды и ярлык Токтамыша Витовту, по которому все земли ВКЛ, ранее платившие дань татарам, прекращали их уплату. Ягайло с Витовтом с 1395 по 1435 гг. не платили дань татарам. Уступки татарам сделал Швитригайла, платя упоминки и призвав татарских даругачи в Киевскую землю. Упоминки рассматривались Швитригайла и Казимиром как субсидии дружественным татарским ханам. Большая Орда в 1470 г. не совершала набег на Подолье, степную часть Киевского княжества и Молдавию, который осуществил ширинский бек Мамак из клана Ширинов. Инициатива походов 1474 и 1480 гг. на Польшу и Великое Княжество Литовское принадлежала сыну Мамака Эминеку. Походы на Молдавию в 1470–1471 гг. были инициативой Мамака, а общие с турками кампании 1475–1476 г. были инициированы Эминекком. На протяжении практически всех 70-х гг. XV в. Менгли-Гирей делил власть с Ширинами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белецкая О.В.* Подолье и татары во второй половине XIV в. – первой половине XV в. // Кринізнауства і спеціальня гісторычныя дысцыпліны: навук.зб. Вып.4. Менск: БДУ, 2008. С. 96–108.
2. *Березин И.Н.* Ярлык Тохтамыша: второе возвращение // Эхо веков. № 1–2. Казань, 1998. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Zolotoord/XIV/1380-1400/Tochtamysch/jarlyk_jagajle.phtml?id=3057

Гедиминовичи и Джучиды в 1380–1480 гг. (украинский и молдавский...)

3. *Беспалов Р.* Битва коалиции феодалов Верхнего Поочья с ханом Куйдадатом в 1424 г. // Верхнее Подонье: Археология. История. Вып. 4. Тула: Гос. Музей заповедник Куликово поле, 2009. С. 205–210.
4. *Білецька О.* Поділля на зламі XIV–XV ст.: до витоків формування історичної області. Монографія. Одеса: Астропринт, 2004. 416 с.
5. *Валиди-Тоган Заки.* Военная кампания Тимура на Украине и Северном Кавказе // Золотоордынская цивилизация. Вып. 2. Казань: Изд-во Фэн АН РТ, 2009. С. 222–228.
6. *Гайворонский О.* Повелители двух материков. Том. 1: Крымские ханы XV–XVI столетий и борьба за наследие Великой Орды. К.-Бахчисарай: Майстерня книги – Бахчисарайский историко-культурный заповедник, 2010 400 с.
7. *Гваньїні Олександр.* Хроніка Європейської Сарматії. К.: Вид. Дім Києво-Могилянська Академія, 2009. 1008 с.
8. *Горский А.А.* Москва и Орда. М.: Наука, 2003. 214 с.
9. *Греков И.Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV в.). М.: Наука, 1977. 521 с.
10. *Грекул Ф.А.* Славяно-Молдавские летописи XV–XVI вв. М.: Наука, 1976. 151 с.
11. *Григоре Уреке.* Летописецул цэрий Молдовой. Кишиневу: Картя Молдовеняскэ, 1971. 277 с.
12. *Грушевський М.С.* Історія України-Руси. К.: Наукова думка, 1993. Т. 4. 544 с.
13. Густынская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 40. М.: Дмитрий Буланин, 2003. 202 с.
14. *Десей О.* Обоснование Актава из Золотой Орды в Оттоманской Империи во времена Йылдырыма Баязида // Золотоордынская цивилизация. Вып. 3. Казань: Изд-во Фэн АН РТ, 2010. С. 202–209.
15. *Зайцев И.Л.* Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (нач. XV – пер. пол. XVI вв.). Очерки. М.: РУДОМИНО, 2004. 216 с.
16. *Иналджик Х.* Крым под властью Османов и спор о заключении соглашения // Золотоордынское Обозрение. Вып. 2. Казань: Институт истории АН РТ, 2013. С. 117–127.
17. *Камалов И.Х., Миргалеев И.М.* К вопросу о взаимоотношениях Золотой Орды с Османской Империей // Золотоордынская Цивилизация. Вып. 1. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2008. С. 87–94.
18. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей. Т. 12. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1901. 302 с.

19. *Мавріна О.С.* Ширіни у ранній історії Кримського ханату (карачі-беки Мамак та Емінек) // Сходознавство. № 47. К.: Інститут сходознавства ім. А.Ю. Кримського, 2009. С. 53–65.
20. *Михайловський В.М.* Васальні стосунки князів Коріятовичів з Казимиром III і Людовиком Угорським // Український історичний журнал. № 4. К.: Інститут історії України, 2010. С. 4–15.
21. *Михайловський В.М.* Еластична спільнота. Подільська шляхта в другій половині XIV – 70-х роках XVI ст. Київ: Темпора, 2012. XXII, 450 с.
22. *Негри А.* Извлечение из турецкой рукописи Общества, содержащей историю крымских ханов // Записки Одесского Общества Истории и Древностей. Одесса: Городская типография, 1844. Т. 1. С. 379–392. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XV/Tur_ruk_obsch/text.phtml?id=5430
23. Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества. Кишинев: Штиинца, 1987. 465 с.
24. *Почекаев Р.Ю.* Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб.: Евразия, 2012. 464 с.
25. Продолжение летописи по воскресенскому списку // Полное собрание русских летописей. Т. 8. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1859. 301 с.
26. Псковские летописи. Вып. 2. М.: Издательство Академии Наук, 1955. 402 с.
27. *Русина О.В.* Україна під татарами і литвою. К.: ВД Альтернативи, 1998. 320 с.
28. *Скржинская Е.Ч.* Барбаро и Контарини о России. М.: Наука, 1971. 276 с.
29. Софийские летописи // Полное собрание русских летописей. Т. 6. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1853. 358 с.
30. *Софонович Ф.* Хроніка з літописців стародавніх. К.: Наукова думка, 1992. 336 с.
31. *Стрийковський Мацей.* Літопис польський, литовський, жмудський і всієї Руси. Львів: Наукове товариство ім. Т. Шевченка у Львові, 2011. XII, 1084 с.
32. *Тасин Джемил.* Татары Добруджи и Буджака // Золотоордынская цивилизация. Вып. 1. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. С. 164–176.
33. *Трепавлов В.В.* Большая Орда – Тахт эли. Очерки истории. Тула: Граф и К: Граф и К., 2010. 112 с.

Гедиминовичи и Джучиды в 1380–1480 гг. (украинский и молдавский...)

34. *Флоря Б.Н.* Орда и государства Восточной Европы в середине XV века // *Славяне и их соседи*. Вып. 10. М.: Наука, 2001. С. 172–196.
35. *Хорошкевич А.Л.* Русь и Крым. От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. М.: Едиторал УРСС, 2001. 336 с.
36. *Черкас Б.В.* Поход Токтамышша на Великое Княжество Литовское // *Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения*. Материалы Круглого стола, проведенного в рамках Международного Золотоордынского Форума. Казань, 29–30 марта 2011 г. Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 167–169.
37. *Черкас Б.* Степовий щит Литви. Українське військо Гедиміновичів (XIV–XVI ст.): науково-популярне видання. К.: Темпора, 2011. 144 с.
38. *Шабильдо Ф.М.* Витовт и Тимур: противники или стратегические партнеры // *Lietuva ir jos kaimynai. Nuo normanu iki Napoleono*. Вильнюс: Вага, 2001. С. 95–106.
39. *Шабильдо Ф.М.* Семеновы люди: их территории и роль в политических отношениях между Крымом и Литвой на исходе XV века // *Ruthenica*. К.: Институт історії України. 2010. № 9. С. 57–73.
40. *Babinskas N.* Политические отношения Великого Княжества Литовского (ВКЛ) и Молдовы в 1430–1447 гг. // *Revista de Istorie a Moldovei*. № 3. Iulie-septembrie. Chisineu: Institutul de Istorie. 2008. P. 3–15.
41. *Baronas D.* The encounter between forest Lithuanians and steppe Tatars in the time of Mindaugas // *Lithuanian Historical Studies*. Vilnius: Lithuanian Institute of History, 2006. Vol. 11. P. 1–16.
42. *Davies B.L.* Warfare, State and Society on the Black Sea steppe, 1500–1700. London-New-York: Routledge, Taylor and Francis Group, 2007. XV, 256 p.
43. *Długosz J.* *Dziejów Polskich ksiąg dwanaście* / Przekład K. Mecherzyńskiego. T. 4. Ks. XI, XII. Kraków: W drukarni «Czaszu» W. Kirchmayera, 1869. Available at: <http://www.polona.pl/dlibra/doccontent?id=895&dirids=15>
44. *Długosz J.* *Dziejów Polskich ksiąg dwanaście* / Przekład K. Mecherzyńskiego. T. 5. Ks. XII. Kraków: W drukarni «Czaszu» W. Kirchmayera, 1870. Available at: http://books.google.com.ua/books?id=y0lhAQAAAJ&printsec=frontcover&hl=uk&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false
45. *Epure V.A.* Quelques pages d'histoire troublee des XIV-eme et XV-eme siecles de l'Est de l'Europe // *Codrul Cosminului*. Suceava: Universitatea Ștefan cel Mare, 2008. № 14. P. 23–40.

46. *Gonta A.I.* Români și Hoarda de Aur, 1241–1502. Iași: Demiurg, 2010. 217 p.
47. *Kolodziejczyk D.* The Crimean khanate and Poland-Lithuania: international diplomacy on the European periphery (15th–18th century): a study of peace treaties followed by annotated documents. Leiden-Boston: E.J. Brill, 2011. XXXVI, 1109 p.
48. Kronika Polska Marcina Bielskiego. T. 1. Księgi I–III. Sanok: Nakład i druk Karola Polaka, 1856. 700 s.
49. Kronika Polska Marcina Bielskiego. T. 2. Księga IV–V. Sanok: Nakład i druk Karola Polaka, 1856. S. 701–1222.
50. Kronika polska Marcina Kromera biskupa Warmińskiego Księg XXX. Krakow: Księgarnia J.M. Himbelmana, 1882. T. 1. 760 s.
51. Kronika polska Marcina Kromera biskupa Warmińskiego Księg XXX. Krakow: Księgarnia J.M. Himbelmana, 1882. T. 2. S. 761–1500.
52. Kronika polska Marcina Kromera biskupa Warmińskiego Księg XXX. Sanok: nakł. i druk Karola Pollaka, 1857. 716 s.
53. *Podhorodecki L.* Chanat Krymski i jego stosunki s Polska. Warszawa: Książka i wiedza, 1987. 359 s.
54. *Pulaski K.* Stosunki z Mendli-Girejem, chanom tatarow perekopskich (1469–1515), akta i listy // Stosunki Polski s Tatarszczina od Polovi XV wieku. Krakow-Warszawa: Gebethner i Spolka, Gebethner i Wolf, 1881. S.1–449.
55. *Spinei V.* The Great Migrations in the East and South East of Europe from the Ninth to the Thirteenth Century. Cluj-Napoca: Romanian Cultural Institute, Istros Publishing House, 2003. 546 p.
56. *Żdan M.* Stosunki litewsko-tatarskie za czasow Witolda, w. Ks. Litwy // Ateneum Wilenskie. Czasopismo naukowe poswiecone badaniom przeszlosci ziem Wielkiego X. Litewskiego. Rocznik VII. Zeszyt 3–4. Wilno, 1930. S. 529–601.

Сведения об авторе: Ярослав Валентинович Пилипчук – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Отдела Евразийской степи Института востоковедения им. А.Е. Крымского НАН Украины (01001, ул. Грушевского, 4, Киев, Украина); bachman@meta.ua



Gediminovichi and Jochids in 1380–1480 (Ukrainian and Moldavian aspects)

Yaroslav Pilipchuk

(A.E. Krymsky Institute of Oriental Studies of NAS of Ukraine)

Abstract. This article deals with the relationship of the Grand Duchy of Lithuania and Poland with the Tatars. Tributary relationship of Vytaut and Jogaila with Tatars existed at the end of the XIV century, in 30–40-ies of the XV century. they were replaced by a payment of Upominki (gifts). A payment of Upominki from Lithuanians to Tatar khans Said-Akhmed and Haji-Giray were considered as subsidies to allied khans, who defended the Lithuanian border from other Tatars. Tatarian raids in 1469–1480 years on the Podolye and Kyiv region were initiated by the Crimean beys from Shirin's clan. In the battle of Lipnik in 1470 Moldavian prince Stefan defeated troops of the Crimeans bey Mamak and captured his son Eminek.

Keywords: upominki, tribute, Podolye, Tatars, Crimean Khanate, Kingdom of Poland, Great Duchy of Lithuania, raids.

REFERENCES

1. Beletskaya O.V. Podol'e i tatory vo vtoroy polovine XIV v. – pervoy polovine XV v. [Podolia and Tatars in the second half of the XIV century – first half of the XV century] *Krynitsaznavstva i spetsialnyya gistorychnye dystsypliny: navukoviy zbirnik* [Source studies and Special Historical Sciences: Collected articles], 2008, vol. 4, pp. 96–108.
2. Berezin I.N. Yarlyk Tokhtamysha: vtoroe vozvrashchenie [Yarlik of Tokhtamis: the second return]. *Ekho vekov – Echo of Ages*. Kazan, 1998, no 1–2. Available at: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Zolotoord/XIV/1380-1400/Tochtamysch/jarlyk_jagajle.phtml?id=3057
3. Bepalov R. Bitva koalitsii feodalov Verkhnego Pooch'ya s khanom Kuydadatom v 1424 g. [War of coalition of princes of Upper Oka region against Khudaydat-khan in 1424]. *Verkhnee Podon'e: Arkheologiya. Istoriya* [Upper Don region: Archaeology. History: Collected articles], 2009, no 4, pp. 205–210.
4. Bilets'ka O. *Podillya na zlami XIV–XV st.: do vitokiv formuvannya istorichnoi oblasti. Monografiya* [Podillya at the crossroads of the XIV–XV

centuries: up to the sources of formation of historical region. Monography]. Odessa, Astroprint Publ., 2004. 416 p.

5. Validi-Togan Zaki. Voennaya kampaniya Timura na Ukraine i Severnom Kavkaze [Military campaigns of Timor in Ukraine and Northern Caucasus]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization: Collected articles], 2009, issue 2, pp. 222–228.

6. Gayvoronskiy O. *Poveliteli dvukh materikov. Tom 1: Krymskie khany XV–XVI stoletiy i bor'ba za nasledie Velikoy Ordy* [The Rulers of two continents. Vol. 1: The Crimean khans of the XV–XVI centuries and the Rivalry for the Heritage of Great Horde]. Kiev-Bakhcisaray, Maysternya knygy – Bakhchisarayskiy istoriko-kul'turnyy zapovednik, 2010. 400 p.

7. Gvan'ini Oleksandr. *Khronika Evropeys'koï Sarmatii* [Chronicle of European Sarmatia]. Kiev, Vid. Dim Kievo-Mogilyans'ka Akademiya Publ., 2009. 1008 p.

8. Gorskiy A.A. *Moskva i Orda* [Moscow and Golden Horde]. Moscow, Nauka Publ., 2003. 214 p.

9. Grekov I.B. *Vostochnaya Evropa i upadok Zolotoy Ordy* (na rubezhe XIV–XV v.). [Eastern Europe and the crisis of Golden Horde (on the edge of XIV–XV centuries)]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 521 p.

10. Grekul F.A. *Slavyano-Moldavskie letopisi XV–XVI vv.* [Slavonic-Moldavian Chronicles of XV–XVI centuries]. Moscow, Nauka, 1976. 151 p.

11. Grigore Ureche. *Letopisetsul tseriy Moldovey* [Chronicle of Moldavian Land]. Kishinev, Kartya Moldovenyaske Publ., 1971. 287 p.

12. Grushevs'kiy M.S. *Istoriya Ukraini-Rusi* [History of Ukraine-Rus]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1993. Vol. 4. 544 p.

13. Gustynskaya letopis' [Chronicle of Gustyn]. *Polnoe sobranie russkih letopisey* [Full Collection of Russian Chronicles], 2003, vol. 40, 202 p.

14. Desey O. Obosnovanie Aktava iz Zolotoy Ordy v Ottomanskoy Imperii vo vremena Yyldyryma Bayazida [Migration of Aktau from Ottoman Empire in times of Bayazid Yildirim]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization: Collected Articles], 2010, no. 3, pp. 202–209.

15. Zaytsev I.L. *Mezhdú Moskvoy i Stambulom. Dzhuchidskie gosudarstva, Moskva i Osmanskaya imperiya (nach. XV – per. pol. XVI vv.). Ocherki* [Between Moscow and Stambul. Jochids states, Moscow and Ottoman Empire (beginning of the XV – first half of XVI century)]. Moscow, RUDOMINO Publ., 2004. 216 p.

16. Inalzhik Kh. Krym pod vlast'yu Osmanov i spor o zaklyuchenii soglasheniya [Crimea under Ottoman rule and dispute about the conclusion of the contract]. *Zolotoordynskoe Obozrenie – Golden Horde Review*, 2013, no. 2, pp. 117–127.

17. Kamalov I.Kh., Mirgaleev I.M. K voprosu o vzaimootnosheniyakh Zolotoy Ordy s Osmanskoj Imperii [About the question of relationships of Golden Horde with Ottoman Empire]. *Zolotoordynskaya Tsvivilizatsia – Golden Horde Civilization*, 2008, no. 1, pp.87–94.
18. Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patriarshey ili Nikonovskoy letopis'yu [Nikonian or Patriarch Chronicle]. *Polnoe sobranie russkih letopisey* [Full Collection of Russian Chronicles]. 1901, vol. 12, 302 p.
19. Mavrina O.S. Shirini u ranniy istorii Krims'kogo khanatu (karachibeki Mamak ta Eminek) [Shirins in early history of Crimean khanate (qaracibeks Mamaks and Eminek)]. *Skhodoznavstvo* [Oriental Studies]. Kiev, 2009, no. 47, pp. 53–65.
20. Mikhaylovs'kiy V.M. Vasal'ni stosunki knyaziv Koriyatovichiv z Kazimirom III i Lyudovikom Ugors'kim [Subordination relations of podolian princes Koriatovich to Hungarian king Lajos]. *Ukrayinskyi istorychnyi zhurnal – Ukrainian historical journal*, 2010, no. 4, pp.4–15.
21. Mikhaylovs'kiy V.M. *Elastichna spil'nota. Podil's'ka shlyakhta v drugiy polovini XIV – 70-kh rokakh XVI st.* [Elastic Society. Podolian Gentry in the second half of the XIV – 70-ies of the XVI century]. Kiev, Tempora Publ., 2012. XVII, 450 p.
22. Negri A. Izvlechenie iz turetskoy rukopisi Obshchestva, sodержashchey istoriyu krymskikh khanov [Extract from Turkic manuscript of Society, which contains the History of Crimean Khans]. *Zapiski Odesskogo obshchestva Istorii i Drevnostey* [Notes of Odessa Society on History and Antiquities: Collected articles], 1844, vol. 1, pp. 379–392. Available at: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XV/Tur_ruk_obsch/text.phtml?id=5430
23. Ocherki vneshnepoliticheskoy istorii Moldavskogo knyazhestva [Essays of international relations of Moldavian principality]. Khishinev, Shtiincz Publ., 1987. 465 p.
24. Pochekaev R.Yu. *Tsari ordynskie. Biografii khanov i praviteley Zolotoy Ordy* [Rulers of Horde. Biographies of khans and rulers of the Golden Horde]. St. Petersburg, Evrazia Publ., 2012. 464 p.
25. Prodolzhenie letopisi po Voskresenskomu spisku [The continuation of chronicles on Voskrecensky list]. *Polnoe sobranie russkih letopisey* [Full Collection of Russian Chronicles]. St. Petersburg, Eduard Prats Publ., 1859. Vol. 8. 301 p.
26. Pskovskie letopisi [Chronicles of Pskov]. Vol. 2. Moscow, Academy of Sciences Publ., 1955. 402 p.
27. Rusyna O.V. *Ukraina pid tatarami i litvoyu* [Ukraine under Tatarian and Lithuanian rule]. Kiev, VD Al'ternativi Publ., 1998. 320 p.

28. Skrzhinskaya E.Ch. *Barbaro i Kontarini o Rossii* [Barbaro and Conrarini about Russia]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 276 p.
29. Sofiyskie letopisi [Chronicles of Sofiya]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Full Collection of Russian Chronicles]. 1853. Vol. 6. 358 p.
30. Sofonovich F. *Khronika z litopistsiv starodavnikh* [Chronicle with extracts from other ancient chronicles]. Kiev, Naukova Dumka Publ., 1992. 336 p.
31. Striykovs'kiy Matsey. *Litopis pol's'kiy, litovs'kiy, zhmuds'kiy i vsiei Rusi* [Chronicle of Poland, Lithuania, Samogitia and all Russia]. Lviv, Naukove tovarystvo imeni T. Shevchenka u Lvovi Publ., 2011. XII, 1084 p.
32. Tasin Dzhemil. Tatory Dobrudzhi i Budzhaka [Tatars of Dobrogea and Bujeak]. *Zolotoordynskoe obozrenie – Golden Horde Review*, 2013, no. 1, pp. 164–176/
33. Trepavlov V.V. *Bol'shaya Orda – Takht eli. Ocherki istorii* [Great Horde – Takht Eli. Essays on History]. Tula, Graf i K Publ., 2010. 112 p
34. Florya B.N. Orda i gosudarstva Vostochnoy Evropy v seredine XV veka [Golden Horde and the states of Eastern Europe in middle of the XV century]. *Slavyane i ih sosedi* [Slavs and their neighbours], 2001, no 10, pp. 172–196.
35. Khoroshkevich A.L. *Rus' i Krym. Ot soyuza k protivostoyaniyu. Konets XV – nachalo XVI vekov* [Russia and Crimea. From alliance to confrontation. The end of the XV – beginning of the XVI century]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001. 336 p.
36. Cherkas B.V. *Pokhod Toktamyscha na Velikoe Knyazhestvo Litovskoe [Campaign of Toktamish againsts Kyivan Principality]. Voennoe delo Zolotoy Ordy* [Warfare of Golden Horde. Collected articles]. Kazan, OOO Foliant Publ., 2011, pp. 167–169.
37. Cherkas B. *Stepoviy shchit Litvi. Ukraïns'ke viys'ko Gedimino-vichiv (XIV–XVI st.): naukovo-populyarne vidannya* [Steppe shield of Lithuania. Ukrainian army of Gediminoviches]. Kiev, Tempora Publ., 2011. 144 p.
38. Shabul'do F.M. *Vitovt i Timur: protivniki ili strategicheskie partnery* [Vitaut and Timur: enemies or strategic partners]. *Lietuva ir jos kaimynai* [Lithuania and its neighbours]. Vilnius, Vaga Publ., 2001, pp. 95–106.
39. Shabul'do F.M. *Semenovy lyudi: ikh territorii i rol' v politicheskikh otnosheniyakh mezhdru Krymom i Litvoy na iskhode XV veka* [Peoples of Semion: their territories and role in political relationships between Crimea and Lithuania at the end of XV century]. *Ruthenica*, 2010, no. 9, pp. 57–73.
40. Babinskas N. *Politicheskie otnosheniya Velikogo Knyazhesstva Litovskogo (VKL) i Moldovy v 1430–1447 gg.* [Political relationships be-

tween Great Duchy of Lithuania and Moldova in 1430–1447]. *Revista de Istorie a Moldovei*, 2008, no. 3, iulie-septembrie, pp. 3–15.

41. Baronas D. The encounter between forest Lithuanians and steppe Tatars in the time of Mindaugas. *Lithuanian Historical Studies*, 2006, vol. 11, pp. 1–16.

42. Davies B.L. *Warfare, State and Society on the Black Sea steppe, 1500–1700*. London-New-York, Routledge, Taylor and Francis Group, 2007. XV, 256 p.

43. Długosz J. *Dziejów Polskich ksiąg dwanaście* / Przekład K.Mecherzyńskiego. Kraków, W drukarni «Czasu» W. Kirchmayera, 1869. T. 4. Ks. XI, XII. 8, 668, XXIII pp. Available at: <http://www.polona.pl/item/201136/6/>

44. Długosz J. *Dziejów Polskich ksiąg dwanaście* / Przekład K.Mecherzyńskiego. Kraków, W drukarni «Czasu» W. Kirchmayera, 1870. T. 5. Ks. XII. 418 p. Available at: http://books.google.com.ua/books?id=y0lhAQAAAJ&printsec=frontcover&hl=uk&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false

45. Epure V.A. Quelques pages d'histoire troublee des XIV-eme et XV-eme siecles de l'Est de l'Europe. *Codrul Cosminului*. Suceava, Universitatea Ștefan cel Mare, 2008, no. 14, pp. 23–40.

46. Gonta A.I. *Români și Hoarda de Aur, 1241–1502*. Iași, Demiurg, 2010. 217 p.

47. Kolodziejczyk D. *The Crimean khanate and Poland-Lithuania: international diplomacy on the European periphery (15th–18th century): a study of peace treaties followed by annotated documents*. Leiden-Boston, E.J. Brill, 2011. XXXVI, 1109 p.

48. Kronika Polska Marcina Bielskiego. Sanok, Nakład i druk Karola Polaka, 1856. T. 1. Księga I–III. XI, 699 p.

49. Kronika Polska Marcina Bielskiego. Sanok, Nakład i druk Karola Polaka, 1856. T. 2. Księga IV–V, pp. 700–1222.

50. Kronika polska Marcina Kromera biskupa Warmińskiego Księg XXX. Sanok, nakł. i druk Karola Pollaka, 1857. 716 p.

51. Kronika polska Marcina Kromera biskupa Warmińskiego Księg XXX. Krakow, Księgarnia J.M. Himbelmana, 1882. T. 1. 760 p.

52. Kronika polska Marcina Kromera biskupa Warmińskiego Księg XXX. Krakow, Księgarnia J.M. Himbelmana, 1882. T. 2, pp. 761–1500.

53. Podhorodecki L. *Chanat Krymski i jego stosunki s Polska*. Warszawa, Książka i wiedza, 1987. 359 p.

54. Pulaski K. Stosunki z Mendli-Girejem, chanom tatarow pere-kopskich (1469–1515), akta i listy. *Stosunki Polski s Tatarszczina od Polovi*

XV wieku. Krakow-Warszawa, Gebethner i Spolka, Gebethner i Wolf, 1881, pp.1–449.

55. Spinei V. *The Great Migrations in the East and South East of Europe from the Ninth to the Thirteenth Century.* Cluj-Napoca, Romanian Cultural Institute, Istros Publishing House, 2003. 546 p.

56. Źdan M. Stosunki litewsko-tatarskie za czasow Witolda, w. Ks. Litwy. *Ateneum Wilenskie. Czasopismo naukowe poswiecone badaniom przeszlosci ziem Wielkiego X. Litewskiego. 1930.* Rocznik VII. Zeszyt 3–4, pp. 529–601.

About the author: Yaroslav Valentinovich Pilipchuk – Cand. Sci. (History), junior researcher at the Department of Eurasian Steppe, A.E. Krymsky Institute of Oriental Studies, National Academy of Sciences of Ukraine (01001, Hrushevsky street, 4, Kiev, Ukraine); bachman@meta.ua

УДК 355/359(=512.1)

Татары и Киевская земля (1362–1471)

Ярослав Пилипчук

*(Институт востоковедения им. А.Е. Крымского
НАН Украины)*

Аннотация. Статья посвящена отношениям Киевской земли при Гедиминовичах с татарами в 1362–1471 гг. Владимир Ольгердович проводил союзную политику по отношению к Мамаю. Степные пространства Днепровского Правобережья при правлении в степи Улу-Мухаммеда, Саид-Ахмеда и части правления Хаджи-Гирея были литовско-татарским кондоминатом. Обострение в отношениях произошло после того как Олельковичи заняли ордынский улус «Семеновых Людей» в 50-х гг. XV вв. и приняли прямое участие в разгроме орды Саид-Ахмеда. Княжеская династия Олельковичей вела активную антитатарскую политику и укрепляла границы своих владений.

Ключевые слова: Киевская земля, татары, Саид-Ахмед, Хаджи-Гирей, улус «Семеновых людей», Олельковичи, кондоминат, Крымское ханство.

Одним из интересных вопросов истории Восточной Европы является история Киевской земли в XIII–XVI в. В последнее время появились работы, посвященные взаимоотношениям отдельных княжеств Гедиминовичей с татарами. Есть монография О. Белецкой об отношениях Подолья с татарами [3]. По истории взаимоотношений Киевского княжества с татарами есть исследования Б. Черкаса и Е. Русиной, посвященные отдельным вопросам истории Киевской земли в литовское время [33; 23]. Задачей данной работы является исследование истории Киевской земли под властью Гедиминовичей и их воевод с 1362 до 1471 г. Необходимо выделить основные проблемы взаимоотношений Великого Княжества Литовского, а собственно: взаимоотношения Владимира Ольгердовича с татарами, взаимоотношения Витовта с Джучида-

ми и колонизация степных просторов при его правлении, отношения Олельковичей с крымскими татарами.

Владимир Ольгердович и татары, 1362–1395. Утверждением Токтамыша на сарайском престоле закончилась эпоха «Великой Замятни». В 1380 г. Токтамыш подчинил себе Орду Мамаю, в 1380–1381 гг. окончательно остановил продвижение Кориатовичей на татарские земли поход Токтамыша на Подольское и Киевское княжества. В битве с татарами погиб Александр Кориатович. Об этом походе сообщают несколько источников. В частности, в папской булле упомянута гибель Подольского князя Александра Кориатовича в войне с татарами в 1380 г. По сведениям Абд аль-Гаффара Кырыми, люди Мамаю ушли в местность Энгэл ве Онгул (бассейн Ингула и Ингульца). Эти земли принадлежали Кориатовичам и именно они первыми ощутили на себе удар татарских войск. Подольское княжество занимало большие земли от Каменца до Черкас, и от земель на юг от Роси до Черного моря. Эти земли вошли в состав Подолья после победы литовцев в битве на Синих Водах и кампаний Кориатовичей против татар в 60–70-х гг. XIV в. Кориатовичи в 1380–1381 гг. были вассалами венгерского и польского короля Лайоша (Людовика) Великого, так что вторжение во владения Великого Княжества Литовского произошло уже после смерти Александра Кориатовича. Единственным источником для этого является грамота Владимира Ольгердовича Юрию Ивантичу Половцу-Рожиновскому на владения лесными просторам в Киевской земле. Его владения до того находились около Сквиры в Поросье. Поросье уже находилось во владениях Киевского княжества, которым руководил Владимир Ольгердович. Согласно данным грамоты, местности в бассейне Роси были опустошены. Причина похода Токтамыша на Киевское княжество, вероятно, была та же, что и для похода на Подолье. Владимир Ольгердович мог укрыть у себя людей и сына Мамаю [33, с. 168; 3, с. 115].

Нужно сказать, что Владимир Ольгердович был соседом ордынского улуса Манкерман, который находился в землях прежнего Переяславского княжества. Границы княжества Владимира Ольгердовича были довольно ограниченными. На севере – Припять, на западе – Случ, на юге – Рось, на востоке – Остер. Путивль, который до 1362 г. был территорией, связанной с Киевом, во время

Владимира Ольгердовича таким не был, поскольку он не принадлежал к путивльским Ольговичам, которые в первой половине XIV в. владели Киевом. Изменения произошли при Олельковичах, значительно расширившие владения княжества. При Владимире Ольгердовиче Киевское княжество фактически возвратилось к прежним размерам княжества домонгольского периода. Канев и часть Поросья, в отличие от татарского периода, были уже теперь не татарским, а литовским владением [33, с. 167].

Киевское наместничество и татары, 1395–1430. В 90-х гг. XIV в. наступила новая эпоха в истории Великого Княжества Литовского. Витовт принялся за централизацию государства, упраздняя удельные княжества. Ягайло и Витовт заключили между собой Островский договор, который примирил их между собой. В 1392 г. без сопротивления со стороны Федора Любартовича была ликвидирована самостоятельность Волынского княжества. В 1393 г. Витовт направил свои войска против Владимира Ольгердовича. Они двинулись несколькими отрядами. Витовт двигался по Днепру, а также занял Овруч и Житомир. На некоторое время внимание Витовта отвлек конфликт с Кориатовичами, однако в 1395 г. он вернулся на юг и взял Киев. В 1394 г. Витовт изгнал из Подолья Федора Кориатовича, который сначала бежал к молдавскому господарю, а потом к венгерскому королю Сигизмунду Люксембургу. Владимир Ольгердович не был в силах что-то противопоставить великому князю и сдал Киев без боя. За это Витовт предоставил ему Копыльское княжество, а Киевское княжество превратил в Киевское наместничество. Править территорией стал Скиргайла. После него Киевом правил Ольгович Иван Борисович, который погиб на Ворскле в 1399 г. [23, с. 78–83].

Вторжение Тамерлана в золотоордынские владения в 1394–1395 гг. привела к фактическому расколу Золотой Орды. Токтамыш, спасая свою жизнь, был вынужден бежать к литовцам. В 1396 г. он вернулся в Крым, но был оттуда вытеснен уже в 1397 г. Тимур-Кутлугом. Токтамыш снова оказался в эмиграции и пребывал между Черкасами и Каневом в землях, подвластных Витовту. Отсюда необходимо сделать вывод о том, что татары поселились в лесостепной части Киевской земли, где раньше кочевали «Черные Клобуки» [34; 16, с. 66–76]. В 1397–1398 гг. Витовт начал свою большую степную политику. Очевидно, пользуясь

проблемами Золотой Орды, он присоединил к своим владениям территории Улуса Манкерман от Трубежа до Сулы. Бассейн Ворсклы не входил в состав этого улуса, поскольку при описании битвы на Ворскле место битвы было описано как то, что находилось в земле татарской. Под 1397 г. в хронике Иоханна Посильге литовцы и татары упомянуты вместе. Под 1398 г. этот хронист упоминал о литовцах около Днепра и постройке крепости Святого Иоанна. Вероятно, информаторами Иоханна были непосредственные участники битвы на Ворскле, которые также принимали участие в кампании Витовта. В письме Иогана Римана¹ из Полоцка в Ригу есть данные, что литовцы основали две крепости на *Wochowe Reekce*. Возможно, это известие является дополнительным свидетельством того, что на нижнем течении Буга и Днепра Витовт основывал свои форпосты [42, s. 216, 222]. Киев был важным географическим ориентиром для немцев, поскольку они не особо разбирались в географии Восточной Европы. Торнский анналист сообщал, что немцы вместе с литовцами и немцами пошли на татар на Киев. Иоханн Посильге сообщал, что битва состоялась в 26 милях от Киева. Точного названия места битвы они не знали [42, s. 229–231; 27].

Татары после победы в битве на Ворскле в 1399 г. вышли на Днепровское Правобережье. Татары отступили, взяв с Киева откуп. Этот сюжет популярен во множестве русских и белорусско-литовских летописей, а также польских хрониках. Указывались разные суммы контрибуции от 1 тыс. до 3 тыс. литовских рублей, что не меняет самой сути событий. Татарские войска, преследуя Витовта, должны были пройти огнем и мечом Днепровское левобережье. Славяно-тюркские поселения в районе Псла и Сейма на некоторое время запустели. После этого войска Идегея и Тимур Кутлуга должны были переправиться через Днепр, где-то в районе Триполья. Подойдя к Киеву, Тимур-Кутлуг не стал брать город, а взял с него контрибуцию. Видно, у этого хана при его быстром рейде не было осадных орудий, чтобы брать большие города. Далее татары рассеялись по Киевской и Волынской землям мелкими отрядами и дошли до Луцка. Вероятно, завоевания Ви-

¹ Благодарю за перевод отрывка письма моего коллегу Сергея Полехова. – Я.П.

товта в степной части Днепровского Правобережья были утрачены. Регион Среднего Поднепровья пережил второе большое опустошение, сравнимое только с пережитым монгольским вторжением 1239 г. [20, с. 393–396; 32, с. 48–49; 11, с. 43, 47; 44, с. 546–553; 41, с. 749–752].

На протяжении 1400–1419 гг. Витовт воевал с татарами силами сыновей Токтамыша – Джелал-ад-Дина, Джаббар-Берди, Керим-Берди. Также литовский князь использовал и Бек-Суфи из Крыма. Эта информация нам известна благодаря Яну Длугошу, а также Мацею Стрыйковскому. При помощи Токтамышевичей Витовт беспокоил пограничье Золотой Орды. В 1411 г. Джелал ад-Дин атаковал Идегея и убил в столкновении хана Пулада, но не смог удержаться в степи. В 1411 г. в Золотой Орде воцарился хан Тимур, который не пожелал быть марионеткой Идегея и вынудил последнего бежать в Хорезм. В 1412 г. Джелал ад-Дин, пользуясь этой усобицей, воцарился, однако вскоре был убит своим братом Джаббар-Берди, чем воспользовался уже Идегей, восстановивший свою власть. В 1418 г. Витовт провозгласил ханом какого-то Бетсубулу (Бек-Суфи), но попытка привести того к власти была неудачной. В Крыму воцарился ставленник Идегея Дервиш, однако правил он недолго. После этого литовцы поддерживали Керим-Берди (Keremberden брата Jeremferdena) в сражении с которым Едигей в 1419 г. погиб [32, с. 50; 38, с. 203–204; 44, с. 564–569; 43, с. 410].

Татары Улуса Джучи также не ограничивались только незначительными ответными набегами. Например, поход Идегея на Киев в 1416 г., привел к сожжению Киева, но киевская крепость так и не была взята татарами. Витовт ответил экспедицией Радзивилла, которая была осуществлена совместно с Токтамышевичем Керим-Берды [32, с. 50; 12, с. 118; 11, с. 42–43]. Вопрос относительно татарской кампании 1416 г. требует более детального рассмотрения. В источниках известно несколько версий. Более всего известна версия, высказанная польскими хронистами. Ян Длугош сообщал, что Идегей напал на Киев, сжег его предместья и церкви. Сказано, что он только не смог взять Киевский замок, который обороняли поляки и русины. Возможно, некоторая часть польских шляхтичей была размещена в Киеве в качестве гарнизона в предчувствии татарского набега [38, с. 182–183]. Также

знаменита версия Мацея Стрыйковского. События датированы все тем же 1416 годом. Сказано, что татары гетьмана (эмира) Едигея вторглись в Киевское княжество. Они уничтожили, ограбили и сожгли сам Киев, да так что город до сих пор не вернулся к прежней красоте. При этом хронист совершенно не знал об опустошении Киева, которое осуществил Менгли-Гирей и, возможно, то, что Мацей Стрыйковский приписал Идегею, на самом деле сделал Менгли-Гирей в 1482 г. [24, с. 640]. В хронике Марциана Бельского сказано, что в 1416 г. царь татарский Едига много вреда нанес окрестностям Киев и сам город сжег, но не смог взять замок. Идегей по данным польского хрониста увел большой ясырь с Киевской земли [40, s. 564]. Бернард Ваповский сообщал, что в 1416 г. Едигей пришел с Дона и Днепра. Он повторял данные Яна Длугоша о польском и русинском гарнизоне Киевского замка, и также повторял его данные о том, что Едигей взял и сжег Киев [43, s. 393].

Что касается литовской версии событий, то есть ранняя и поздняя литовская версия событий. Ранняя версия представлена первым сводом летописей Великого Княжества Литовского. Это разные редакции Летописца великих князей литовских. В Слуцкой, Супрасальской, Академической летописях сказано, что в 1416 г. татары воевали около Киева и сожгли Печерский монастырь. Поздняя литовская версия представлена летописями второго и третьего свода летописей Великого Княжества Литовского. В летописи Красинского рассказ о походе татар на Киев размещен после описания битвы на Ворскле и рассказа о занятии Смоленска литовцами. Рассказ о татарском походе точно не датирован, но подразумевается, что это был 1416 год. В отличие от предыдущих летописей, указан месяц вторжения – июнь. Сказано, что татары воевали около Киева и сожгли Печерский монастырь. Аналогичные данные находим и в Ольшевской, и Румянецвской летописи. Несколько отличается подача материала в летописи Рачинского, поскольку сказано, что в том году татары воевали около Киева и что монастырь Печерский сожгли в июне месяце. Откуда взята информация о месяце июне как времени вторжения – неясно [1, с. 73, 106, 140, 161, 187, 208].

В «Похвале князю Витовту» сказано, что в Киеве великим князем литовским на царство были возведены Большой и Малый

Салтаны. Вероятно, этими султанами были Джелал ад-Дин и Джаббар-Берди, которые долгое время находились в владениях Витовта. В «Похвале Витовту» упомянуты Девлет-Бердей (Девлет-Берди) и Махмет (Улу-Мухаммед). При этом в панегирике великому литовскому князю было сказано, что Витовт множество царей отпускает в Орду. Кроме вышеуказанных ханов, среди этих царей должны были находиться сыновья Токтамыша – Кепек, Джаббар-Берди, Керим-Берди. Однако из всех этих правителей в Крыму на достаточно долгое время удавалось закрепиться только Девлет-Берди и Улу-Мухаммеду. Однако нужно указать, что подданные ханов не особо слушались их. В 1420 и 1422 гг. татары Девлет-Берди нападали на своих соседей. А в 1431 г. при великом князе Швитригайла зять Улуг-Мухаммеда бек Айдер совершил нападение на пограничье Великого Княжества Литовского около Мценска и захватил в плен наместника Григория Протасьева. Улуг-Мухаммеду пришлось приструнить своего бека. Швитригайла пришлось договариваться об освобождении из плена Григория Протасьева и возмещении литовцам убытков. Айдер за отнятие мценской добычи затаил злость на Улуг-Мухаммеда. Ситуацию скорее контролировали беки, чем ханы. Только Улуг-Мухаммед в 1428–1430 гг. был послушным Витовту. Это подтверждается данными письма Витовта к ливонцам от 9 сентября 1429 г., где он сообщал, что Улу-Мухаммед утвердился на царстве и в союзе с Великим Княжеством Литовским. Девлет-Берди же старался загладить конфликт с литовцами и поляками, говоря, что не он инициировал походы на приграничье. Шут Витовта Генне, сообщая разведанные великому магистру Тевтонского Ордена, указывал на присутствие многих татар в Минске. В ярлыке хана Менгли-Гирея великому князю Александру указывалось, что Токтамыш дал Киев и Смоленск Витовту. На самом деле эти города не принадлежали татарам, а были владениями Витовта, с которых литовцы платили упоминки татар [23, с. 88, 99–101; 9, с. 110–111, 115].

Украинская историческая традиция была сравнительно поздней. Составителям Киевской летописи XVII в. вообще неизвестно об этой войне, как и автору Краткой Волынской летописи. Неизвестно это событие и составителям Киевского Синописа. В Киевской летописи не сообщалось даже о походе Менгли-Гирея

на Киев в 1482 г. Не знал о походе Идегея на Киев даже Феодосий Софонович. Возможно, такая причина незнания о двух нападения татар на Киев в молчании Александра Гваньини, который был авторитетом для украинских хронистов. Вообще составители украинских летописей с большим недоверием относились к сведениям белорусско-литовских летописей. В Густынской летописи поход Идегея на Киев датирован 1416 г., в своем рассказе летописец следует за версией Мацея Стрыйковского, однако текст несколько отличается от того, что был у польского хрониста. Военачальником татар назван гетман Едика, который опустошил Русскую землю и Киев, сказано, что Печерский монастырь был сожжен и с землей сравнен, и с того времени Киев потерял свою красоту. Мацей Стрыйковский хронист повторяет в данных о том, что Киевский замок не был взят татарами [10, с. 133].

Важные данные относительно татарского похода были в хронике Продолжателя Иоханна Посильге. Под 1416 г. сообщено о войне татар с литовцами. Военачальник татар не назван, но сказано, что татары причинили большой урон землям Киева и окрестностям. Сказано, что король Польши как-то уладил дело с татарами так, что они оставили Киевщину и отступили в свою страну². Возможно Владислав-Йоглайла отправил на помощь литовским отрядам Киевщины свое войско. Не стоит недооценивать значение Городельской Унии 1413 г., которая была очередным шагом по интеграции Великого Княжества Литовского и Королевства Польского в одно государство. В случае чего, польский король мог оказать помощь своему двоюродному брату. Тогда становится понятной фраза Яна Длугоша о поляках. Владисав Ягайло во время войны с татарами мог отправить свои войска в Киевскую землю, и часть из них могла защищать Киевский замок [42, s. 366].

Нужно вспомнить и данные другого немца Мартина Груневега. Сказано, что во время осады Киева Едигеем (Идегеем), женщины бегали в замок и молились Богу. Благодаря их молитвам татары не смогли взять замок, хотя взяли город. Татары сожгли и уничтожили все вокруг. Хронист считал, что именно по-

² За перевод отрывка хроники Продолжателя Иоханна Посильге приношу благодарность Сергею Полехову. – *Я.П.*

ход Идегея стала причиной упадка Киева. Такая его позиция была обусловлена сведениями польских хроник. Что характерно для местных жителей, поход Идегея не был такой катастрофой, как это воспринимали поляки [23, с. 99]. Подводя итог освещению кампании 1416 г. нужно сказать, что было большое вторжение татар в Киевскую землю, Киев был взят и сожжен, однако сопротивление защитников Киевского замка не позволило Идегею праздновать триумф.

В конце правления князя Витовта у литовцев был ряд форпостов на Днепровском Правобережье. Это были города и крепости Караул, Черн, Дашов и Тавань [35, с. 68, прим. 37, 69, 70–71, прим. 44, 72; 44, s. 581–585]. В 1421 г. Гедигольд основал крепость Черный град напротив Аккермана, этим фактически было обозначена западная граница Великого Княжества Литовского. Интересно, что сооружению крепости старались помешать молдаване и генуэзцы, но никак не татары. В описании вояжа Жильбера де Ланноа к Витовту описано, что у великого князя в Каменце был какой-то мусульманин-татарин. В степях бургундского рыцаря хотели ограбить татары, но узнав одежды, подаренные ему Витовтом, татары вместо грабителей стали проводниками французского посла. На нижнем течении Днепра Жильбера де Ланноа гостеприимно встретили местные татары. Там же находились литовские форпосты. Михалон Литвин упоминал о Витовой бане вблизи Таванской переправы и о том, что литовцы брали мыта на обоих берегах Днепра, то есть и у Тавани тоже. М. Броневский упоминал о Витовтовом мосте. Сведения о Витовтовой Бане нашли отображения в Радзивиловой карте. В любом случае была отдана дань уважения деятельности Витовта в татарских землях. В землях татар Витовт приказал соорудить множество укреплений, а татары, вероятно, перешли в подданство к великому князю литовскому. В письме великому магистру Тевтонского Ордена Витовт сообщал, что при нем находится один из шести царей татар – Улуг-Мухаммед. Похоже, что Витовту удавалось найти взаимопонимание с татарами [13, с. 99–100; 36, с. 333–334; 21; 2, с. 205–210; 23, с. 101, 106; 25; 38, s. 203–204].

Относительно же родоначальника Глинских, то Б. Черкас считает, предоставление сыну Мамаю укрытия уже в 1380 г. повлекло за собой вторжение войск Токтамыша. Мансур-Кыят та-

ким образом получил земли на Киевщине уже от Владимира Ольгердовича [33, с. 168–169]. В хронике Абд аль-Гаффара Кырьми указано, что кыяты после смерти Мамаю ушли в районы Энгэл вэ Онгул, то есть в бассейны рек Ингула и Ингульца, которые находились под контролем Гедиминовичей [18, с. 193]. Предоставление Глинским владений вблизи Ворсклы произошло уже при Витовте-Александре. Вопрос, когда это произошло. Более вероятно, что земли были предоставлены Глинским уже в конце правления Витовта.

В ярлыке Менгли-Гирея Сигизмунду упоминалась тьма Яголтая. Этот Яголтай происходил из клана Сарай. С. Кучыньски считал вероятным происхождение Яголтая от бека Хусейна сына Сарая. Сарай же считался сыном Урусаха. Хусейн был приближенным Улуг-Мухаммеда. Польский исследователь предполагал, что около 1440 г. Яголтай получил обширный феод от литовцев. Мнение С. Кучыньски разделял Б. Шпулер. Б. Греков и А. Якубовский относили образование тьмы Яголдая к 1438 г. Ф. Петрунь считал, что синонимом тьмы Яголдая была Курская тьма. Он считал, что Яголтаевщина существовала уже в конце XIV в. С. Кричински считал родоначальником Яголтаев Яголтая, который упомянут в ярлыках венецианским купцами 1347 и 1358 г. Не исключен вариант с родством Яголтая с Сарайкой из окружения Мамаю. Но Е. Русиной считает, что это всего лишь гипотеза. В «Литовской Метрике» имя Яголтая упоминалось два раза в диапазоне между 1440 и 1486 гг. Последнее упоминание о Яголтае было связано с Романом Яголтаевичем. Патроним Яголтай, по мнению Е. Русиной, был родовым прозвищем. Потомками Яголтая была безымянная дочь Зиновия Яголтая и другой сын Яголтая Роман. Ф. Петрунь считал Яголтаевщину, как и Глинщину, татарским феодем на окраинах Великого Княжества Литовского. В состав Яголтаевщины входили Оскол, Мужеч, Милолюбль. Как единое владение Яголтаевщина прекратила существование в 1497 г. Вопрос о времени существования и дате основания Яголтаевщины как отдельного владения остается открытым. Неясно также, как образовался этот феод, и не предоставил ли его великий князь литовский татарскому аристократу. Во всяком случае, это было возможно при условии доминирования Великого кня-

жества Литовского над татарами, что было возможно не ранее 20-х и не позднее 60-х гг. XV вв. [22, с. 145–149; 29, с. 136–170].

В связи с вопросом относительно приобретений Витовта интересен вопрос содержания ярлыков крымских ханов. В ярлыке, данном Хаджи-Гиреем Великому Князю Литовскому, признаны права Казимира на земли Великого Княжества Литовского, а также на Новгород. Признавалось право великого князя на Киевскую землю до устья моря и Подолье. Крымский хан признавал также право литовцев владеть Ягалтаевой Тьмой в районе Курска. Однако очень важным для хана был вопрос с городами Дашевым и Черным городом. Да и привилегия молдавского господаря Штефана III Великого львовским купцам в грамоте от 3 июля 1460 г. указывает на необходимость платить в Аккермане татарское мыто. Это было возможно только в случае того, если бы земли, принадлежащие татарам, хотя бы де-юре находились около Днестра. В этом вопросе и была интрига. Де-факто в ярлыке Хаджи-Гирея были признаны завоевания литовцев на юге во времена Витовта. Но правовой статус степных владений на Днепровском Правобережье не был четко прописан, что позволяет предположить наличие литовско-татарского кондомината на земли Днепровско-Днестровского междуречья в степных районах.

Гражданская война в Великом Княжестве Литовском, Киевская земля и Саид-Ахмед, 1432–1439.

Александр Гваньини сообщал, что в 1432 г. Швитригайла нанял русских и татар, но новый великий князь литовский Сигизмунд Кейстутьевич разбил его. В Густынской летописи, в хрониках Яна Длугоша, Марцина Бельского и Мацея Стрыйковского сказано, что в 1433 г. Швитригайла нанял татар. Сообщалось, что татары, видя силу литовцев и поляков, не воевали против них, а возвращаясь через Киевскую и Черниговские земли, много местностей опустошили и многих забрали в плен. С 1433 г. в переписке между Швитригайла и великим магистром Тевтонского Ордена упоминается сын Токтамышша Саид-Ахмед (его литовцы и поляки ошибочно считали сыном Бек Суфи – Бетсабулы), который был верным союзником Швитригайла. Действия этого хана зафиксированы в переписке Швитригайла с великим магистром Тевтонского Ордена. В письме от 11 апреля 1434 г. Швитригайла сообщал великому магистру, что союзный ему Саид-Ахмед всту-

пил с войском в Киевскую землю. В документе от 24 февраля 1436 г. сообщалось, что татарский хан прибыл к нему на помощь и стоит у Киева. По сведениям одного из духовных лиц Тевтонского Ордена татарские отряды присутствовали в битве при Вилькомире в 1435 г. Об участии татар в этой битве сообщали Мацей Стрыйковский и Александр Гваньини. Поражение в битве при Вилькомире привело к потере Швитригайлом Полоцка, Витебска и Смоленска. Мацей Стрыйковский писал, что Сигизмунд взял и Киев. Александр Гваньини говорил о почти что всей Руси, покоренной Сигизмундом. Марцин Бельский также говорил о потере Швитригайлом почти всей Руси. Это, конечно же, большое преувеличение, поскольку весной 1436 г. Швитригайла был в Киеве. В апреле 1436 г. ливонский магистр сообщал великим магистрам Тевтонского Ордена, что войска Швитригайла вместе с татарами опустошили Подолье. Татарский хан, упомянутый в письме от 24 февраля 1436 г., это, конечно же, Саид-Ахмед. В сентябре 1437 г., по сведениям письма Швитригайла, киевский воевода Юрша совместно с пришедшими ему на помощь татарами разбил войско великого князя литовского Сигизмунда, посланное захватить Киев. В плен было захвачено 130 знатных пленников и 7 знамен. Возможно, Швитригайла существенно преувеличил свои успехи. Поляки же ничего не сообщали о поражении Сигизмунда, однако они могли стыдливо умолчать о последнем успехе Швитригайла. Ясно то, что войскам Сигизмунда не удалось взять Киев, как впрочем и Луцк на Волыни. Поляки не упоминали об опустошении Киева Менгли-Гиреем в 1482 г., что однако не свидетельствует, что его совсем не было [30, с. 176–178, 180–181; 8, с. 218–220, 223–224; 5, с. 334–336; 38, s. 531–532; 40, s. 625–626, 635–637, 645–646; 24, с. 682–683, 689; 10, с. 133–134; 9, 123].

Литовские паны, верные Швитригайлу, пропускали войска Саид-Ахмеда при походе на Молдавию, господарь которой был союзником Сигизмунда Кейстутевича. Быстрицкая летопись сообщала, что в 1438 г. княжество было атаковано татарами. 28 ноября татары разорили молдавские земли до Ботошан. В 1439 г. состоялся повторный поход татар. Они сожгли Васлуй и Бырлад. Н. Бабинскас датировал эти походы 1439 и 1440 гг. соответственно. Александр Гваньини считал, что в 1438 г. Саид-Ахмед разбил

на Подолье местное войско. По данным Яна Длугоша, в битве погибли Михал Бучацкий, Скарбек из Горы, Миколай Гиза, Ян Кола. Кроме малопольских панов в битве погиб и познанский епископ Чиолек. Марцин Бельский ограничился только описанием похода Шахмата (Саид-Ахмеда) на Подолье и кратким упоминанием победы татар над поляками, упоминал о гибели Михала Бучацкого [6, с. 25; 5, с. 141; 37, р. 9; 38, s. 549–550; 40, s. 644–645; 30, с. 180].

Олельковичи, Казимир IV и татары, 1440–1471. После смерти Сигизмунда в 1440 г. партии знати достигли консенсуса. Казимир стал великим князем литовским. Швитригайлу была оставлена Волянь, а также Гомель и Туров. В то же время Олельку Владимировичу было отдано Киевское княжение. Земли, которые долго поддерживали Швитригайла, получили своих князей. После гибели Владислава III в битве под Варной в 1444 г. Казимир стал и польским королем также. Он известен как Казимир IV Ягеллончик. С тех пор он начал проводить пропольскую политику, что вызвало недовольствие литовских панов. Нужно сказать, что Олельковичи, будучи заядлыми сторонниками Москвы, интриговали против великого князя и короля, кроме того они хотели укрепить свое положение, поскольку были князьями на службе у монарха. Власть в княжестве передавалась только с соглашения монарха, который в любой удобный момент мог забрать у них княжество [8, с. 237–243].

В 1449 г. Саид-Ахмед поддержал Михаила Сигизмундовича. Об этом событии упомянуто в нескольких хрониках. По данным Хроники Быховца, Михаил Сигизмундович владел Клецким княжеством. Когда его людей начали преследовать, он бежал в Брянск, из Брянска он попросил помощи у Москвы и покорил себе Брянск и Киев. Относительно рассказа о взятии Киева в Хронике Быховца, то в нем справедливо сомневался уже М. Грушевский, который указывал на ряд неточностей, как, например, с пожалованием Киева от Казимира IV Олельку (Александру Владимировичу) после Михаила Сигизмундовича. Документы говорят о предоставлении Киевского княжества Олельковичам уже в 1440 г. Также описание действий Михаила Сигизмундовича есть и в немецких документах и у Яна Длугоша. В польской хронике сказано, что с помощью татар Михаил Сигизмундович взял Ста-

родуб, Новгород-Северский и многие другие замки, что означает, что часть Чернигово-Северской земли перешла под его власть. Единственными татарами, которые могли помочь этому князю, были татары Саид-Ахмеда. Очевидно, что при занятии этих городов не обошлось без помощи русинов. В немецких документах от 1449 г. указано о занятии Михаилом Сигизмундовичем Северной земли. Казимир IV сообщал в письме великому магистру Тевтонского Ордена от 26 августа 1449 г., что он разбил своих неприятелей. На помощь Казимиру IV пришел посланный московским князем Василием Темным татарский царевич, который был сыном Улуг-Мухаммеда. Такая помощь от московского князя была продиктована тем, что Саид-Ахмед также угрожал и московским владениям. Ян Длугош, сообщал, что Казимир IV собрал значительные силы и выбил сторонников Михаила Сигизмундовича и его сторонников из занятых ими местностей. Киев в рассказе Яна Длугоша не упоминается. Под 1448 г. Александр Гваньини сообщал о том, что при помощи татар Михаил Сигизмундович взял Стародуб и Новгород-Северский. Мацей Стрыйковский сообщал о взятии Михаилом Сигизмундовичем при помощи татар городов Стародуба, Новгород-Северского, Путивля, Серпеска, Брянска и ряда других литовских замков на пограничье с Москвой. Михаил Сигизмундович победил наспех собранные местные литовские отряды, но когда против него выступил великий князь и король Казимир IV, то Саид-Ахмед не сумел выстоять против него. По сведениям Мацея Стрыйковского и Марцина Кромера, все города и замки были вернуты Литве и в этом отношении они повторяют данные Яна Длугоша. Таким образом, взятие Киева в 1449 г. Михаилом Сигизмундовичем является историческим фантомом, порожденным Хроникой Быховца [8, с. 246; 39, s. 56–57; 5, с. 338; 24, с. 724–725].

Саид-Ахмеду не было нужды портить отношения с Олельковичами, которые много раз пропускали его войска через степи и лестоги Правобережной Украины для похода на земли Подолья и Галичины, которые находились под властью Казимира IV с 1444 г. Саид-Ахмед был врагом Казимира, а не Олельковичей. В 1448 г. его войска совершили нападение на Подолье. В 1450 г., воспользовавшись войной поляков с молдаванами, татары Саид-Ахмеда вторглись в Подолье и Галичину. Их войска дошли до Городка в

Галичине и замка Олесько в Белзкой земле. В 1452 г. перед днем Иоанна Крестителя татары напали на Подолье. Они разорили много местностей края и взяли замок Ров. Составитель Гусынской летописи, сообщал, что в 1452 г. татары сожгли город Бар, опустошили Подолье и Галичину до Львова. Во время похода было захвачено много пленных. Литовские паны планировали свергнуть Казимира и поставить на его место Мартина Гаштольда. Мартин Гаштольд и Ян Монивидович отправили к Саид-Ахмеду посольство Радзивила с дарами [28, с. 54–55; 30, с. 186–187; 39, с. 56–57, 72–73, 91–92, 104, 109–110; 5, с. 147; 10, с. 136; 24, с. 729–730, 734].

По сведениям Абд аль-Гаффара Кырыми, Саид-Ахмед кочевал около московской крепости Киев и был разбит неверными. Поскольку улус «Семеновых людей» отошел к Олельковичам, то логично заключить, что именно киевский князь и одолел татар Сайид-Ахмеда. При этом нужно отметить, что этот улус был передан Олельковичам Хаджи-Гиреем. Кроме того нужно отметить указание на конфликт с татарами в Псковской Третьей летописи. Сказано, что князь Семен успешно защищал свои земли от превосходивших его силой соседних татарских правителей. Понятное дело, что одним из таких правителей был Саид-Ахмед. Также нужно иметь в виду и сообщение Амброджио Контарини, где сказано, что торговые караваны, шедшие по Днепру, стали жертвами татар. Киевский князь на Нижнем Днепре должен был гарантировать безопасность торговцев. Вероятно, крымские татары нападали на караваны. Казимиру IV в далеком Кракове явно было не до причерноморских дел. Ими должны были заниматься Олельковичи. Учитывая, что после смерти Хаджи-Гирея в Крымском ханстве была борьба за власть, то купцов в 60–70-х гг. XV в. должны были грабить люди Нур-Девлета, а потом и Менгли-Гирея³. Кроме того успехи Семена Олельковича в общих фразах отмечал и Ян Длугош. Сообщая о смерти князя Семена, польский хронист говорил, что киевский князь подарил Казимиру IV коня и лук, с которыми он успешно воевал против татар [35, с. 57–73; 23, с. 129, 151; 39, с. 514–515].

³ За предоставление перевода отрывка хроники Абд аль-Гаффара Кырыми о Сайид Ахмеде хочу выразить благодарность Ильясу Мустакимову. – *Я.П.*

Принимая во внимание тенденциозность подачи материалов Яном Длугошем по отношению к литовцам, то, скорее всего, Саид-Ахмеда одолел именно литовский князь, а не будущий крымский хан, поскольку в хронике Абд аль-Гаффара ал-Кырыми указано, что не Хаджи-Гирей, а именно «неверные» разбили Саид-Ахмеда. В общем, события представляются таким образом, что объединенное Польско-Литовское государство было готово к отражению нападения Саид-Ахмеда. Хаджи-Гирей участвовал в событиях, но его роль не была значительной. Куда большую роль должны были играть отряды киевских князей Олельковичей, которые, как и Хаджи-Гирей, воспользовались победой над ордой Саид-Ахмеда и присоединили к Литве ряд татарских владений [39, s. 109–111]. В 1452 г., по версии Яна Длугоша, Хаджи-Гирей неожиданно напал на улус Саид-Ахмеда. Сам же Саид-Ахмед спасался бегством к Киеву, где его арестовали его и отправили к Казимиру IV. После этого Саид-Ахмед находился под домашним арестом в Каунасе. Версию Яна Длугоша потом приняли Александр Гваньини и Мацей Меховский [39, s. 110–111; 28, с. 55; 30, с. 188–191; 5, с. 147; 17, с. 91].

Киевское княжество обращало свои взоры на юг. К ним перешло большинство прежних владений Кориатовичей. Это была территория Брацлавщины. Также к ним перешли крепости Маяк, Черн, Дашев, Балаклея. Сосед Олельковичей молдавский господарь Штефан III называл Семена Олельковича киевским царем. Это отмечено во многих славяно-молдавских летописях [23, с. 128–129; 6]. Во второй четверти XV в. с Киевским княжеством взаимодействовала не единая Золотая Орда, а отдельные тюрко-татарские ханства. С Большой Ордой за звание правопреемника Золотой Орды боролось Крымское ханство, которое образовалось на месте крымского улуса. Они попытались сыграть значительную роль в политике Восточной Европы середины XV в. После крушения Орды Саид-Ахмеда к Олельковичам перешел улус «Семеновых людей» на Днепровском Левобережье в районе между Днепром, Орелей и Конкой. Киевское княжество нависало над территориями кочевания крымских татар. Пребывавший в сложной геополитической ситуации Хаджи-Гирей был просто вынужден мириться с тем, что часть Орды Саид-Ахмеда стала принадлежать Олельковичам. Территории «Семеновых Людей»

издавна были районом, где находились ставки татарских ханов (ставка Мамаю и ставка Саид-Ахмеда, возможно и ставка Улу-Мухаммеда в 20–30-х гг. XV вв.) [35, с. 57–73; 28, с. 45, 55; 14, с. 108–119; 15, с. 27–34].

Хаджи-Гирей в меру своих сил интриговал против Олельковичей. Хан обещал Казимиру IV никогда не нападать на Подолье. Он обращал внимание польско-литовского короля на то, что литовцы агитировали его это сделать. Так или иначе, литовские паны видели теперь уже в крымском хане своего природного союзника против Польши. Литовскими панами, которые хотели свергнуть Казимира IV, могли быть Олельковичи. Кроме того, он имел зуб на литовцев уже в 50-х гг. XVI в. Сын Хаджи-Гирея Айдер, в 1456 г. сделавший попытку узурпировать престол, бежал к литовцам. Реализовать претензии хана на земли «Семеновых людей» и степное Днепровское Правобережье мешало противостояние Крымского ханства с Тахт Эли – Большой Ордой в 1465 г., а также смута в самом Крыму после смерти Хаджи-Гирея [8, с. 319, 326–327; 30, с. 189–192; 4, с. 47–50; 10, с. 137; 39, с. 310, 397–399].

Вопрос со степной частью Днепровского Правобережья и Улусом Семеновых людей был очень важен для Хаджи-Гирея и его потомков. В крымской версии событий Хаджи-Гирей пожаловал Семена улусом «Семеновых людей» между Орелью, Днепром и Конскими водами. Еще в 1480 г. Менгли-Гирей требовал возвращение улуса «Семеновых людей», в посольских документах он дословно желал выдачи людей, данных Семену Олельковичу его отцом (Хаджи-Гиреем). Казимир IV был не из тех, кто уступал шантажу. Казимир в дипломатическом документе в «Литовской Метрике» под 1486 г. уклончиво ответил. Он признавал факт того, что Хаджи-Гирей дал земли Семену, однако напоминал, что в отличие от Менгли-Гирея, Хаджи-Гирей был в мире с ним и о «Семеновых людях» не напоминал. А когда отношения Великого Княжества Литовского с крымскими татарами накалились при правлении князя Александра, то великий князь литовский писал, что чужим не владеет, а что есть его отчиной, так тем и владеет, а о пожаловании Семена Хаджи-Гирею слыхом не слыхивал. Менгли-Гирей в 1507 г. требовал дани с Сигизмунда I Старого за земли, которыми жаловал Казимира Хаджи-Гирей. Устье Днепра, которое к тому времени уже не принадле-

жало литовцам, тоже было включено в состав этих земель. Граница владений Олельковичей была четко установлена черкасским наместником Семена Олельковича Свиридовым. Эти данные сохранились в Литовской Метрике. В документе так обозначены границы: «от реки Мурафа до Днестра, по Днестру через Тягиню до устья Днестра, потом берегом моря и лиманами через Очаков до устья Днепра. В районе Тавани перевозы общие у литовцев и крымцами. Далее по Днепру по той (татарской стороне Днепра) до Овечьей Воды, вверх по течению Овечьей воды до реки Самары, от реки Самары до Ория (Орели), от Ория до Донца (Северского Донца), а от Донца до Тихой Сосны». Нужно сказать, что Мурафа и Днестр стали границей владений Олельковичей после пожалования Семену земель Брацлавского воеводства. В общем, в руки литовцев попало много татарских земель, нависающих над крымскими татарами как дамоклов меч. Свиридов зорко следил за границей Киевского княжества с крымцами и молдаванами. Семен Олелькович и Олелько Владимирович построили государство в государстве. Оно превышало размерами многие страны. В состав Киевского княжества входили и Путивль, и Курск с Яголтаевой тьмою. До поглощения улуса «Семеновых людей» Олельковичами, границы княжества проходили по Ворскле и в районе Тихой Сосны [35, с. 58–59, 63–65, 68–73].

Киев занимал важное место в политике Крымского ханства даже после того, как было упразднено Киевское княжество. Менгли-Гирей предложил Михаилу Глинскому стать вассалом, за что тот стал бы князем. Он обязывался защищать Глинского против короля. По сведениям Мацея Стрыйковского, Михаил Глинский обещал киевлянам восстановление Киевского княжества и отделение земель русинов от Великого Княжества Литовского. Однако, за исключением нескольких городов, Глинский не получил поддержки в Киевской земле. Его связи с русскими компроментировали его перед киевлянами [23, с. 135]. Отношения Великого Княжества с Крымским ханством были очень непростыми. Несколькими десятилетиями ранее Казимир делал попытку давить на Крым через Молдавию. В письме Менгли-Гирея османскому султану Байазиду II крымский хан сообщал, что он требовал в ультимативной форме расторжения союза короля (великого князя литовского и короля польского Казимира IV) с молдавским господарем (Ште-

фаном III Великим). Этот ультиматум был высказан в 1476 г. Литовцы не шли навстречу Крыму. В 1486 г. в Крым прибыло посольство от литовцев во главе с Яном Довойничем и Якубом Довоткановичем. Послы поинтересовались у хана не слишком ли он мало себя ценит, став слугой при турецком султানে. Хан арестовал их и они были выпущены, только после того как король и великий князь Казимир установил контакты с турецким султаном [7]. Менгли-Гирей помог туркам в войне против молдаван. Хурреми Челеби говорил, что когда турки брали Килию и Аккерман, то тогда крымский хан прислал им на помощь 50 тыс. воинов и громил поселения молдаван на Днестре около Ялы-Агасы. Сказано также, что Менгли-Гирей громил поселения польского правителя (это или Казимир IV или его сын Александр) после Тахт-Элийской войны (дата не совсем ясна, может быть 1480–1481 гг. или 1500–1502 гг.). Сказано, что до Менгли-Гирея татары платили полякам дань, однако это не соответствует истине, скорее речь идет о некоторой зависимости Хаджи-Гирея и прежних правителей крымского улуса от воли великих князей литовских [19]. Польский король – это великий князь литовский и король польский Александр. Анонимный турецкий историк, видимо, имел в виду вторжения крымских татар в Великое Княжество Литовское в 1502–1506 гг. Похожие сведения были и у Халим-Гирея. Идентичны данные и в отношении размера войска, посланного на помощь туркам в Молдавию, однако, сказано, что татары взяли Балту, Тумбасар и Кавшан (Кишинев) [31].

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать ряд выводов. Политика Владимира Ольгердовича по отношению к Мамаю и его наследникам была исключительно дружелюбной. Киевское княжество и Мамаева Орда были союзниками. Поход Токтамыша на Киевское княжество был обусловлен тем, что Владимир Ольгердович предоставил убежище сыну Мамаю Мансуру и укрыл у себя его людей. Оседание Глинских на Руси можно начинать еще со времени правления этого киевского князя. Политика великого князя литовского Витовта по отношению к соседним татарам была агрессивной – к Киевскому наместничеству были присоединены Улус Манкерман (бывшая Переяславщина) и степная часть днепровского побережья. Киевская земля в 1399 г. подверглась опустошению со стороны татар Идегея, однако сам

Киев не пострадал. В 1416 г. была опустошена и Киевская земля, и Киев. Степные войны с Идегеем Витовт вел силами Токтамышевичей, которые, возможно, по традиции, заведенной еще Токтамышем, жили между Каневом и Киевом. В 20-х гг. XV в. можно говорить о включении в состав владений Витовта не только Улуса Манкерман, но и владений татар около Ворсклы и Курска. Эти земли получили Глинские и Яголдай Сараевич соответственно. В 1449 г. Михаил Сигизмундович не брал Киев, это исторический фантом. Реально он занял на короткое время только часть Чернигово-Северской земли. Степные пространства Днепровского Правобережья при правлении в степи Улу-Мухаммеда, Сайид-Ахмеда и части правления Хаджи-Гирея были литовско-татарским кондоминатом. Обострение в отношениях произошло после того, как Олелько Владимирович и Семен Олелькович заняли ордынский улус «Семеновых Людей» в 50-х гг. XV в. и приняли прямое участие в разгроме орды Саид-Ахмеда. Киевские князья закрепили свою власть над территориями степного Днепровского Правобережья и на территории между Орелью, Днепром и Конкой. Олелько и Семен юридически признавали сюзеренитет Хаджи-Гирея над степными землями между Днепром и Днестром, но де-факто владели этими землями. Княжеская династия Олельковичей вела активную татарскую политику и укрепляла границы своих владений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белорусско-литовские летописи // Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1980. Т. 35. 313 с.
2. Беспалов Р. Битва коалиции феодалов Верхнего Поочья с ханом Куйдадатом в 1424 г. // Верхнее Подонье: Археология. История. Тула: Гос. Музей-заповедник Куликово поле, 2009. Вып. 4. С. 205–210.
3. Білецька О. Поділля на зламі XIV–XV ст.: до витоків формування історичної області. Одеса: Астропринт, 2004. 416 с.
4. Гайворонский О. Повелители двух материков. Том. 1: Крымские ханы XV–XVI столетий и борьба за наследие Великой Орды. К.-Бахчисарай: Майстерня кныгы – Бахчисарайский историко-культурный заповедник, 2010. 400 с.
5. Гваньїні Олександр. Хроніка Європейської Сарматії. К.: Вид. дім Києво-Могилянська Академія, 2009. 1008 с.

6. Грекул Ф.А. Славяно-Молдавские летописи XV–XVI вв. М.: Наука, 1976. 151 с.
7. Григорьев А.П. Письмо Менгли-Гирея Байазиду II // Востоковедение: филологические исследования Ленинград: Издание ЛГУ, 1987. Вып. 13. (Ученые записки ЛГУ. № 419. Серия востоковедческих наук. Вып. 29). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XV/Mengli_Girej/Brief_Bayazid_II_1486.phtml?id=12752
8. Грушевський М.С. Історія України-Руси. К.: Наукова думка, 1993. Т. 4. 544 с.
9. Гулевич В.П. Северное Причерноморье в 1400–1442 гг. и возникновение крымского ханства // Золотоордынское обозрение. Казань, 2013. Вып. 1. С. 110–146.
10. Густынская летопись // Полное собрание русских летописей. М.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 40. 202 с.
11. Заплотинський Г. Емір Едігей: основні віхи державницької політики // Український історичний збірник. К.: Інститут історії України, 2005. Вип. 8. С. 33–53.
12. Клепатский П.Г. Очерки по истории земли Киевской: Литовский период. Біла Церква: Вид. О.В. Пшонківський, 2007. 480 с.
13. Литвин Михалон. О нравах татар, литовцев и москвитян. М.: Издательство МГУ, 1994. 151, [3] с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus/Litvin/frameset4.htm>
14. Мавріна О.С. Від улусу Золотої Орди до Кримського ханства: особливості політичної еволюції // Сходознавство. К.: Інститут сходознавства ім. А.Ю. Кримського НАН України, 2006. № 33–34. С. 108–119.
15. Мавріна О. Кримське ханство як спадкоємець Золотої Орди // Україна-Монголія: 800 років у контексті історії. К.: Національна бібліотека України імені В. І. Вернадського НАН України, 2008. С. 27–34.
16. Мавріна О.С. Протистояння Тимура і Тохтамиша та зміна політичної ситуації на півдні Східної Європи наприкінці XIV ст. // Сходознавство. К.: Інститут сходознавства ім. А.Ю. Кримського НАН України, 2006. № 35–36. С. 66–76.
17. Меховский Матвей. Трактат о двух Сарматиях // Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. Сокровенное Сказание монголов. Рязань: Александрия, 2009. С. 1–274.
18. Миргалеев И.М. «Чёрный человек» Мамай // Мамай. Опыт историографической антологии. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. С. 183–197.
19. Негри А. Извлечение из турецкой рукописи Общества, содержащей историю крымских ханов // Записки Одесского Общества Исто-

рии и Древностей. Одесса: Городская типография, 1844. Т. 1. С. 379–392. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XV/Tur_ruk_obsch/text.phtml?id=5430

20. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 640 с.

21. Путешествия Гильбера де-Ланноа в восточные земли Европы в 1413–1414 и 1421 годах. Путешествие Гильбера де Ланноа в 1421 году. // Киевские университетские известия. Киев: Университетская типография, 1873, № 8, отд.2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus13/Lannoa/text2.phtml?id=1822>

22. Русина Е. Яголдай, Яголдаевичи, Яголдаева Тьма // Славяне и их соседи. М.: Наука, 2001. Вып. 10. С. 144–152.

23. Русина О.В. Україна під татарами і Литвою. К.: Видавничий дім Альтернативи, 1998. 320 с.

24. Стрийковський Мацей. Літопис польський, литовський, жмудський і всієї Руси. Львів: Наукове товариство ім. Т. Шевченка у Львові, 2011. XII, 1084 с.

25. Султанов Т.И. Письмо золотоордынского хана Улуг-Мухаммеда турецкому султану Мураду II // Тюркологический сборник, 1973. М.: Восточная литература, 1975. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Zolotoord/XV/1420-1440/Ulug_Muchammed/brief_Murad_II_14_03_1428.phtml?id=3429

26. Супруненко О.Б., Приймак В.В., Мироненко К.М. Старожитності золотоординського часу Дніпровського лісостепового Лівобережжя. К.-Полтава: Археологія, 2004. 82 с.

27. Торнский анналист / Перевод с лат. и комм. И. Дьяконов. Электронная версия 2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ann_Thorun/frametext.htm

28. Трепавлов В.В. Большая Орда. – Тахт эли. Очерк истории. Тула: Граф и К., 2010. 112 с.

29. Трепавлов В.В. Предки Мамай-царя. Киятские беки в «Подлинном родослове князей Глинских» // Мамай. Опыт историографической антологии. Казань: Фэн, 2010. С. 136–170.

30. Флоря Б.Н. Орда и государства Восточной Европы в середине XV века // Славяне и их соседи. М.: Наука, 2001. Вып. 10. С. 172–196.

31. Халим Гирай Султан. Розовый куст ханов или история Крыма. Симферополь: Доля, 2004. 288 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XV/Rozovyj_kust_chanov/2.phtml?id=12922

32. *Черкас Б.* Степовий щит Литви. Українське військо Геди́миновичів (XIV–XVI ст.): науково-популярне видання. К.: Темпора, 2011. 144 с.

33. *Черкас Б.В.* Поход Токтамыша на Великое Княжество Литовское // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Материалы Круглого стола, проведенного в рамках Международного Золотоордынского Форума. Казань, 29–30 марта 2011 г. Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 167–169.

34. *Шабульдо Ф.М.* Витовт и Тимур: противники или стратегические партнеры // *Lietuva ir jos kaimynai. Nuo normanu iki Napoleono.* Вильнюс: Вага, 2001. С. 95–106

35. *Шабульдо Ф.М.* Семеновы люди: их территории и роль в политических отношениях между Крымом и Литвой на исходе XV века // *Ruthenica.* К.: Институт історії України. 2010. № 9. С. 57–73.

36. *Шершеневич И.Г.* Описание Крыма (Tartariae Descriptio) Мартина Броневского // Записки Одесского Общества истории и древностей. Одесса, 1867. Т. 6. С. 333–367. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XVI/Bronevskij/frameset.htm>

37. *Babinskas N.* Политические отношения Великого Княжества Литовского (ВКЛ) и Молдовы в 1430–1447 гг. // *Revista de Istorie a Moldovei.* Chisineu: Institutul de Istorie, 2008. № 3. Iulie-septembrie. P. 3–15.

38. *Długosz J.* *Dziejów Polskich ksiąg dwanaście* / Przekład K. Mecherzyńskiego. Kraków: W drukarni «Czasu» W. Kirchmayera, 1869. Т. 4. Кs. XI, XII. 8, 668, XXIII s. Available at: <http://www.polona.pl/dlibra/doccontent?id=895&dirids=15>

39. *Długosz J.* *Dziejów Polskich ksiąg dwanaście* / Przekład K. Mecherzyńskiego. Kraków: W drukarni «Czasu» W. Kirchmayera, 1870. Т. 5. Кs. XII. 418 s. Available at: <http://www.polona.pl/dlibra/doccontent?id=897&dirids=15>

40. *Kronika Polska Marcina Bielskiego.* Sanok: Nakład i druk Karola Polaka, 1856. Т. 1. Ksiegi I–III. XI, 699 s.

41. *Kronika Polska Marcina Kromera biskupa Warmińskiego Ksieg XXX.* Sanok: nakł. i druk Karola Pollaka, 1857. 716 s.

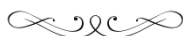
42. *Scriptores Rerum Prussicarum: Die Geschichtquellen der Preussischer Vorzeit bis zum Untergange der Ordensherrschaft.* Ed. T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Leipzig, 1866. Band. 3. VI, 730 s. Available at: http://books.google.de/books?id=-4AOAAAAYAAJ&printsec=frontcover&hl=de&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false

43. *Wapowski B.* *Dzieje Korony Polskiej i Wielkiego Księstwa Litewskiego od roku 1380 do 1535.* Wilno: Księgarza i Typografa Szkół

Białoruskiego Naukowego Okręgu, 1847. T. 1. 494 s. Available at: http://www.pbi.edu.pl/book_reader.php?p=43498

44. *Żdan M.* Stosunki litewsko-tatarskie za czasow Witolda, w. Ks. Litwy // *Ateneum Wilenskie. Czasopismo naukowe poświęcone badaniom przeszłości ziem Wielkiego X. Litewskiego.* Wilno, 1930. Rocznik VII. Zeszyt 3–4, s. 529–601.

Сведения об авторе: Ярослав Валентинович Пилипчук – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Отдела Евразийской степи Института востоковедения им. А.Е. Крымского НАН Украины (01001, ул. Грушевского, 4, Киев, Украина); bachman@meta.ua



Tatars and Kyivan region (1362–1471)

Yaroslav Pilipchuk

(A.E. Krymsky Institute of Oriental Studies of NAS of Ukraine)

Abstract. This study deals with relationships of Kyivan region's rulers with Tatars in 1362–1471. Vladimir Olgerdovich was an ally of Mamay and even gave shelter to his son Mansur. Olelkovich, before 1452 was an ally of Said-Akhmed, but in 1452, together with Haji-Ghiray, took part in the defeat of Khanate of Said-Akhmed. The region was known as ulus of the «Peoples of Semyon», it was formally subordinate to Olelkoviches and Ghirays. Joining of «Peoples of Semyon`s» ulus to Kyiv principality was the cause of territorial disputes between the Crimean Khanate and the Kyivan Principality. Aggressive policy of Olelkovich (Kyivan Prince) has led to conflicts with Tatars.

Keywords: Kyiv region, Tatars, Said-Akhmed, Haji-Ghiray, ulus of «Peoples of Semyon», Olelkoviches, Crimean Khanate.

REFERENCES

1. Belorussko-litovskie letopisi [Byelorussian-Lithuanian Chronicles]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Full Collection of Russian Chronicles]. Moscow, Nauka, 1980. Vol. 35. 313 p.

2. Bepalov R. Bitva koalitsii feodalov Verkhnego Pooch'ya s khanom Kuydadatom v 1424 g. [War of coalition of princes of Upper Oka region against Khudaydat-khan in 1424]. *Verkhnee Podon'e: Arkheologiya. Istoriya* [Upper Don region: Archaeology. History: Collected articles]. Tula, Gosudarstvennyy Muzey-zapovednik Kulikovo pole Publ., 2009, issue 4, pp. 205–210.
3. Bilets'ka O. *Podillya na zlami XIV–XV st.: do vitokiv formuvannya istorichnoi oblasti* [Podillya at the crossroads of the XIV–XV centuries: to the sources of historical region's formation]. Odessa, Astroprint Publ., 2004. 416 p.
4. Gayvoronskiy O. *Poveliteli dvukh materikov. Tom 1: Krymskie khany XV–XVI stoletiy i bor'ba za nasledie Velikoy Ordy* [Rulers of two continents. Vol. 1: Crimean khans of XV–XVI centuries and struggle for legacy of Great Horde]. Kiev-Bakhchisaray, Maysternya knygy – Bakhchisarayskiy istoriko-kul'turnyy zapovednik Publ., 2010. 400 p.
5. Gvan'ini Oleksandr. *Khronika Evropeys'koï Sarmatii* [Chronicle of European Sarmatia]. Kiev, Vidavnictvo dim Kievo-Mogilyans'ka Akademiya Publ., 2009. 1008 p.
6. Grekul F.A. *Slavyano-Moldavskie letopisi XV–XVI vv.* [Slavonic-Moldavian Chronicles of XV–XVI centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 151 p.
7. Grigor'ev A.P. Pis'mo Mengli-Gireya Bayazidu II [A letter from Mengli-Ghiray to Bayazid II]. *Vostokovedenie: filologicheskie issledovaniya. Issue 13* [Oriental studies: Philologia Studies. Vol. 13]. Leningrad, L. St. Univ. Publ., 1987. (Uchenye zapiski LGU, no. 419. Seriya vostokovedcheskikh nauk. Issue 29). Available at: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XV/Mengli_Girej/Brief_Bayazid_II_1486.phtml?id=12752
8. Grushevs'kiy M.S. *Istoriya Ukraïni-Rusi* [History of Ukraine-Rus]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1993. Vol. 4. 544 p.
9. Gulevich V.P. Severnoe Prichernomor'e v 1400–1442 gg. i vznikovenie krymskogo khanstva [North Black Sea littoral in 1400–1422 and beginning of the Crimean Khanate]. *Zolotoordynskoe obozrenie – Golden Horde Review*. Kazan, 2013, no. 1, pp. 110–146.
10. Gustynskaya letopis' [Chronicle of Gustyn]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Full Collection of Russian Chronicles]. Moscow, Dmitriy Bulanin Publ., 2003. Vol. 40. 202 p.
11. Zaplotins'kiy G. Emir Edegey: osnovni vikhi derzhavnits'koï politiki [Emir Edegey: main milestones of state politics]. *Ukraïns'kiy istorichniy zbirnik* [Ukrainian Historical Collection]. Kiev, Institute of History of Ukraine Publ., 2005, issue 8, pp. 33–53.

12. Klepatskiy P.G. *Ocherki po istorii zemli Kievskoy: Litovskiy period* [Essays on history of Kyiv region: Lithuanian period]. Bila Tserkva, Vidavnistvo O.V. Pshonkiv's'kiy Publ., 2007. 480 p.

13. Litvin Mikhailon. *O nrvakh tatar, litovtsev i moskvityan* [About morals of Tatars, Lithuanians, and Muscovites]. Moscow, Moscow St. Univ. Publ., 1994. 151, [3] p. Available at: <http://www.vostlit.info/Texts/rus/Litvin/frametext4.htm>

14. Mavrina O.S. Vid ulusu Zolotoï Ordi do Krims'kogo khanstva: osoblivosti politichnoï evolyutsii [From ulus of Golden Horde to Crimean Khanate: political evolution]. *Skhodoznavstvo* [Oriental Studies]. Kiev, A.Yu. Krymsky Institute of Oriental Studies National Academy of Sciences of Ukraine Publ., 2006, no. 33–34, pp. 108–119.

15. Mavrina O. Krims'ke khanstvo yak spadkoemets' Zolotoï Ordi [Crimean Khanate as the successor of the Golden Horde]. *Ukraïna-Mongoliya: 800 rokiv u konteksti istorii* [Ukraine-Mongolia: 800 years in context of history]. Kiev, Vernadsky National Library of Ukraine Publ., 2008, pp. 27–34.

16. Mavrina O.S. Protistoyannya Timura i Tokhtamisha ta zmina politichnoï situatsii na pivdni Skhidnoï Evropi naprikintsi XIV st. [Confrontation between Timur and Tokhtamish and changes in political situation on south of Eastern Europe in the end of the XIV century]. *Skhodoznavstvo* [Oriental Studies]. Kiev, A.Yu. Krymsky Institute of Oriental Studies National Academy of Sciences of Ukraine Publ., 2006, no. 35–36, pp. 66–76.

17. Mekhovskiy Matvey. Traktat o dvukh Sarmatiyakh [Opus about two Sarmatia's]. *Matvey Mekhovskiy. Traktat o dvukh Sarmatiyakh. Sokrovennoe Skazanie mongolov* [Mathiew from Miechov. Treatise about two Sarmatia's. The Secret legend of Mongols]. Ryazan, Aleksandriya Publ., 2009, pp. 1–274.

18. Mirgaleev I.M. «Chernyy chelovek» Mamay [«Black man» Mamay]. *Mamay. Opyt istoriograficheskoy antologii* [Mamay: experience of historiographical anthology]. Kazan, «Fen» Publ., 2010, pp. 183–197.

19. Negri A. Izvlechenie iz turetskoy rukopisi Obshchestva, soderzhashchey istoriyu krymskikh khanov [Extract from Turkic manuscript of the Society, which contains the History of the Crimean Khans]. *Zapiski Odesskogo Obshchestva Istorii i Drevnostey* [Notes of the Society of History and Antiquities in Odessa]. Odessa, Gorodskaya tipografiya Publ., 1844, vol. 1, pp. 379–392. Available at: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XV/Tur_ruk_obsch/text.phtml?id=5430

20. Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov [The First Novgorodian chronicle. Earlier and later redactions]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1950. 640 p.

21. Puteshestviya Gil'bera de-Lannoa v vostochnye zemli Evropy v 1413–1414 i 1421 godakh. Puteshestvie Gil'bera de Lannoa v 1421 godu [The travels of Gilber de-Lannoa in Eastern Europe. Travels of Gilber de Lannoa in 1421]. *Kievskie universitetskie izvestiya* [Collected articles of Kyiv University]. Kiev, Univ. Publ., 1873, no. 8, otdelenie 2. Available at: <http://www.vostlit.info/Texts/rus13/Lannoa/text2.phtml?id=1822>
22. Rusina E. Yagolday, Yagoldaevichi, Yagoldaeva T'ma [Yagolday. Yagoldaida, Tumen of Yagolday]. *Slavyane i ikh sosedi* [Slavs and their neighbors]. Moscow, Nauka Publ., 2001, issue 10, pp. 144–152.
23. Rusina O.V. *Ukraina pid tatarami i Litvoyu* [Ukraine under Tatarian and Lithuanian rule]. Kiev, Vidavnichiy dim Al'ternativi Publ., 1998. 320 p.
24. Striykovs'kiy Matsey. *Litopis pol's'kiy, litovs'kiy, zhmuds'kiy i vsiei Rusi* [Chronicle of Poland, Lithuania, Samogitia and all Russia]. Lviv, Naukove tovaristvo imeni T. Shevchenka u L'vovi Publ., 2011. XII, 1084 p.
25. Sultanov T.I. Pis'mo zolotoordynskogo khana Ulug-Mukhammeda turetskomu sultanu Muradu II [Letter from khan of Golden Horde Ulug-Mukhammed to Turcic sultan Murad II]. *Tyurkologicheskiy sbornik, 1973* [Turkologic collection, 1973]. Moscow, Vostochnaya literature Publ., 1975. Available at: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Zolotoord/XV/1420-1440/Ulug_Muchammed/brief_Murad_II_14_03_1428.phtml?id=3429
26. Suprunenko O.B., Priymak V.V., Mironenko K.M. *Starozhitnosti zolotoordins'kogo chasu Dniprovskogo lisostepovogo Livoberezhzhyia* [Antiquities of Dnieper's Left Bank forest-steppe region in times of Golden Horde]. Kiev-Poltava, Arkheologiya Publ., 2004. 82 p.
27. Tornskiy annalist [Annales of Thorun]. Perevod s latinskogo i kommentarii I. D'yakonov. Available at: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ann_Thorun/frametext.htm
28. Trepavlov V.V. *Bol'shaya Orda. – Takht eli. Ocherk istorii* [Great Horde – Takht Eli. Essays on History]. Tula, Graf i K Publ., 2010. 112 p.
29. Trepavlov V.V. The ancestors of Mamay-tsar. Kiyatskie beki v «Podlinnom rodoslove knyazey Glinskikh» [Kyyat beks in True Genealogy of Glinskie princes]. *Mamay. Opyt istoriograficheskoy antologii* [Mamay: experience of historiographical anthology]. Kazan, Fen Publ., 2010, pp. 136–170.
30. Florya B.N. Orda i gosudarstva Vostochnoy Evropy v seredine XV veka [Golden Horde and states of Eastern Europe in mid of XV century]. *Slavyane i ikh sosedi* [Slavs and their neighbours]. Moscow, Nauka Publ., 2001, no. 10, pp. 172–196.
31. Khalim Giray Sultan. *Rozovyy kust khanov ili istoriya Kryma* [Rosebush of khans or History of the Crimea]. Simferopol, Dolya Publ.,

2004. 288 p. Available at: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XV/Rozovyj_kust_chanov/2.phtml?id=12922

32. Cherkas B. *Stepoviy shchit Litvi. Ukraïns'ke viys'ko Gediminovichiv (XIV–XVI st.)* [Steppe shield of Lithuania. Ukrainian army of Gediminoviches]. Kiev, Tempora Publ., 2011. 144 p.

33. Cherkas B.V. *Pokhod Toktamyscha na Velikoe Knyazhestvo Litovskoe [Campaign of Toktamish againsts Kyivan Principality]. Voennoe delo Zolotoy Ordy: [Warfare of Golden Horde: problems and perspectives of study].* Kazan, ООО «Foliant» Publ., 2011, pp. 167–169.

34. Shabul'do F.M. *Vitovt i Timur: protivniki ili strategicheskie partnery [Vitaut and Timur: enemies or strategic partners]. Lietuva ir jos kaimynai. Nuo normanu iki Napoleono.* Vilnyus, Vaga Publ., 2001, pp. 95–106.

35. Shabul'do F.M. *Semenovy lyudi: ikh territorii i rol' v politicheskikh otnosheniyakh mezhdru Krymom i Litvoy na iskhode XV veka [«Peoples of Semyonov»: their territories and role in political relationships between Crimea and Lithuania at the end of XV century]. Ruthenica.* Kiev, Institute of History of Ukraine Publ., 2010, no. 9, pp. 57–73.

36. Shershenevich I.G. *Opisanie Kryma (Tartariae Descriptio) Martina Bronevskogo [Description of the Crimea (Tartariae Descriptio) by Martin Bronevsky]. Zapiski Odesskogo Obshchestva istorii i drevnostey [Notes of Society of history and antiquities in Odessa].* Odessa, 1867, vol. 6, pp. 333–367. Available at: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XVI/Bronevskij/frametext.htm>

37. Babinskas N. *Politicheskie otnosheniya Velikogo Knyazhesstva Litovskogo (VKL) i Moldovy v 1430–1447 gg. [Political relationships between the Great Duchy of Lithuania and Moldova in 1430–1447]. Revista de Istorie a Moldovei.* Chisineu: Institutul de Istorie, 2008, no. 3, Iulie-septembrie, pp. 3–15.

38. Długosz J. *Dziejów Polskich ksiąg dwanaście / Przekład K.Mecherzyńskiego.* Kraków, W drukarni «Czasu» W. Kirchmayera, 1869. T. 4. Ks. XI, XII. 8, 668, XXIII s. Available at: <http://www.polona.pl/dlibra/doccontent?id=895&dirids=15>

39. Długosz J. *Dziejów Polskich ksiąg dwanaście / Przekład K.Mecherzyńskiego* Kraków, W drukarni «Czasu» W. Kirchmayera, 1870. T. 5. Ks. XII. 418 s. Available at: <http://www.polona.pl/dlibra/doccontent?id=897&dirids=15>

40. *Kronika Polska Marcina Bielskiego.* Sanok, Nakład i druk Karola Polaka, 1856. T. 1. Księgi I–III. XI, 699 s.

41. *Kronika Polska Marcina Kromera biskupa Warmińskiego Księg XXX.* Sanok, nakł. i druk Karola Pollaka, 1857. 716 s.

42. *Scriptores Rerum Prussicarum: Die Geschichtquellen der Preusseher Vorzeit bis zum Untergange der Ordensherrschaft.* Ed. T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Leipzig, 1866. Band. 3. VI, 730 s. Available at: http://books.google.de/books?id=-4AOAAAAYAAJ&printsec=frontcover&hl=de&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false

43. Wapowski B. *Dzieje Korony Polskiej i Wielkiego Księstwa Litewskiego od roku 1380 do 1535.* Wilno, Księgarza i Typografa Szkół Białoruskiego Naukowego Okręgu, 1847. T. 1. 494 s. Available at: http://www.pbi.edu.pl/book_reader.php?p=43498

44. Żdan M. Stosunki litewsko-tatarskie za czasow Witolda, w. Ks. Litwy // *Ateneum Wilenskie. Czasopismo naukowe poświęcone badaniom przeszłości ziem Wielkiego X. Litewskiego.* Wilno, 1930. Rocznik VII. Zeszyt 3–4, s. 529–601.

About the author: Yaroslav Valentinovych Pilipchuk – Cand. Sci. (History), junior researcher at the Department of Eurasian Steppe, A.E. Krymsky Institute of Oriental Studies, National Academy of Sciences of Ukraine (01001, Hrushevsky street, 4, Kiev, Ukraine); bachman@meta.ua

УДК 340.5:94(470)"15"

Две попытки восстановления Золотой Орды в первой четверти XVI в. (политико-правовые аспекты)

Роман Почекаев

(Санкт-Петербургский филиал

Национального исследовательского университета

«Высшая школа экономики»)

Аннотация. В статье анализируется политическая деятельность узбекского хана Мухаммада Шайбани и крымского хана Мухаммад-Гирея I в первой четверти XVI в. Автор исследует события, опираясь на историко-правовой метод и сосредотачиваясь на анализе системы управления, созданной обоими ханами, их взаимоотношений с другими правителями на золотоордынском пространстве. В результате он приходит к выводу, что оба правителя рассматривали себя как законных преемников распавшейся Золотой Орды и прилагали усилия для восстановления этого государства, не ограничиваясь контролем над той или иной частью бывшей империи. Несмотря на то, что Мухаммад Шайбани действовал на востоке Джучидской державы, а Мухаммад-Гирей – на западе, оба правителя использовали практически одни и те же политические и правовые средства для реставрации Золотой Орды, стремясь установить контроль над прежними владениями Джучидов, в том числе и над центральными золотоордынскими регионами – Поволжьем и Приуральем. Несмотря на то, что они старались возродить прежнюю империю, их действия не следует трактовать как попытку «возврата к прошлому»: прекрасно понимая изменение и политической ситуации, и правовой системы, оба хана старались выстраивать систему управления в воссоздаваемых ими имперских объединениях уже в соответствии с новыми реалиями.

Ключевые слова: Золотая Орда, Крымское ханство, «государство кочевых узбеков», Гирей, Шайбаниды, вассалитет, соправительство, традиционное государство, традиционное право, мусульманское право.

Упадок Золотой Орды характеризовался не только кризисом власти и распадом державы Джучидов: время от времени имели место кратковременные взлеты, когда тот или иной энергичный правитель (Улуг-Мухаммад, Ахмад и др.) старался возродить было величие Орды, поднять престиж ханской власти и международный авторитет. В связи с этим окончательное падение Золотой Орды в 1502 г., по всей видимости, не произвело впечатление полного исчезновения некогда огромной империи, а представлялось не более, чем очередным кризисом, который можно (и нужно) было преодолеть.

Поэтому наряду с правителями отдельных «осколков» Золотой Орды, которые довольствовались властью в том или ином регионе, наследуя титулатуру золотоордынских ханов, отчасти заимствуя элементы государственного устройства и правового регулирования (это явление удачно названо «инерцией» [30]), еще и в XVI в. появлялись правители, видевшие свою миссию в восстановлении павшей империи. Однако далеко не всем из них удавалось понять, что политико-правовая ситуация на евразийском пространстве существенно изменилась, и те методы управления, властные структуры и правовые нормы, которые эффективно действовали в «золотой век» империи Джучидов, оказывались неактуальны в новых условиях. Вероятно, именно попытками «возврата к старому» следует объяснить неудачи таких правителей поздней Золотой Орды как Ахмад-хан или его сын Шейх-Ахмад.

Гораздо более удачными попытками воссоздания государства имперского типа на постордынском пространстве видятся действия узбекского хана Мухаммада Шайбани на рубеже XV–XVI вв. и крымского хана Мухаммад-Гирея I на рубеже 1510–1520-х гг. Несмотря на то, что первый из них действовал на востоке бывшей Золотой Орды, а второй – на западе, есть основания утверждать, что их целью было именно возрождение империи Джучидов. Главным доводом в пользу такого предположения является тот факт, что оба правителя, помимо укрепления центральной власти в собственных владениях, стремились подчинить себе и другие «региональные» государства Джучидов – вплоть до Поволжья и Приуралья.

Относительно претензий первых крымских ханов-Гиреев (вторая половина XV – середина XVI вв.) не только на золотоордынское наследие, но и на возрождение Золотой Орды (пусть да-

же с центром на Крымском полуострове, а не в Поволжье) исследователи высказываются довольно единодушно [см., напр.: 5; 7; 36]. В самом деле, борьба таких ханов как Хаджи-Гирей, Мухаммад-Гирей I, Сахиб-Гирей I, Девлет-Гирей I за контроль над различными регионами бывшей джучидской державы (Северное Причерноморье, Поволжье, Кавказ, Приднестровье) свидетельствует об их имперских амбициях.

С оценкой же деятельности узбекских ханов-Шибанидов середины XV – начала XVI вв. ситуация обстоит гораздо сложнее. Во-первых, до сих пор в историографии нет единого мнения относительно названия этих правителей и возглавляемого ими государственного образования, которое именуют и «государством кочевым узбеков», и «Тюменским юртом», и «Сибирским ханством» [см.: 3; 14]. Во-вторых, в историографии утвердилось мнение, что правители этого государства, хотя и претендовали на правопреемство от ханов Золотой Орды, вовсе не стремились к созданию государства имперского типа, а всего лишь хотели добиться независимости на контролируемой ими территории, являясь, таким образом, своего рода региональными «сепаратистами» [см., напр.: 18]. А уход «кочевых узбеков» в начале XVI в. в Чагатайский улус, т.е. Среднюю Азию, вообще позволил исследователям утверждать, что они окончательно отказались от джучидского политического наследия и вознамерились создать «с нуля» государство на территории совершенно другого улуса [27, с. 391–392]. Анализ деятельности таких Шибанидов, как Абулхаир или Ибак, опровергает подобные утверждения: их неоднократные попытки установить контроль над «Престольным владением», а также над другими регионами распавшейся Золотой Орды (вплоть до Хорезма) опровергают «региональный» характер их деятельности. Отказа от претензий на джучидские владения со стороны Шибанидов также не было: на протяжении всего XVI в. они стремились установить контроль над такими бывшими золотоордынскими территориями как Сибирь, Хорезм, Восточный Дешт-и Кипчак (к этому времени – уже Казахское ханство).

Среди целого ряда амбициозных и довольно успешных правителей (как Гиреев, так и Шибанидов) привлекают внимание Мухаммад Шайбани и Мухаммад-Гирей I, поскольку, по нашему мнению, именно им удалось достичь наибольших успехов в деле

реставрации Золотой Орды¹. Это было связано с тем, что и узбекский, и крымский ханы сумели осознать изменение политико-правовой обстановки и найти «золотую середину» в сочетании прежних и новых средств политической борьбы, организации власти на подконтрольной их территории, правового регулирования отношений. На первый взгляд, между этими двумя монархами трудно обнаружить много сходств. Да, оба они принадлежали к потомкам золотоордынской ханской династии (и то, к совершенно различным ее ветвям) и действовали приблизительно в один временной период. Но правили они разными государствами, поддерживали контакты с разными странами и народами, находились под влиянием разных политических традиций. Подробный анализ их политической деятельности на основе сохранившихся источников также не позволит выявить много параллелей.

Однако, если вместо изучения исключительно политической истории правления Мухамада Шайбани и Мухаммад Гирея I, мы исследуем их деятельность в историко-правовом аспекте, то с удивлением обнаружим гораздо больше сходств и параллелей. Не вдаваясь в подробности дипломатии, войн, экономических связей этих правителей, мы решили взять в качестве предмета исследования создаваемые ими систему власти и административно-территориального управления, правовую базу, на которую они опирались. Именно эти формальные показатели наиболее ярко свидетельствуют о претензиях Мухаммада Шайбани и Мухаммад-Гирея I на имперское наследие и позволяют выявить явные сходства в их средствах и методах достижения своей цели. Наибольший интерес для исследования представляет именно сочетание «прежних» золотоордынских и «новых» средств и методов управления и правового регулирования, которые столь успешно сочетали в своей деятельности оба монарха.

¹ Конечно же, использование термина «Золотая Орда» в данном случае является условным, как и вообще в «джучидоведении». Ни Мухаммад Шайбани, ни Мухаммад-Гирей, ни их предшественники или преемники никогда не назывались ханами Золотой Орды и вообще в разное время ассоциировали себя с разными владениями, территориями регионами. Соответственно, говоря о попытках данных ханов восстановить Золотую Орду, мы подразумеваем восстановление обширной евразийской державы имперского типа, всего лишь используя устоявшийся и привычный в историографии термин.

Первым и, по-видимому, самым сложным направлением в деятельности Мухаммада Шайбани и Мухаммад-Гирея I по «собираанию земель» являлось обеспечение контроля над отдельными регионами, в течение XV в. выделившимися из состава Золотой Орды. Для Мухаммада Шайбани это были, в частности, Сибирь, Хорезм, Восточный Дешт-и Кипчак, для Мухаммад-Гирея I – Казань, Астрахань, Западный Дешт-и Кипчак. Здесь к этому времени уже сложилась традиция правления собственных монархов – ханов, которые успели понять преимущества власти над собственным регионом и вряд ли были готовы безропотно отказаться от своих прерогатив – пусть даже и в пользу более сильного и более энергичного правителя.

Поэтому, хотя в некоторых случаях оба хана и использовали чисто военные методы установления контроля над тем или иным регионом (например – Мухаммад Шайбани в Сибири в середине 1490-х гг. [15, с. 20–22]² и Мухаммад Гирей I в Астрахани в 1522 г.), их целью не было «механическое» присоединение таких территорий к своим владениям. Оба прекрасно понимали, что обширные государства, создаваемые из регионов с населением разных национальностей, социально-экономических укладов, традиций и обычаев и уже прошедших этап независимости, не могут управляться из единого имперского центра. Поэтому наиболее оптимальным выходом из ситуации стало создание своеобразной федерации джучидских государств, во главе которой стоял, соответственно, Мухаммад Шайбани или Мухаммад-Гирей I.

Подобный подход представлял политико-правовой компромисс, в результате которого региональные правители сохраняли значительную автономию, признавая главенство «старшего хана». Некоторые из таких правителей даже могли сохранять ханские титулы, таким образом, практически ничего не теряя в своем

² Сведения о походе Мухаммада Шайбани в Сибирь, содержащиеся в этом агиографическом сочинении, по-разному оцениваются исследователями. Например, А.К. Бустанов полагает, что сюжет является полностью легендарным и отвергает возможность соотнести упомянутого в нем «Шибан-хана» с конкретным Чингизидом [6, с. 187–188]. Другие исследователи полагают, что речь идет об исторических событиях, датируемых приблизительно рубежом XV–XVI вв. [см.: 13, с. 178; 31, с. 565].

статусе и прерогативах внутри собственных «региональных» государств. Просто у них появлялись обязанности соотносить свою внешнюю политику со «старшим ханом» и время от времени участвовать в его военных мероприятиях. В державе Шайбани-хана в начале XVI в. к числу таких его государей-вассалов относились, в частности хивинский хан Ильбарс³, возможно – сибирский (тюменский) правитель-Шибанид Кулук-султан⁴. Несколько автономных правителей признавало власть Мухаммада Шайбани непосредственно на территории завоеванного им Чагатайского улуса – сын и соправитель («младший хан») Мухаммад-Тимур в Самарканде, Суюнч-ходжа-султан в Ташкенте, Кучкунджи-султан в Туркестане и т.д. [см.: 19, с. 134].

Отдельного внимания заслуживает любопытное сообщение Шигабуди́на Марджани о том, что, «Мухаммад ибн Шахбидаг ибн Абилхайр аш-Шайбани» оставил завещание, в котором передавал казанский трон крымскому царевичу Сахиб-Гирею [33, с. 111]. Остается только гадать, имеет ли это сообщение под собой реальные основания. Вполне возможно, что Шайбани-хан считал себя вправе распоряжаться тронами поволжских ханств, поскольку одно время (хотя и довольно короткое) этот регион признавал власть его деда Абу-л-Хайр-хана, считавшегося властителем «трона Сайн-хана» (Бату) [см.: 12, с. 101; 26, с. 94]. Как известно, после смерти Мухаммад-Амин-хана и кратковременного правления московского ставленника Шах-Али-хана казанский престол, и в самом деле, перешел к Сахиб-Гирей-хану... В таком случае, можно предполагать, что, если казанский хан и не был прямым вассалом Мухаммада Шайбани, то, по меньшей мере, признавал его в качестве вышестоящего правителя и стремился заручиться его поддержкой и покровительством. Учитывая, что

³ Известно, что Ильбарс подчинился приказу Мухаммада Шайбани отправить войска в поход против персидского шаха Исмаила Сефевидского [34, с. 96–97, 106], что дает основания считать его вассалом этого хана.

⁴ В данном случае мы всего лишь высказываем предположение на основе косвенных данных о пребывании сибирских Шибанидов в Бухарском ханстве уже с первой половины XVI в. и последующем вассалитете Сибирского ханства по отношению к Бухаре. Вполне возможно, что зависимость сибирских Шибанидов от их бухарских родичей сложилась позднее, уже после смерти Мухаммада Шайбани-хана.

Шигабуддин Марджани не был историком «шайбанидского круга» и, следовательно, вряд ли был заинтересован в преувеличении статуса Мухаммада Шайбани, полагаем, есть определенные основания для такого предположения.

«Федеративное» государство пытался выстраивать и Мухаммад-Гирей I, хотя созданная им система взаимоотношений с государями-вассалами имела некоторые отличия от той, которую формировал Мухаммад Шайбани. Узбекский хан считал целесообразным (или, просто-напросто, был вынужден) оставлять на троне того или иного улуса (Хорезма или Сибири) представителей местной правящей династии, которые, хотя и принадлежали к Шибанидам, но являлись лишь дальними родичами Мухаммада Шайбани. Мухаммад-Гирей I в силу различных обстоятельств сумел возвести на троны вассальных ханств своих ближайших родственников – брата Сахиб-Гирея в Казани и сына Бахадур-Гирея в Астрахани. Таким образом, он принял во внимание тот факт, что Казанское и Астраханское ханство уже были самостоятельными государствами и признал их право на «собственных» правителей, однако, вместе с тем, обеспечил их прочную зависимость от себя. Причем, если Бахадур-Гирей на астраханский трон был возведен в результате прямого вооруженного захвата ханства, то вступление Сахиб-Гирея на казанский трон стало результатом дипломатических переговоров, начавшихся еще при Менгли-Гирее. Что, впрочем, отнюдь не умаляет роли его сына Мухаммад-Гирея I в возведении брата на трон, поскольку он сумел одержать верх в конкурентной борьбе с Московским государством, также стремившимся посадить в Казани своего ставленника.

Несомненно, в рамках золотоордынской традиции такой подход мог рассматриваться как политико-правовая новация, поскольку институт «старших» и «младших» ханов в джучидской державе в период ее расцвета (XIV в.) отсутствовал, а в период распада (XV в.) одновременно правившие ханы не признавали один другого в качестве вышестоящего правителя, хотя порой и не вступали в открытую конфронтацию⁵.

⁵ Возможно, такой формат отношений пытался выстроить в свое время Ахмад-хан, который в 1477 г. посадил на крымский трон своего племянника Джанибека, а другого, астраханского правителя Касима, числил своим вассалом. Однако

Однако если обратиться к более древней истории тюрко-монгольской государственности, то мы убедимся, что и Мухаммад Шайбани, и Мухаммад-Гирей I использовали древнюю традицию соправительства, которая успешно применялась и в государствах древних тюрков, и у Караханидов Центральной Азии, и даже в ранней Монгольской империи [см. подробнее: 29, с. 76–96]. Таким образом, оба монарха, выстраивая империю на основе «федеративных» отношений, с одной стороны, учитывали новые политические реалии, с другой – не изобретали ничего нового, возрождая прежнюю политико-правовую традицию соправителей. А поскольку она использовалась и первыми Чингизидами, получалось, что ее введение в начале XVI в. не нарушало даже и принципов «чингизизма»⁶.

Однако, помимо автономных (или полностью независимых) улусов Чингизидов, на территории бывшей Золотой Орды существовали также владения правителей нечингизидского происхождения. Уже в конце XIV в. они приобрели огромное влияние в политической жизни, поскольку являлись на службу к ханам с собственными отрядами и могли, по собственному усмотрению, поддержать в междоусобицах того или иного претендента на трон. Наиболее влиятельные из них становились карачи-беками, а первый среди карачи-беков – бекляри-беком, т.е. главнокомандующим всех ханских войск.

Подобная ситуация, в которой хан больше зависел от своих сановников, чем они от него, безусловно, не устраивала наиболее энергичных монархов. Мухаммаду Шайбани (который в течение долгих лет был вынужден считаться с влиятельными родоплемен-

вполне возможно, что ни Джанибек, ни Касим не носили ханского титула и являлись всего лишь традиционными для Золотой Орды правителями отдельных улусов – ханскими наместниками. О статусе астраханских правителей до падения Золотой Орды [см. подробнее: 10, с. 61].

⁶ Термин «чингизизм» предложен казахстанским востоковедом В.П. Юдиным, который определяет его как «новый комплекс мировоззренческих и идеологических представлений», а в более узком смысле – как обозначение «новой веры» [35, с. 16]. Принимая его термин, мы позволили себе не согласиться с ним, предложив использовать его для обозначения политико-правовой идеологии правителей-Чингизидов и их преемников в тюрко-монгольских государствах вплоть до начала XX в. [см. подробнее: 23].

ными предводителями, в частности, мангытов-ногайцев и др.) удалось решить проблему подчинения родовой аристократии за счет того, что его основные владения в начале XVI в. находились в Чагатайском улусе, который он сам и завоевал. Соответственно, эти земли являлись ханской собственностью, и после того, как он выделил часть территорий своим родичам-сподвижникам в благодарность за помощь в завоеваниях, оставшимися многочисленными владениями он мог распоряжаться в полной мере. В отличие от ханов поздней Золотой Орды, он не стал жаловать владения своим ближайшим сподвижникам-нечингизидам (которые также пришли с ним из Золотой Орды и участвовали в завоевании), а сделал их наместниками в областях, входивших в его собственный удел [19, с. 134]. В этих действиях можно увидеть преемственность от политики золотоордынских ханов эпохи расцвета – в частности, нечто похожее делал хан Узбек, осуществляя административную реформу Золотой Орды в 1320-е гг. [см. подробнее: 21]. Результатом подобного административно-территориального деления стало существование в рамках державы Мухаммада Шайбани-хана как автономных владений, принадлежавших султанам (и ханам) из рода Чингизидов, так и областей, управлявшихся наместниками, целиком и полностью зависевшими от назначившего их хана. Кстати, несмотря на то, что статус наместников не подразумевал столь широкой автономии, как статус владетельных Чингизидов, именно назначенные ханом региональные правители-эмиры более оперативно и скрупулезно выполняли ханские распоряжения, поскольку понимали, что в случае смены хана вполне вероятно и их смещение с весьма высоких и прибыльных должностей. Поэтому даже во время последней военной кампании Мухаммада Шайбани против кызылбашей (которая закончилась его гибелью) к нему вовремя подошли лишь войска назначенных им наместников, тогда как владетельные Шибаниды старались всячески оттянуть свое выступление, имея некоторые причины «обижаться» на хана, поскольку, по мере укрепления своей власти, он старался отстранить от власти удельных Чингизидов и передать их владение в управление своим наместникам [19, с. 134].

Несколько иным образом строились отношения со знатью у Мухаммад-Гирея I, поскольку основу его владений составлял Крымский полуостров, на котором «пришельцами» являлись ханы

из рода Гиреев, обосновавшиеся в Крыму лишь в первой половине XV в., тогда как наиболее влиятельные аристократические роды владели здесь уделами еще с XIII в. Поэтому Мухаммад-Гирею I приходилось считаться с наиболее знатными родами (Ширин, Барын, Аргын, Кыпчак), жаловать им важные должности в политической и придворной иерархии, учитывать их мнение в процессе принятия важных государственных решений [28, с. 28–39]. Однако он мог попытаться уменьшить влияние наиболее значительных аристократических семейств путем возвышения до аналогичного статуса других. Именно так он поступил в отношении одной из ветвей ногайского правящего рода Мангыт, которые прибыли в Крым, получили значительные владения и стали, таким образом, своего рода противовесом четырем вышеупомянутым старинным крымским семействам [7, с. 131]. Впрочем, удачная, казалось бы, идея Мухаммад-Гирея I, в конечном счете, привела к трагической развязке, поскольку остальные члены рода Мангыт, уже давно с беспокойством наблюдавшие за усилением хана и ростом его владений, авторитета и политического влияния на постордынском пространстве, вообразили, что он намеревается поставить себе под контроль вообще всех ногайцев путем переселения в Крым [см. подробнее: 31, с. 168–171]. Как известно, именно они предательским образом убили Мухаммад-Гирея I. Тем не менее, можно сделать вывод, что самовластие аристократических родов в период правления этого хана – точно так же, как и при Мухаммаде Шайбани – существенно снизилось и, в общем, напоминало взаимоотношения золотоордынских ханов и родоплеменной аристократии до распада Золотой Орды⁷.

Тем не менее, в целом административно-территориальное устройство державы Мухаммада Шайбани больше соответствовало золотоордынскому, поскольку включало в себя как автономные полукочевые владения, так и оседлые области с ханскими наместниками во главе [см. подробнее: 22]. Мухаммад-Гирей I в своей территориальной политике в большей степени учитывал значительную роль крымских аристократических родов и, соот-

⁷ Независимость Мухаммад-Гирея I от высшей аристократии при принятии решений отмечается также русскими дипломатами, сообщающими, что он решает «само собой в головах» [см., напр.: 20, с. 590].

ветственно, его государство состояло преимущественно из владений кочевой аристократии, центрами которых являлись города и их оседлые округа. Причем ситуация ненамного изменилась и после установления контроля над Казанью и Астраханью, поскольку, в отличие от Мухаммада Шайбани, крымский хан не присоединил эти земли к своим владениям как завоеванные территории, а сохранил на них прежде существовавшее административно-территориальное устройство, в принципе, близкое к тому, которое было и в Крымском ханстве.

Политика обоих монархов в отношении аристократии нашла отражение в изменении еще одного важного золотоордынского института – вышеупомянутой должности бекляри-бека. Поскольку и Мухаммад Шайбани, и Мухаммад-Гирей I стремились ограничить могущество крупных аристократических семейств, они совершенно не были заинтересованы в том, чтобы предоставить всю полноту военной власти в ханстве одному из их представителей. Поэтому они сделали ставку не на ненадежную аристократию, которая могла легко перейти в лагерь их противников (что неоднократно и делала), а на родственников, которым могли доверять.

Так, Мухаммад Шайбани, уже впервые приняв ханский титул в 1480-е гг., сделал своим верховным военачальником своего четвероюродного брата Алике-султана [19, с. 20–21]. А в период создания им империи, т.е. в начале XVI в. Хамза-султан, родной брат Алике, «был самым старшим из султанов, в действительности главным военачальником войск ханского величества» [32, с. 127]. Впрочем, назначение вместо бекляри-бека главнокомандующим одного из ближайших родственников, вероятно, вообще было традицией в роду Шибанидов: так, еще при Абулхайр-хане, деде Мухаммада Шайбани, эти обязанности выполнял Бахтияр-султан (кстати, отец султанов Алике и Хамзы), при тюменском правителе Ибаке аналогичную должность занимал его брат Мамук, а позднее, при хане Кучуме верховным военачальником был его племянник Маметкул [см.: 1, с. 63; 8, с. 178; 26, с. 100–101]. Лишь впоследствии, при менее властных правителях институт бекляри-бека (в среднеазиатской традиции – амир ал-умара или, позднее, амир-и лашкар) был восстановлен, и его стали занимать представители родоплеменной знати.

Сходную политику проводил и Мухаммад-Гирей I, который под конец своего правления поручил всю полноту власти над войсками своему сыну Бахадур-Гирею – будущему астраханскому хану (фактически возвысив его даже над своим братом и номинальным наследником калга-султаном Ахмад-Гиреем) [7, с. 125]. После того, как оба погибли от рук ногайцев, институт бекляри-бека фактически был восстановлен крымскими ханами, хотя и преемники Мухаммад-Гирея I пытались время от времени «перетягивать» хотя бы часть полномочий от них к калга-султанам и другим родственникам. Таким образом, при номинальном сохранении поста верховного главнокомандующего и Мухаммад Шайбани, и Мухаммад-Гирей I трансформировали его, существенно видоизменив золотоордынский институт и приспособив его к собственным политическим нуждам в новых условиях.

К вопросу организации системы управления вплотную примыкает еще один – формирование сословия профессиональных администраторов. Чиновничество, являвшееся в Золотой Орде весьма значительной прослойкой, практически исчезло в процессе распада джучидской державы. Произошло это по объективным причинам: просто-напросто стало нечем управлять, а все немногочисленные административные функции в условиях, когда размеры государства сократились, и многие направления деятельности исчезли, могли выполнять сами родоплеменные предводители и ханские военачальники и придворные. Поэтому еще одним показателем имперских устремлений Мухаммада Шайбани и Мухаммад-Гирея I стало создание штата профессиональных чиновников, которым было поручено ведение различными направлениями политики быстро увеличивавшихся государств этих ханов.

Своих профессиональных управленцев Мухаммад Шайбани «унаследовал» от своих предшественников на троне Чагатайского улуса – Тимуридов. Среднеазиатское чиновничество имело давние традиции, соответственно, создателю империи не было нужды формировать штат чиновников «с нуля». Впрочем, в отличие от правителей Ирана и Средней Азии, Мухаммад Шайбани в отношении чиновничества занимал ту же позицию, что и его предки, золотоордынские ханы, и не позволил многочисленной прослойке управленцев превратиться в бюрократию, т.е. в самостоятельно действующий аппарат, не всегда считавшийся с волей монарха.

Напротив, все чиновничество полностью зависело от хана и действовало исключительно по его распоряжениям [24, с. 148–151].

Аналогичную деятельность производил и Мухаммад-Гирей I, причем его стремление возродить чиновничество, аналогичное соответствующей прослойке Золотой Орды объяснялось не только необходимостью более эффективного управления обширного государства. Судя по посланиям его недоброжелателей из Крыма в Стамбул, он намеревался постепенно передать чиновникам полномочия, которыми при его предшественниках и в начале его правления обладали представители родоплеменной аристократии [9, с. 61–62; см. также: 28, с. 21–28]. Как известно, в самой Золотой Орде (т.е. на территориях, которые вошли в ее состав в результате монгольских завоеваний) бюрократические традиции не были развиты, поэтому джучидские ханы решали проблему нехватки кадров путем приглашения на службу выходцев из других стран – Ирана, Хорезма, даже Уйгурии и Китая. Аналогичным образом стал действовать и Мухаммад-Гирей I, активно привлекавший на службу выходцев из Ирана, за что вскоре удостоился нареканий со стороны как крымской знати, так и турецкого султана, который номинально считался сюзереном Крымского ханства⁸. После смерти Мухаммад-Гирея I чиновничество, впрочем, не исчезло, только при его преемниках оно стало строиться не по персидскому образцу (более близкому к золотоордынскому), а по османскому, и даже основу чиновничьего сословия составили выходцы из Турции, что повлияло на традиции ханской канцелярии, налоговую систему и т.д.

Очень важным показателем имперских устремлений Мухаммада Шайбани и Мухаммад-Гирея I является их правовая политика, которую можно охарактеризовать как дуализм правовой системы – вернее сосуществование в их государствах двух правовых систем: права имперского («чингизидского») и права му-

⁸ Признание сюзеренитета османского султана крымскими ханами являлось фактически номинальным вплоть до вступления на крымский престол Сахиб-Гирея I [см. подробнее: 11]. Впрочем, Мухаммад-Гирей I, имевший в планах возрождение Золотой Орды и, к тому же, находившийся в личных неприязненных отношениях с султанами Селимом I и Сулейманом I, отказывался признавать даже и номинальный вассалитет от Османской империи [см.: 25, с. 299].

сульманского, т.е. шариата. Подобная политика, характерная для Золотой Орды, в полной мере была свойственна и обоим монархам, пытавшимся возродить ее величие.

Так, Мухаммад Шайбани, претендуя на статус правителя империи как наследник золотоордынских ханов, официально применял в своих владениях принципы и нормы имперского права, известного под общим названием «Великой ясы». В соответствии с этими принципами он издавал указы-ярлыки, организовывал сановную и придворную иерархию (жалуя должности и уделы) [см.: 2, с. 45; 4, с. 142], военное дело в своем государстве [32, с. 123], сохранил прежние налоги, например, тамгу и другие, которые, в общем-то, противоречили шариату [см.: 17, с. 100]. Также он применял отдельные нормы «чингизидского права» в случаях, когда вопрос не мог быть решен по мусульманскому праву, или решение в соответствии с его принципами не устраивало хана⁹.

Вместе с тем Мухаммад Шайбани являлся искренне верующим человеком, более того – большим знатоком богословия и мусульманского права и любителем религиозных диспутов. Влиятельные мусульманские богословы и правоведы являлись членами его совета-дивана, судебная система в ханстве строилась преимущественно в формате деятельности судов кади. Сам хан не ограничивался намерением воссоздать Золотую Орду, но также в 1507 г. провозгласил себя «имамом времени и наместником всемилостивого», т.е. халифом – верховным главой всех мусульман-суннитов. И, в качестве такового, неоднократно объявлял свои очередные военные кампании священной войной против язычников или отступников-шиитов (что, впрочем, не мешало ему держать представителей шиитского вероисповедания на придворных и высоких сановных должностях) [32, с. 105–106].

⁹ Одним из ярких примеров подобного подхода является вынесение Мухаммадом Шайбани судебного решения о наследственных правах второго сына и внука от покойного старшего сына. Согласно шариату, сын имел преимущество перед внуком в наследовании, однако сам Шайбани-хан придерживался противоположного мнения. В результате «дело кончилось тем, что хан пожелал отложить это предписание, ибо в тексте не было обоснованного довода, и велел поступать по установлению Чингиз-хана». А вскоре мусульманские улемы по приказу хана все же сумели найти суждение одного казия, которое подкрепляло решение хана, вынесенное на основании «языческой» Ясы [32, с. 60]!

Сочетая в своей правовой политике элементы «чингизидского» и мусульманского права, Мухаммад Шайбани не лицемерил и, тем более, не противоречил сам себе. Просто их сочетание в полной мере отвечало его политическим интересам. Демонстрируя приверженность к имперскому праву, он позиционировал себя как наследник прежних великих ханов-Чингизидов и законный претендент на власть в любом улусе на пространстве бывшей Монгольской империи, каковые претензии он и реализовал на практике, установив власть не только над джучидскими владениями, но и над Чагатайским улусом, и даже над частью иранских регионов, т.е. бывших владений ильханов. Приверженность же его к шариату, во-первых, обеспечивала поддержку со стороны местного мусульманского населения и влиятельного духовенства, помогала получить признание в мусульманском мире и заручиться поддержкой со стороны иностранных государей, в т.ч. и нечингизидского происхождения (например, османского султана)¹⁰.

Такой же, на первый взгляд, противоречивой, а по внимательном ознакомлении – логичной и последовательной являлась правовая политика Мухаммад-Гирея I. В его ханстве соблюдались основные принципы и нормы шариата, высшее мусульманское духовенство (как и в государстве Мухаммада Шайбани) было интегрировано в правящую элиту и сановную иерархию. Однако в то же время высшим законодателем в государстве являлся хан, который издавал свои указы-ярлыки, в соответствии с прежними золотоордынскими принципами формировал административно-территориальное устройство, налоговую систему (налоги, повинности, иммунитеты), организовывал военное дело. Причины сочетания в правовой политике Мухаммад-Гирея I элементов мусульманского и «чингизидского» права, в принципе, были те

¹⁰ Своеобразной декларацией религиозной политики Шайбани-хана стало одно из его поэтических произведений, которое исследователи условно называют «Апологией Мухаммада Шайбани-хана». В этой поэме хан изобразил свой диалог с мусульманским судьей, муфтием и мухтасибом, которые, согласно сюжету, упрекают хана за сохранение чингизидских обычаев в ущерб шариату. Шайбани-хан в свою защиту заявляет, что является защитником и распространителем шариата и покровителем суфиев, тогда как чингизидское происхождение и соблюдение монгольских обычаев позволили ему вернуть власть над Мавераннахром законным монархам, вырвав из рук узурпаторов-Тимуридов [см.: 16, с. 46].

же самые, которые обусловили аналогичную политику Мухаммада Шайбани. Однако исследователи вполне обоснованно отмечают, что Мухаммад-Гирей I являлся едва ли не последним крымским ханом, который наиболее демонстративно следовал политико-правовым принципам, характерным для Золотой Орды, поскольку тем самым старался дистанцироваться от Османской империи и показать, что не является ее вассалом [см. подробнее: 5].

Итак, грамотная политико-правовая деятельность Мухаммада Шайбани и Мухаммад-Гирея I едва не привела каждого из них к восстановлению Золотой Орды, а по сути – к созданию мощного евразийского государства имперского типа, пусть границы этих государств оказывались и различными. Причиной тому стали не только личные качества и таланты Мухаммада Шайбани и Мухаммада Гирея I, значительные ресурсы, которыми они располагали, их харизма и т.п., хотя и эти факторы, безусловно, не следует сбрасывать со счетов. На наш взгляд, наиболее важно то, что оба монарха сумели адаптировать имперские политические и правовые категории к новым политическим реалиям, найти компромисс при выстраивании отношений между имперским центром и региональными владениями на постордынском пространстве в противоречивых условиях, когда одни политические силы делали ставку на объединение (для противостояния общей внешней угрозе), другие же всячески старались отстоять самостоятельность на подконтрольных им территориях. При этом даже новые, казалось бы, политические институты (такие как сопровительство, сохранение ханского достоинства за правителями, признавшими зависимость от того или иного монарха) на самом деле имели очень давние традиции и применялись в тюрко-монгольском мире либо в эпоху Монгольской империи, либо даже еще ранее. Таким образом, их применение на постордынском пространстве в первой четверти XVI в. не выглядело слишком радикальной новацией и достаточно органично вписывалось в политические и правовые процессы тюрко-монгольских государств.

Но успешная деятельность обоих ханов, умение использовать старинную систему ценностей в новых политических реалиях, как ни парадоксально, стали причиной не только их возвышения, но и их гибели, причем сходные обстоятельства смерти обоих ханов также позволяют говорить о значительном сходстве их

политики. Мухаммад Шайбани, находясь на пике могущества, контролируя Мавераннахр, Хорасан, Хорезм, часть Восточного Дешт-и Кипчака и Западной Сибири, а также ряд иранских областей, довольно нелепо погиб в 1510 г. в бою с персидским шахом Исмаилом Сефевии, попав в ловушку в результате неосторожной вылазки из крепости. Мухаммад-Гирей I, также достигнув апогея своей славы и влияния, имея полноту власти в Крымском ханстве, установив контроль над Казанью, Астраханью, ногайскими улусами и Северным Кавказом, был предательски убит несколькими ногайскими мурзами. Однако было бы ошибкой считать виновниками их гибели, соответственно, только персидского шаха или ногайских предводителей. Активная и эффективная деятельность обоих ханов вызывала обеспокоенность и недовольство самых различных политических сил – причем как внешних (Иран, Османская империя и т.д.), так и внутренних, включая и самих членов семейства Чингизидов, и родоплеменную аристократию. Золотая Орда распалась достаточно давно, чтобы владельцы отдельных улусов успели привыкнуть к самостоятельности и выработать враждебность к тем, кто пытался ее ограничить, но недостаточно давно, чтобы они успели осознать, что подобное положение влечет не только преимущества, но и негативные последствия – опасность междоусобиц, поглощения более сильными соседями и т.д. Поэтому успехи Мухаммада Шайбани и Мухаммад-Гирея I по восстановлению Золотой Орды можно объяснить их личной харизмой, энергичностью, политическим чутьем, а последовавший затем крах – несвоевременностью их действий, которые, в конечном счете, вызвали более негативное, нежели положительное отношение. Идея необходимости объединения восторжествовала на постордынском пространстве примерно полвека спустя – в 1550–1560-е гг., когда Московское царство, с одной стороны, и государство Шайбанидов (родственников и преемников Мухаммада Шайбани в Мавераннахре), с другой, стали предпринимать энергичные шаги по установлению контроля над различными территориями, ранее входившими в состав Золотой Орды.

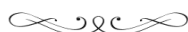
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдиров М.* Хан Кучум: известный и неизвестный. Алматы: Жалын, 1996. 176 с.
2. *Алексеев А.К.* Йаса и ислам: особая модель функционирования административно-правовых институтов ханств Мавераннахра // Рахматнаме: Сб. статей к 70-летию Р.Р. Рахимова. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С. 37–46.
3. *Ахмедов Б.А.* Государство кочевых узбеков. М.: Наука, 1965. 196 с.
4. *Ахмедов Б.А.* История Балха (XVI – первая половина XVIII в.). Ташкент: Фан, 1982. 296 с.
5. *Беннигсен А., Лемерсье-Келькеже Ш.* Крымское ханство в начале XVI века: от монгольской традиции к османскому сюзеренитету по неопубликованному документу из Османского архива // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. С. 68–85.
6. *Бустанов А.К.* Рукопись в контексте сибирского ислама // Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Белич И.В. Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. М.: ИД Марджани, 2009. С. 156–192.
7. *Гайворонский О.* Повелители двух материков. Т. I: Крымские ханы XV–XVI столетий и борьба за наследство Великой Орды. Киев; Бахчисарай: Оранта, 2007. 368 с.
8. *Григорьев А.П.* Шибаниды на золотоордынском престоле // Востоковедение. 1985. Вып. 11. С. 160–182.
9. Документы по истории Волго-Уральского региона из древлехранилищ Турции: Сб. документов / Сост. И.А. Мустакимов. Казань: Гасыр, 2008. 464 с.
10. *Зайцев И.В.* Астраханское ханство / 2-е изд., испр. М.: Восточная литература, 2006. 303 с.
11. *Зайцев И.В.* Крымское ханство: вассалитет или независимость? // Османский мир и османистика: Сб. статей к столетию со дня рождения А.С. Тверитиновой (1910–1973). М.: ИВ РАН, 2010. С. 288–296.
12. *Исхаков Д.М.* Введение в историю Сибирского ханства. Очерки. Казань: Институт истории АН РТ, 2006. 196 с.
13. *Исхаков Д.М.* К проблеме этнических и политических связей тюрок Западной Сибири и Волго-Уральского региона в XV в. // Тюркские народы: материалы V Сибирского симпозиума. Тобольск; Омск, 2002. С. 173–181.

14. *Исхаков Д.М.* Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань: Татарское книжное изд-во, 2009. 144 с.
15. *Катанов Н.Ф.* О религиозных войнах шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири // Ежегодник Тобольского Губернского музея. 1904. Вып. XIV. С. 18–28.
16. *Кюгельген А. фон.* Легитимация среднеазиатской династии Мангитов в произведениях их историков (XVIII–XIX вв.). Алматы: Дайк-Пресс, 2004. 516 с.
17. *Лунев Ю.Ф.* Государство и право узбекских ханств с XVI по XIX века. М.: АСТ, 2004. 216 с.
18. *Маслюженко Д.Н.* Легитимизация Тюменского ханства во внешнеполитической деятельности Ибрахим-хана (вторая половина XV в.) // Тюркологический сборник 2007–2008. История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М.: Восточная литература, 2009. С. 237–257.
19. Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата: Наука, 1969. 651 с.
20. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Ногаями и Турцией, часть 2-ая (годы с 1508 по 1521) // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 95. СПб., 1895. 706 с. + 108 стб.
21. *Почекаев Р.Ю.* Административная реформа хана Узбека: предпосылки, содержание, последствия // Золотоордынская цивилизация. Вып. 6. Казань, 2013. С. 195–204.
22. *Почекаев Р. Ю.* К вопросу об административном устройстве Золотой Орды и пост-ордынских государств: особенности управления оседлым и кочевым населением // Сибирский сборник – 3. Народы Евразии в составе двух империй: Российской и Монгольской. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 176–186.
23. *Почекаев Р.Ю.* Роль «чингизизма» в политико-правовом развитии тюрко-монгольских государств XIII–XV вв. (историко-правовой комментарий к концепции В.П. Юдина) // Восточная Европа в древности и средневековье. XXIII чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. Москва, 19–21 апреля 2011 г. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 232–236.
24. *Почекаев Р.Ю., Абзалов Л.Ф.* Почему чиновничество Золотой Орды не стало бюрократией? // Научный Татарстан. Гуманитарные науки. 2010. № 4. С. 144–154.

25. *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Османской империи в XVIII в. до присоединения его к России. М.: Рубежи XXI, 2005. 544 с.
26. Сочинение Ма'суда бен Османи Кухистани «Тарихи Абулхалир-хани» / Пер., коммент. К.С. Ибрагимов // Известия АН Казахской ССР. Серия истории, археологии и этнографии. № 3 (8). Алма-Ата, 1958. С. 85–102.
27. *Султанов Т.И.* Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М.: АСТ, 2006. 445 с.
28. *Сыроечковский В.Е.* Мухаммед-Герай и его вассалы // Ученые записки Московского государственного университета. Вып. LXI. 1940. С. 3–71.
29. *Трепавлов В.В.* Государственный строй Монгольской империи XIII в. (проблема исторической преемственности). М.: Восточная литература, 1993. 168 с.
30. *Трепавлов В.В.* Джучиев улус в XV–XVI вв.: инерция единства // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». 17 марта 2009 г. Сб. статей. Вып. 1. Казань: Фэн, 2009. С. 11–15.
31. *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М.: Восточная литература, 2001. 752 с.
32. *Фазлаллах ибн Рузбихан Исфাহани.* Михман-наме-йи Бухара («Записки бухарского гостя») / Пер., пред., прим. Р.П. Джалиловой. М., 1976. 200 с. + 210 л.
33. *Шихабуддин Марджани.* Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара (Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар) / Пер. со старо-тат. Р.К. Адыгамова. Ч. 1. Казань: Иман, 2005. 200 с.
34. *Экаев О.* Туркменистан и туркмены в конце XV – первой половине XVI в. По данным «Алам ара-и Сефеви». Ашхабад: Ыльым, 1981. 141 с.
35. *Юдин В.П.* Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Алма-Ата, 1992. С. 14–56.
36. *Collins L.* On the Alleged «Destruction» of the Great Horde // Manzikert to Lepanto: The Byzantine World and the Turks, 1071–1571 / Ed. by A. Bryer, M. Ursinus. Amsterdam, 1991 (Byzantinische Forschungen. Bd. XVI. 1991). P. 361–399.

Сведения об авторе: Роман Юлианович Почекаев – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге (190008, ул. Союза Печатников, 16, Санкт-Петербург); gorot@mail.ru



Two attempts to restore the Golden Horde at the beginning of the 16th c. (political and legal aspects)

Roman Pochekaev

*(National Research University Higher School of Economics,
St. Petersburg)*

Abstract. The article is devoted to analysis of political activity of Uzbek Khan Muhammad Sheybany and the Crimean Khan Muhammad Giray I at the beginning of the 16th c. The author examines politics of two khans using historical-legal approach and concentrated on the analysis of administrative system established by both monarchs, their relations with other rulers of former Golden Horde territories. As a result, he concludes that both khans positioned themselves as legitimate heirs and successors of the disintegrated Golden Horde and attempted to restore this state as they were not satisfied by the control of certain regions of the former empire. Despite of the fact that Muhammad Sheybany acted from the east of the Jochid Empire and Muhammad Giray from the West, both used the same political and legal methods to take under their own control former possessions of Jochids, including central regions of the Golden Horde – Volga and Ural ones. Although they declared restoration of the former empire, we shouldn't consider their activity as attempts to «throwback»: both leaders understood clearly that political situation and legal system were changed and tried to construct their power in accordance with new realities.

Keywords: Golden Horde, the Crimean Khanate, «state of nomadic Uzbeks», Girays, Sheybanids, vassalage, co-rule, traditional state, traditional law, Mohammedan law.

REFERENCES

1. Abdirov M. *Khan Kuchum: izvestnyy i neizvestnyy* [Khan Kuchum: Known and Unknown]. Almaty, Zhalyyn Publ., 1996. 176 p.
2. Alekseev A.K. Yasa i islam: osobaya model' funktsionirovaniya administrativno-pravovykh institutov khanstv Maverannakhra [Yasa and Islam: Specific Model of Functioning of Administrative and Legal Institutions of Maverannahr Khanates]. *Rakhmat-name*. Sb. statey k 70-letiyu R.R. Rakhimova [Rakhmat-maneh: Collected Works on the occasion of the 70th birth of R.R. Rakhimov]. St. Petersburg, Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences Publ., 2008, pp. 37–46.
3. Akhmedov B.A. *Gosudarstvo kochevykh uzbekov* [State of Nomadic Uzbeks]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 196 p.
4. Akhmedov B.A. *Istoriya Balkha (XVI – pervaya polovina XVIII v.)* [History of Balkh (the 16th – first half of the 18th c.)]. Tashkent, Fan Publ., 1982. 296 p.
5. Bennigsen A., Lemers'e-Kel'kezhe Sh. Krymskoe khanstvo v nachale XVI veka: ot mongol'skoy traditsii k osmanskomu syuzerenitetu po neopublikovannomu dokumentu iz Osmanskogo arkhiva [The Crimean Khanate at the beginning of the XVIc.: from Mongol traditions to Osman's suzerainty, according to unpublished document from the Osman archives]. *Vostochnaya Evropa Srednevekov'ya i rannego Novogo vremeni glazami frantsuzskikh issledovateley* [Eastern Europe in the Middle Ages and at the period of early New Times from the point of view of French researchers]. Kazan, Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Publ., 2009, pp. 68–85.
6. Bustanov A.K. Rukopis' v kontekste sibirskogo islama [Manuscript within the Context of the Siberian Islam]. Seleznev A.G., Selezneva I.A., Belich I.V. *Kul't svyatykh v sibirskom islame: spetsifika universal'nogo* [Cult of Saints in the Siberian Islam: Specifics of the Universal]. Moscow, Mardzhani Publ., 2009, pp. 156–192.
7. Gayvoronskiy O. *Poveliteli dvukh materikov. T. I: Krymskie khany XV–XVI stoletiy i bor'ba za nasledstvo Velikoy Ordy* [Sovereigns of Two Continents: the Crimean Khans of the 15th–16th centuries and Fight for Legacy of the Great Horde]. Kiev; Bakhchisaray, Oranta Publ., 2007. 368 p.
8. Grigor'ev A.P. Shibanidy na zolotoordynskom prestole [Shibanids on the Throne of the Golden Horde]. *Vostokovedenie* [Oriental Studies], 1985, vol. 11, pp. 160–182.
9. Dokumenty po istorii Volgo-Ural'skogo regiona iz drevlekhranilishch Turtsii: Sb. Dokumentov [Documents on the History of Volga-

Ural Region from the Turkish Archives] / Ed. by I.A. Mustakimov. Kazan, Gasyr Publ., 2008. 464 p.

10. Zaytsev I.V. *Astrakhanskoe khanstvo* [Astrakhan Khanate]. Moscow, Vostochnaya literature Publ., 2006. 303 p.

11. Zaytsev I.V. Krymskoe khanstvo: vassalitet ili nezavisimost' [Crimean Khanate: Vassalage or Independence?] *Osmanskiy mir i osmanistika: Sb. statey k stoletiyu so dnya rozhdeniya A.S. Tveritinovoy (1910–1973)* [Ottoman World and Osmanistics: Collected Works on the occasion of the centenary of the birth of A.S. Tveritina]. Moscow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 2010, pp. 288–296.

12. Iskhakov D.M. *Vvedenie v istoriyu Sibirskogo khanstva. Ocherki* [Introduction into the History of the Siberian Khanate: Essays]. Kazan, Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Publ., 2006. 196 p.

13. Iskhakov D.M. K probleme etnicheskikh i politicheskikh svyazey tyurok Zapadnoy Sibiri i Volgo-Ural'skogo regiona v XV v. [On the Problem of Ethnic and Political Ties of Turks of the Western Siberia and Volga-Ural Region in the 15th c.] *Tyurkskie narody: materialy V Sibirskogo simpoziuma* [Turkic Peoples: Proceedings of the 5th Siberian Symposium]. Tobolsk, Omsk, 2002, pp. 173–181.

14. Iskhakov D.M. *Tyurko-tatarskie gosudarstva XV–XVI vv.* [Turkic-Tatar States of the 15th–16th cc.]. Kazan, Tatar publishing house, 2009. 144 p.

15. Katanov N.F. O religioznykh voynakh sheykha Bagauddina protiv inorodtsev Zapadnoy Sibiri On Religious Wars of Shaykh Baghauddin vs. Foreigners in the Western Siberia]. *Ezhegodnik Tobol'skogo Gubernskogo muzeya* [Year-Book of Tobol'sk Regional Museum], 1904, issue XIV, pp. 18–28.

16. Kügelgen A. von. Die Legitimierung der mittelasiatischen Mangitendynastie in den Werken ihrer Historiker [Russ.ed.: Kyugel'gen A. fon. *Legitimatsiya sredneaziatskoy dinastii Mangitov v proizvedenyakh ikh istorikov (XVIII–XIX vv.)*. Almaty, Dayk-Press, 2004. 516 p.].

17. Lunev Yu.F. *Gosudarstvo i pravo uzbekskikh khanstv s XVI po XIX veka* State and Law of Uzbek Khanates since the 16th to the 19th centuries]. Moscow, AST Publ., 2004. 216 p.

18. Maslyuzhenko D.N. Legitimizatsiya Tyumenskogo khanstva vo vneshnepoliticheskoy deyatelnosti Ibrakhim-khana (vtoraya polovina XV v.) [Legitimation of Tyumen Khanate in the Foreign Policy of Khan Ibrahim (second half of the XVth c.)]. *Tyurkologicheskiy sbornik, 2007–2008. Istoriya i kul'tura tyurkskikh narodov Rossii i sopredel'nykh stran* [A collection of works on Turkology]. Moscow, Vostochnaya literature Publ., 2009, pp. 237–257.

19. Materialy po istorii kazakhskikh khanstv XV–XVIII vv. (Izvlечeniya iz persidskikh i tyurkskikh sochineniy) [Materials on History of Kazakh Khanates of the 15th–18th cc. (Extracts from Persian and Turkic works)]. Alma-Ata, 1969. 651 p.

20. Pamyatniki diplomaticeskikh snosheniy Moskovskogo gosudarstva s Krymom, Nogayami i Turtsiey, chast' 2-aya (gody s 1508 po 1521) [Monuments on Diplomatic Relations of the Moscow State with the Crimea, Nogays and Turkey, part 2 (since 1508 to 1521)]. *Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva* [Collected Works of the Imperial Russian Historical Society], vol. 95. St. Petersburg, 1895. 706 p. + 108 stb.

21. Pochekaev R.Yu. Administrativnaya reforma khana Uzbeka: predposylki, soderzhanie, posledstviya [Administrative reform of Uzbek Khan: preconditions, content, consequences]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya – Golden Horde Civilization*. Kazan', 2013, vol. 6, pp. 195–204.

22. Pochekaev R. Yu. K voprosu ob administrativnom ustroystve Zolotoy Ordy i post-ordynskikh gosudarstv: osobennosti upravleniya osedlym i kochevym naseleniem [On administrative system of the Golden Horde and post-Horde states: specific features of governing of sedentary and nomadic peoples]. *Sibirskiy sbornik – 3. Narody Evrazii v sostave dvukh imperiy: Rossiyskoy i Mongol'skoy* [Siberian Collected Works. Vol. 3: Peoples of Eurasia from the Mongol Empire to the Russian one]. St. Petersburg, Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences Publ., 2011, pp. 176–186.

23. Pochekaev R.Yu. Rol' «chingizizma» v politiko-pravovom razvitii tyurko-mongol'skikh gosudarstv XIII–XV vv. (istoriko-pravovoy kommentariy k kontseptsii V.P. Yudina) [The role of «Genghisism» in the political and legal development of the Turkic-Mongol states in the 13th–15th centuries (historical-legal commentary on the conception of V.P. Yudin)]. *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. XXIII chteniya pamyati chlenakorrespondenta AN SSSR V.T. Pashuto. Rannie gosudarstva Evropy i Azii: problemy politogeneza* [Eastern Europe in ancient and medieval times. The 23-d readings on behalf of memory of V.T. Pashuto. Early states of Europe and Asia: problems of political genesis. Moscow, April 19–21, 2011]. Moscow, April 19–21, 2011. Moscow, Institute of the World History of Russian Academy of Sciences Publ., 2011, pp. 232–236.

24. Pochekaev R.Yu., Abzalov L.F. Pochemu chinovnichestvo Zolotoy Ordy ne stalo byurokrateiy? [Why did not the officialdom of the Golden Horde become bureaucracy?] *Nauchnyy Tatarstan. Gumanitarnye nauki – Scientific Tatarstan. Humanities*, 2010, no. 4, pp. 144–154.

25. Smirnov V.D. *Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Ottomanskoy porty v XVIII v. do prisoedineniya ego k Rossii* [The Crimean

Khanate under the Suzerainty of the Ottoman Porte until its Annexation by Russia]. Moscow, Rubezhi XXI Publ., 2005. 544 p.

26. Sochinenie Ma'suda ben Osmani Kukhistani «Tarikhi Abulkhairkhani» / Per., komment. K.S. Ibragimova [Writing «Tarikhi Abulkhairkhani» by Masud b. Osmani Kukhistani / Transl. by K.S. Ibragimov]. *Izvestiya AN Kazakhskoy SSR. Seriya istorii, arkheologii i etnografii* [Proceedings of the Academy of Sciences of Kazakh SSR. Series of History, Archeology and Ethnography], no 3 (8). Alma-Ata, 1958, pp. 85–102.

27. Sultanov T.I. *Chingiz-khan i Chingizidy. Sud'ba i vlast'* [Genghis Khan and Genghisids: Fate and Power]. Moscow, AST Publ., 2006. 445 p.

28. Syroechkovskiy V.E. Mukhammed-Geray i ego vassaly [Mukhammad Giray and His Vassals]. *Uchenye zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the Moscow State University], vol. LXI, 1940, pp. 3–71.

29. Trepavlov V.V. *Gosudarstvennyy stroy Mongol'skoy imperii XIII v. (problema istoricheskoy preemstvennosti)* [Political System of the Mongol Empire: Problems of Historical Continuity]. Moscow, Vostochnaya literature Publ., 1993. 168 p.

30. Trepavlov V.V. Dzhuchiev ulus v XV–XVI vv.: inertsiya edinstva [Jochi Ulus: Inertia of Unity]. *Zolotoordynskoe nasledie. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Politicheskaya i sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Zolotoy Ordy (XIII–XV vv.)». 17 marta 2009 g. Sb. statey* [Golden Horde Legacy. Proceedings of International Scientific Conference «Political and Social-Economical History of the Golden Horde, the 13th–15th centuries». Kazan, March 17, 2009: Collected Works]. Kazan, Fen Publ., 2009, vol. 1, pp. 11–15.

31. Trepavlov V.V. *Istoriya Nogayskoy Ordy* [History of Nogay Horde]. Moscow, Vostochnaya literature Publ., 2001. 752 p.

32. Fazlallakh ibn Ruzbikhan Isfakhani. *Mikhman-name-yi Bukhara («Zapiski bukharskogo gostya»)* [Notes of a Guest from Bukhara] / Transl. by R.P. Dzhalilova. Moscow, Nauka Publ., 1976. 200 p. + 210 l.

33. Shikhabuddin Mardzhani. *Iz vlechenie vestey o sostoyanii Kazani i Bulgara (Mustafad al-akhbar fi akhvali Kazan va Bulgar)* [Extracts of news on situation in Kazan and Bulgar] / Transl. from Old Tatar by R.K. Adygamov. Part 1. Kazan, Iman Publ., 2005. 200 p.

34. Ekaev O. *Turkmenistan i turkmeny v kontse XV – pervoy polovine XVI v. Po dannym «Alam ara-i Sefevi»* » [Turkmenistan and Turkmen at the end of the 15th – first half of the 16th c. based on «Alam ara-yi Safavi»]. Ashkhabad, Ylym Publ., 1981. 141 p.

Две попытки восстановления Золотой Орды в первой четверти XVI в. ...

35. Yudin V.P. Ordy: Belaya, Sinyaya, Seraya, Zolotaya... [White, Blue, Grey, Golden Hordes...]. *Utemish-khadzhi. Chingiz-name*. Alma-Ata, 1992, pp. 14–56.

36. Collins L. On the Alleged «Destruction» of the Great Horde. *Manzikert to Lepanto: The Byzantine World and the Turks, 1071–1571* / Ed. by A. Bryer, Moscow Ursinus. Amsterdam, 1991 (Byzantinische Forschungen. Bd. XVI. 1991), pp. 361–399.

About the author: Roman Yulianovich Pochekaev – Cand. Sci. (Law), associate professor, head of the Department of theory and history of law and state, National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg branch (scientific degree) (190008, Soyuzna Pechatnikov str., 16, St. Petersburg); ropot@mail.ru

УДК 94:331.556(477.75)"19"

Государственная переселенческая программа в Крыму (1944–1976) как демографический фактор

Эльвина Сеитова

(Крымский инженерно-педагогический университет)

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению истории реализации государственной переселенческой программы, которая началась в 1944 г. и продолжилась до 1976 г. – процессу, который является ключевым в послевоенной истории Крыма. Даны причины заселения полуострова, выделены периоды, охарактеризована система льгот и привилегий для вновь прибывших, уделено внимание факту массового обратничества на первом этапе заселения. Отдельно показан ход реформирования дела переселения с целью увеличения его эффективности.

Ключевые слова: Крым, историческая демография, переселение, переселенцы, миграция.

Исторический процесс – это совокупность множества крупных и не столь значительных событий, он состоит из политической истории, истории войн, экономической, социальной составляющей и пр. Особое место в этом спектре принадлежит исторической демографии, так как она интегрирует и изучает все имеющиеся знания о народонаселении в разные периоды, раскрывает исторические закономерности воспроизводства населения. Раскрывая ту или иную эпоху, непременно нужно оговаривать и демографические характеристики, так как порой их роль в различных исторических обстоятельствах бывает решающей. Помимо этого, для того, чтобы осознать каким будет общество завтра, спрогнозировать ключевые демографические тенденции, необходимо знать, какие процессы, связанные с изменением народонаселения, происходили в прошлом и работают сейчас.

Прежде чем перейти к основному содержанию статьи, необходимо остановиться на стержневых категориях и их наполнении. Итак, под народонаселением понимается совокупность людей, осуществляющих жизнедеятельность в рамках определенного общества и находящихся в постоянном развитии. При этом развитие выражается не только в динамике количественных показателей, но и в изменении качественных характеристик на каждом историческом этапе развития общества.

Население имеет свои признаки, которые делятся на абсолютные и относительные. Абсолютные признаки – это те, которыми обладает человек независимо от существования других людей (пол, возраст, этническая принадлежность и др.). Относительные признаки – это свойства индивидов, вытекающие из их определенного положения по отношению к другим людям (уровень образования, служебное положение, гражданство и др.). Данные признаки можно условно разделить на следующие: демографические, географические, биологические, экономические, культурные, социальные.

В структуре знаний о народонаселении демография имеет решающее значение. Ведь именно она исследует закономерности воспроизводства народонаселения. Сама категория «воспроизводство» имеет две трактовки. В узком понимании – это процессы рождаемости и смертности. В широком – воспроизводство населения осуществляется в единстве трех видов движения населения – естественного (рождения и смерти), механического (движение населения по территории) и социального (изменение общественного положения).

В структуре демографических наук важнейшей составляющей является историческая демография как наука, которая изучает исторические предпосылки, закономерности и характер развития народонаселения, взаимосвязи способа производства и демографических процессов. Важно оговорить, что историческая демография отнюдь не перестает быть частью исторической науки. Даже, напротив, историческая демография есть ключевая составляющая изучения общественно-исторических процессов в ретроспективе.

В связи с тем, что сферой нашего научного интереса являются примеры принудительной миграции в СССР, рассмотрим теоретическую составляющую этого процесса.

Термин «демографическая политика», как социальная политика, в общем, не имеет однозначной трактовки. Традиционно она воспринимается как «определенная деятельность государства, целью которой является изменение демографических параметров развития населения и режима его воспроизведения» [7, с. 3]. Советской номенклатурой демографическая политика трактовалась как составной элемент социально-экономической политики в целом. Именно социально-экономические процессы через ряд механизмов формировали ту или иную интенсивность развития населения, темпы и пропорции его изменений [3, с. 211]. В течение послевоенных десятилетий типы движения населения, их динамика, направления, структура миграционных потоков в СССР определялись и поддерживались экстенсивной экономической политикой [11, с. 42].

Советские демографы-теоретики определяли демографическую политику, как совокупность мероприятий, регулирующих демографические процессы в интересах общества в целом и каждого его члена в отдельности. Она представлялась как элемент политики народонаселения, содержание которой слагалось из трех основных направлений:

- воздействие на социальную мобильность для достижения наиболее желательной структуры общества путем поощрения перехода населения из одной социальной группы в другую;
- воздействие на процессы, определяющие характер естественного возобновления поколений – рождаемость и смертность;
- влияние на перемещение людей из одних регионов в другие [4, с. 9–10].

Планирование движения населения (рабочей силы) в СССР представлялось как объективная необходимость. При этом реализация этого процесса могла достигаться лишь при соответствующих изменениях жизненных условий людей. Целенаправленное вмешательство государства было возможно лишь по отношению к какой-то части мигрирующего контингента. Этот процесс эффективнее всего мог мотивироваться, прежде всего, экономическими привилегиями [9, с. 47].

В свою очередь основными социально-экономическими функциями миграции являлись: во-первых, обеспечение количественного и качественного соответствия между требуемым и наличным составом рабочей силы, как в городе, так и деревне. Во-вторых, содействие более полной реализации способностей и социально-профессиональному развитию сельских жителей [9, с. 48–49].

Для соответствующего межрайонного перераспределения трудовых ресурсов использовались разнообразные экономические рычаги, а также обращение к «патриотической сознательности». Помимо этого по своим мотивам и по своему характеру движение населения в СССР отличалось от дореволюционных переселений. Если ранее перемещения имели стихийный характер, то с введением жесткого планирования они стали более плановыми [8, с. 77].

Способы управления демографической политикой в СССР условно делятся на три группы:

– экономические: выплаты разного рода поощрительных вознаграждений при переезде в должном направлении, установление повышенных ставок заработной платы в районах «въезда» мигрантов, ускоренное развитие жилищного и бытового строительства, создание рабочих мест для «вторых» членов семьи, главным образом женщин.

– административно-юридические: законодательное запрещение или разрешение перемещения в те или иные части страны. Относительно социальной мобильности эти меры могли состоять из разного рода льгот для определенных социальных групп или приеме на учебу, в распределении общественных фондов и некоторых других акций такого же плана.

– способы социально-психологического воздействия слагаются из использования средств массовой информации – печати, радио, телевидения, а также всех видов искусства в целях регулирования движением населения [8, с. 93–94].

Классификация принудительных миграций в СССР выглядит следующим образом.

I. По социальному признаку: раскулачивание (1919–1920, 1930–1933 гг.), выселение «дворян» (1935 г.).

II. По этническому признаку: в порядке «политической подготовки театра военных действий» и «зачистки границ» (тотальные, частичные). Тотальные депортации «наказанных народов» (превентивные, депортации «возмездия»). Компенсирующие миграции. Принудительная оседлость.

III. По конфессиональному признаку: конфессии в целом, духовенство разных конфессий.

IV. По политическому признаку: члены запрещенных партий и организаций, члены семей врагов народа, «социально опасные» элементы, договорные репатрианты, иностранные подданные.

V. Военнопленные: военнопленные, гражданские интернированные.

VI. Осужденные: политические (узники совести), уголовные.

VII. Плановые переселения и переселения «по призыву»: в отдаленные и неосвоенные районы; с гор на «плоскость»; вследствие военного, промышленного, энергетического и других видов строительства; переселения «демобилизированных».

VIII. Эвакуированные (резвакуированные), беженцы, добровольные репатрианты: в результате военных действий, геноцида, межэтнических и межконфессиональных конфликтов, вследствие стихийных бедствий и экологических катастроф [10, с. 47].

В целом переселения разделяют на: планируемые, нецентрализованно планируемые и самостоятельные [2, с. 24].

Крым, ввиду целого ряда причин и обстоятельств, является крайне активным с демографической точки зрения регионом. Наш край, особенно в последние несколько веков, подвергался значительным демографическим «встряскам». В рамках данной статьи, остановимся на ключевом в послевоенной истории Крыма процессе – государственной переселенческой программе.

Согласно последней предвоенной переписи 1939 г. общее население региона составляло 1126429 человек [13, с. 9]. Мобилизации в армию, эвакуация населения, проведенная в 1941 г. и 1942 г., насильственное выселение граждан немецкой национальности в августе 1941 г., а затем крымских татар, армян, болгар и греков в мае–июне 1944 г., уничтожение оккупантами десятков тысяч жителей полуострова привело к тому, что население Крыма к лету 1944 г. сократилось до 379 тыс. человек [5, с. 203]. В бывших крымскотатарских селах вообще не осталось жителей,

особенно в Алуштинском, Бахчисарайском, Карасубазарском, Куйбышевском, Судакском районах [6, с. 142].

11 декабря 1944 г. Совнарком Крымской АССР обратился в ЦК ВКП(б) с просьбой переименовать районы, населявшиеся преимущественно крымскими татарами и немцами. По указанию ЦК ВКП(б) Президиум Верховного Совета РСФСР постановил переименовать: Ак-Мечетский район в Черноморский; Ак-Шейхский – в Раздольненский; Биюк-Онларский – в Октябрьский; Ичкинский – в Советский; Карасубазарский – в Белогорский; Коллайский – в Азовский; Лариндорфский – в Первомайский; Маяк-Салынский – в Приморский; Сейтлерский – в Нижнегорский; Тельманский – в Красногвардейский; Фрайдорфский – в Новоселовский.

Резкое уменьшение численности населения в Крымской АССР, депортация привели соответственно и к изменению социально-политического статуса автономии. Так, 30 июня 1945 г. последовал указ Президиума Верховного Совета СССР о преобразовании Крымской АССР в Крымскую область в составе РСФСР [1, с. 183].

В опустевшие сельские районы по решению Президиума Верховного Совета и Совнаркома Крымской АССР сразу же было направлено 15 тыс. человек из городов Крыма. А уже 12 августа 1944 г. Государственный Комитет Обороны СССР принял постановление «О переселении колхозников в районы Крыма». В свою очередь Совет Народных Комиссаров Крымской АССР и областного комитета ВКП(б) приняли 18 августа постановление «О заселении Ялтинского, Алуштинского, Судакского, Старо-Крымского, Карасубазарского, Бахчисарайского, Балаклавского и Куйбышевского районов Крымской АССР» [12]. Помимо этого шла подготовка к приему населения, насильно угнанного оккупантами в Германию. 20 марта 1945 г. Совнарком АССР принял специальное постановление «О приеме и размещении репатрируемого населения». На эти цели было выделено 5764 тыс. руб. Во второй половине 1944–1945 гг. часть крымчан возвратилась из эвакуации. Начали прибывать кадры по государственным и комсомольским мобилизациям. Так, к 1 сентября 1945 г. в Крыму проживало 589 тыс. человек, в том числе в городах – 281 тыс., в селах – 308 тыс. человек [1, с. 183].

Однако, по мнению советского правительства, решить демографический коллапс в Крыму можно было реализовав масштабную государственную переселенческую программу, которая в итоге растянулась на долгих три десятилетия.

В истории послевоенной трудовой миграции в Крым нами выделено три основных периода:

1) 1944–1953 – начало заселения полуострова. Для этого периода характерна крайне низкая эффективность организации переселения. Трудовая миграция в Крым началась в ходе Второй мировой войны. Это объясняет отсутствие тщательной подготовки переселенческих мероприятий. И привело к тому, что организация заселения на начальном этапе была практически провалена. Первые новоселы заселялись в домах только депортированных людей. Вновь прибывших организовано не встречали, не проводились собрания, не велась индивидуальная работа. Людей на полуостров отправляли главным образом из сельскохозяйственных районов, а местные власти в этот период заселяли преимущественно полностью обезлюженные южнобережные районы, работа в которых требовала определенной трудовой специализации. Для того, чтобы обучиться новым видам деятельности не давали времени. В итоге 56% из первой волны переселенцев, прибывших из Брянской, Воронежской, Орловской областей, Краснодарского края, Курской, Ростовской областей, отчасти и УССР (Винницкая, Житомирская, Киевская области), к 1948 г. выбыли из Крыма.

2) 1954–1964 гг. – Крым передается в состав УССР. Организация трудовой миграции переводится в ведение правительства УССР и, соответственно, основной поток переселенцев прибывал на полуостров из густонаселенных областей Украины (Винницкая, Волынская, Дрогобычская, Киевская, Житомирская, Львовская, Полтавская, Ровенская, Тернопольская, Черниговская, Черновицкая, Хмельницкая). В данный период новоселов заселяли в 24 района Крымской области. Особенностью этого этапа стало изменение отношения к переселенцам: местные руководители уделяли основное внимание делу закрепления вновь прибывших людей. Они получали финансовую, хозяйственную помощь; развернулась переселенческая строительная программа; новоселы проходили курсы переобучения новым специальностям. Благода-

ря предпринятым мерам процент самовольного выбытия населения значительно сократился. В разные годы он колебался, так, в 1958 г. он составлял около 16%, но в целом не смогли закрепиться в регионе приблизительно 8% прибывших.

3) 1965–1976 гг. – этап отличается отработанной схемой движения населения. Более тщательно подходили к выбору переселенческого контингента (требуемые показатели были прописаны в специальной Инструкции); значительное внимание уделялось строительству типовых жилых помещений для новоселов. Так, за 60–70 гг. XX века рост населения в Крыму составил 40,3%, трудовые ресурсы возросли на 60,1%. При этом в формировании численности населения механический прирост превышал естественный, в течение третьего периода он составлял 72,3% от общего прироста населения.

В 1976 г. Областной отдел по использованию трудовых ресурсов Исполнительного комитета Крымского областного совета депутатов трудящихся решил, что одним из действенных способов оптимизации использования трудовых ресурсов должно быть внутриобластное переселение семей из городов, рабочих поселков и райцентров Крымской области, а также семей, прибывших из других регионов страны по приглашению хозяйств, у которых был установлен соответствующий план. Тем самым, плановая организация трудовой миграции в Крым из других областей в 1976 г. была завершена.

Система льгот, которая предоставлялась новоселам, стала определяющим для закрепления их на новых землях. Государство взяло на себя все расходы, связанные с перевозкой людей и их имущества; выдавалось единовременное пособие в размере 2500 рублей на каждую семью; предоставлялась ссуда на хозяйственное обзаведение и иные нужды в размере 5000 рублей, погасить которую можно было в течение 5 лет; новоселы освобождались на год от всех государственных денежных налогов, страховых платежей и от поставок государству сельскохозяйственных продуктов и продуктов животноводства; предоставлялись кредиты на строительство домов; переселенцам выдавались сельскохозяйственные продукты и скот взамен сданных ими в местах прежнего жительства. Особую роль в деле закрепления людей на новых местах жительства сыграла строительная программа. Если в пер-

вые годы заселения Крыма трудовых мигрантов расселяли в домах депортированных граждан, то со временем стали возводить типовые жилые постройки, которые строились вначале бессистемно, а затем в соответствии с перспективными планами. В крымских переселенческих колхозах и совхозах возводились дома по типовому проекту М-2-К, а с конца 60-х годов – М-3-К – улучшенных размеров и более комфортабельные.

Благодаря государственной переселенческой программе, в Крым люди переезжали, в том числе, и добровольно, то есть, не включаясь в переселенческие списки в местах выхода, а просто переезжая, и уже в местах вселения оформляясь как переселенцы.

Государственные структуры, руководившие переселением – (Главное) Переселенческое управление при Совете Народных Комиссаров (Совете Министров) РСФСР, Главное управление по организованному набору работников и переселению семей при Совете Министров УССР – часто реорганизовывались. Основными звеньями по реализации программы трудовой миграции были переселенческие отделы, которые вели прием, регистрацию новоселов, обеспечивали их хозяйственное устройство, оказывали им материальную помощь. С 1944 г. этим процессом в Крыму руководил Республиканский переселенческий отдел при Совете Народных Комиссаров Крымской АССР. Структура часто реформировалась. На исходе изучаемого периода действовал Крымский (областной) отдел по использованию трудовых ресурсов Исполнительного комитета Крымского областного совета депутатов трудящихся.

Таким образом, СССР в своей демографической политике отдавало предпочтение «ручному управлению». Огромные массы населения по решению правительства и специальных органов снимались со своих мест и вынуждены были перемещаться в другие регионы. Этот процесс можно разделить на две большие составляющие. Во-первых, перемещения больших масс населения в качестве репрессивной меры. И, во-вторых, перемещения групп людей ввиду социально-экономической необходимости. Во втором случае (по крайней мере формально) говорилось о добровольном переселении. Но это не всегда соответствовало действительности. Районы и области выхода получали планы по набору населения на переселение. Они, в свою очередь, эти планы обяза-

ны были выполнены. Очень часто в переселенческих списках оказывались люди, которые вообще не желали себе и своей семье такой судьбы. Хуже того, в случае нехватки переселенческого контингента, руководители районов (не желая лишаться качественного трудового ресурса) оформляли самых неблагонадежных. Ситуация менялась с улучшением качества приема переселенцев. Тогда миграционный поток формировался без лишнего давления.

Реализация переселенческой программы на территории Крыма в 1944–1976 гг. в значительной мере изменила этносоциальную палитру полуострова. Практика плановой регуляции демографического процесса со стороны советского государства кардинально поменяла и ход истории Крыма, и судьбы сотен тысяч отдельных людей. Переселенцы с различных областей Советского Союза, прибывшие на Крымский полуостров с середины XX века, обусловили этнический облик края. Регион оформился как переселенческий с абсолютным преобладанием славянского населения. Согласно переписи 1979 г. численность населения Крымской области составляла 2135916 человек [13, с. 11]. Из которых 68,4% были русские, 25,6% – украинцы, 2% – белорусы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Акулов М.Р.* Восстановительные работы в Крыму в 1944–1945 годы // Отечественная история. 1993. № 1. С. 182–190.
2. *Борисов В.А.* Демография. М.: Nota bene, 1999. 269 с.
3. *Валентей Д.И.* Основы демографии. М.: Мысль, 1978. 260 с.
4. *Валентей Д.И.* Политика народонаселения и ее составляющие // Демографическая политика: Сборник статей / Под ред. В.С. Стешенко, В.П. Пискунова. М.: Статистика, 1974. С. 4–18.
5. *Верменич Я.В.* Адміністративно-територіальний устрій України: еволюція, сучасний стан, проблеми реформування: у 2 ч. К., 2009. Ч. 2. 367 с.
6. *Корниенко А.Ж.* Динамика этнического состава населения Автономной Республики Крым // XI Таврические научные чтения, 28 мая 2010 г.: сб. матер.: в 2 ч. Симферополь, 2011. Ч. 1. С. 140–147.
7. *Макарова О.В.* Демографічна політика: сучасні реалії та перспективи // Демографія та соціальна економіка. 2007. №1. С. 3–12.
8. Марксистско-ленинская теория народонаселения / Под ред. Д.И. Валентея. М.: Мысль, 1974. 198 с.

9. Миграция сельского населения / Под ред. Т.И. Заславской. М.: Мысль, 1970. 348 с.
10. *Полян П.М.* Не по своей воле: история и география принудительных миграций в СССР. М.: Мемориал, 2001. 302 с.
11. *Прибыткова И.* Хроники миграционных событий в Украине до и после распада СССР // Социология: теория, методы, маркетинг. 2009. № 1. С. 41–77.
12. *Сеитова Э.И.* Миграционные процессы в Крыму в 1944–1953 годах: к постановке проблемы // Актуальні питання історії науки і техніки: матеріали 8-ї Всеукраїнської наукової конференції. К., 2009. С. 49–51.
13. Этническая история Крыма в таблицах, картосхемах и диаграммах (по данным переписей населения): информационно-справочное пособие. Симферополь: Антиква, 2007. 20 с.

Сведения об авторе: Эльвина Изетовна Сеитова – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры истории, Крымский инженерно-педагогический университет (295015, переулок Учебный, 8, г. Симферополь, Крым); elvina_seitova@mail.ru



Government resettlement program in the Crimea (1944–1976) as the demographic factor

Elvina Seitova

(Crimean Engineering and Pedagogical University)

Abstract. In this article the history of the post-war settling of Crimea with a new, mainly collective-farm population, is considered. The reconstruction of the course and methods of an artificial government by demographic processes on the peninsula are made. A characteristic of key problems of organization of a mass movement of people from various areas, the regions of RSFSR and the USSR to regions in Crimea is given. Special attention is paid to the implementation of construction plans and specifics of granting privileges for new settlers. The main results of the implementation of the resettlement programs are defined – the ethno-social outline of the region was strikingly reshaped.

Государственная переселенческая программа в Крыму (1944–1976) ...

Keywords: Crimea, historical demography, resettlement, migrants, migration

REFERENCES

1. Akulov M. R. Vosstanovitel'nye raboty v Krymu v 1944–1945 gody [Restoration works in Crimea]. *Otechestvennaya istoriya – The history of native land*. 1993, no. 1, pp. 182–190.
2. Borisov V.A. *Demografiya* [Demography]. Moscow, Nota bene Publ., 1999. 269 p.
3. Valentey D.I. *Osnovy demografii* [The basis of demography]. Moscow, Mysl' Publ., 1978. 260 p.
4. Valentey D.I. Politika narodonaseleniya i ee sostavlyayushchie [The policy of democracy and its components]. *Demograficheskaya politika: Sbornik statey* [Demographic politics. A collection of works]. Ed. V.S. Steshenko, V.P. Piskunov. Moscow, Statistika Publ., 1974, pp. 4–18.
5. Vermenich Ya.V. *Administrativno-teritorial'nyy ustroystvo Ukraini: evolyutsiya, suchasniy stan, problemi reformuvannya* [Administrative-territorial structure of Ukraine: evolution, present day condition, problems of reformation]: u 2 chastinach. Kiev, 2009, part 2. 367 p.
6. Kornienko A.Zh. Dinamika etnicheskogo sostava naseleniya Avtonomnoy Respubliki Krym [Dynamics of ethnic structure of Autonomous Republic of Crimea]. *XI Tavricheskie nauchnye chteniya, 28 maya 2010 goda: sbornik materialov* [Tavrida scientific readings. May 28, 2010. Collection of materials]: v 2 chastyach. Simferopol, 2011. Part 1, pp. 140–147.
7. Makarova O.V. Demografichna politika: suchasni realii ta perspektivi [Demographic politics; modern realities and perspectives]. *Demografiya ta sotsial'na ekonomika* [Demography and social economy], 2007, no. 1, pp. 3–12.
8. Marksistsko-leninskaya teoriya narodonaseleniya [Marxism-Leninism theory of democracy]. Ed. D.I Valentey. Moscow, Mysl' Publ., 1974. 198 p.
9. Migratsiya sel'skogo naseleniya. Ed. T.I. Zaslavskaya. Moscow, Mysl' Publ., 1970. 348 p.
10. Polyani P.M. *Ne po svoey vole: istoriya i geografiya prinuditel'nykh migratsiy v SSSR* [Not on their own will: history and geography of forced migration]. Moscow, Memorial Publ., 2001. 302 p.
11. Pribytkova I. Khroniki migratsionnykh sobytii v Ukraine do i posle raspada SSSR [Chronology of migration events in Ukraine before and after disintegration of the Soviet Union]. *Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing* [Sociology, theory, methods, marketing], 2009, no. 1, pp. 41–77.

12. Seitova E.I. Migratsionnye protsessy v Krymu v 1944–1953 godakh: k postanovke problemy [Migration processes in the Crimea in 1944–1953; to put the problem]. *Aktual'ni pitannya istorii nauki i tekhniki: materialy 8-i Vseukraïns'koï naukovoï konferentsii* [Actual problems of science and technique: materials of all Ukrainian scientific conference]. Kiev, 2009, pp. 49–51.

13. Etnicheskaya istoriya Kryma v tablitsakh, kartoskhemakh i diagrammakh (po dannym perepisey naseleniya): informatsionno-spravochnoe posobie [Ethnic history of the Crimea in tables, map schemes and diagrams]. Simferopol, Antikva Publ., 2007. 20 p.

About the author: Elvina Izetovna Seitova – Cand. Sci. (History), lecturer of the Department of History, Crimean Engineering and Pedagogical University (295015, Uchebnyy lane, 8, Simferopol, Crimea); elvina_seitova@mail.ru

УДК 304

Memory, History and Coexistence in Crimea

Greta Lynn Uehling

(University of Michigan, USA)

Abstract. The repatriation of the Crimean Tatars to their historic homeland in Crimea after the disintegration of the Soviet Union created an opportunity to publically commemorate the Crimean Tatar past. At the same time, various practices of commemoration raised tensions. Foucaultian genealogy offers a useful framework for fully appreciating these developments as the emergence of counter-history and counter-memory. The approach of attempting to resolve conflicting perspectives by creating a single, synthesized version of the past is likely to cause more pressure. By contrast, a meliorating one, in which there is a continual reevaluation of multiple perspectives, is more promising.

Keywords: counter-history, counter-memory, cultural memory, truth and reconciliation.

The repatriation of the Crimean Tatars to their historic homeland in Crimea after the disintegration of the Soviet Union created an opportunity to publically commemorate the Crimean Tatar past. Newly independent Ukraine provided a setting where the previously silenced personal recollections could find expression in paintings, books, and documentary films. The indigenous Tatars, who had been ethnically cleansed from the landscape following deportation, not only returned, but were able to erect monuments to political and cultural heroes, tend ancestors' graves, and restore some of the sacred mosques and medrese. Gradually, Crimean Tatars began to fill the «blank pages» in history [6, p. 151] resulting from decades of Soviet silencing. To a certain extent, the government of newly independent Ukraine cooperated in this process: the 1944 deportation was briefly mentioned in Ukrainian history books, historical programs ran on television (*Tarih Sedasi*) and perhaps most importantly, a day of memory to commemo-

rate the 1944 deportation was permitted each year in Simferopol's Lenin Square.

Foucaultian genealogy offers a useful framework for fully appreciating these developments as the emergence of *counter-history* and *counter-memory* [2, p. 7]. This theoretical approach places practices of recollecting and commemorating in the context of power relations and encourages us to think not only about the content of history making, but the surrounding *practices*: how previously suppressed knowledge is recovered, by whom, and with what effects. The creation of counter-histories brings to light experiences and narratives that have not (yet) been integrated in official histories. While state-sanctioned histories help maintain political unity by imposing a singular interpretation on a shared past, counter-histories undo the silences, suggest alternative interpretations, and have creative, emancipatory potential. As Medina writes, «Becoming sensitive to discursive exclusions and training ourselves to listen to silences is what makes possible the insurrection of subjugated knowledges, it enables us to tap into the critical potential of demeaned and obstructed forms of power/knowledge by paying attention to the lives, experiences and discursive practices ...» [8, p. 17].

The incorporation of counter-memories and counter-histories in Crimea has not been a smooth or simple process. Not everyone was accepting of the Crimean Tatars' repatriation. In fact, even as Crimean Tatars were able to reinscribe their presence on the landscape, that same landscape was marked with suspicion and distrust. The hostility against Crimean Tatars has included vandalism of Crimean Tatar cemeteries and memorials in Zaprudnoe, Zuya. Saki, Bakhchisaray, Nizhnegorsk and countless other locales. The Foundation for Research and Support of Indigenous Peoples that monitors these activities concluded vandalism is more the rule than the exception [3].

In this article, I focus on the annual commemoration of the 1944 deportation because it raises important counter-memories, and, as a central commemorative event, is a source of social tension. The commemorative activities bring tens of thousands of Crimean Tatars into the central square on May 18th every year. As Abdulaev notes, in the weeks and days preceding the gathering, anti-Tatar articles become prominent in the mass media [1, p. 1]. Hate speech against Crimean Tatars also infects social media like Facebook. In 2013, the hostility

reached an apex when Russia's General Consul made hostile statements against the Crimean Tatars on public television¹. This dialectic, in which public commemoration sparks negative sentiments and the negative sentiments reinforce the desire for commemoration, calls for reflection. What exactly are a society's choices for affording space to groups for public commemoration?

One famous and much-quoted reflection on this topic comes from George Santayana who wrote, «Those who cannot remember the past are condemned to repeat it» [9, p. 397]. This is a widespread sentiment in Ukraine. In the social sciences, a great deal of research exploring how acts of commemoration and memorialization help to weave the social fabric has certainly been inspired by this idea. In politics, over 25 Truth and Reconciliation Commissions have drawn encouragement from the idea that publically remembering and commemorating can foster societal healing. When we consider protracted tension around the world, however, it is clear that the opposite view deserves scrutiny [10]. Is there a connection between public commemoration and social conflict? If so, how can that tension be broken? In other words, how can a multi-ethnic society such as Crimea practice commemoration peacefully?

Transitional Justice

In the field of transitional justice, which looks at how countries emerging from an authoritarian or war-torn past can transition to democracy, the commemoration of victims is considered an essential step [4; 7; 5]. However, while the field of transitional justice and memory studies celebrates commemoration, they have not yet taken into account findings in the field of conflict resolution [10, p. 241]. This is important in Crimea, which bears the emotional scars of both Stalin-era repression and the Nazi occupation. Truth and Reconciliation Commissions from Argentina to Africa have aimed to bring about societal healing by allowing victims of crimes, as well as perpetrators, to recollect and recount their stories. What is happening in Crimea, however, is the opposite of truth or reconciliation. To illustrate with an example, we can look briefly at two commemorations.

¹ <http://www.rferl.org/content/russian-consul-crimea-resigns-controversial-remarks/24996499.html>

After Crimea was annexed, the pro-Russian Prime Minister who took office substantially reconfigured the spaces afforded to various ethnic groups for public commemoration. In May 2014, he issued a decree that banned all mass gatherings in the region, effectively outlawing the 2014 commemoration of the Crimean Tatar deportation. The square where Crimean Tatars and their supporters gathered to mark the genocide for over two decades was cordoned off and guarded by armored personnel carriers and ranks of Russian riot police. Pro-Russian «self-defense» battalions stood ready. A number of rationalizations were used, primarily based on national security, to explain this decision, which was met with outrage. Wishing to avoid conflict however, Crimean Tatars gathered outside a mosque on the edge of Simferopol instead, holding their commemoration under the whirl of helicopter blades.

Shortly after the Crimean Tatars were banned from mourning their loss, Putin flew to Crimea to publicly commemorate the Soviet victory over Nazi Germany, which like the Crimean Tatar deportation took place 70 years ago. He was met with great pageantry and celebration. Tens of thousands of people flowed freely into the streets, there was a two-hour parade with over 1,000 veterans and 60 military vehicles, and an air show involving 70 aircraft². One way to look at the ban of the Crimean Tatar commemoration is that it reconfigured the possibilities, contracting the space allowed to Crimean Tatars while maintaining it for Russians. The current authorities' aims with regard to this highly emotional substrate are clear in light of the ample space afforded to Russians wishing to commemorate Victory Day.

The leader's attempt to reorganize relations with the living by banning commemoration of the dead was one way to signal supremacy and begin the process of re-ordering social relations in post-annexation Crimea. The comparison of two commemorations shows the transition is also intervening in matters deeper than politics. These are important questions of how, when, and who to honor, and how, when, and who to [11, p. 12] mourn. A Foucaultian approach suggests that the contraction of commemorative space for Crimean Tatars re-

² <http://www.theguardian.com/world/2014/may/09/vladimir-putin-arrives-crimea-victory-day-ukraine>

veals the very real imbalances of power on the peninsula in spite of official statements to the contrary. Viewed in these terms, we can see the active role that symbolic practices play in reconfiguring or reordering social hierarchies.

It seems clear that in Crimea, public commemoration has a tendency to reactivate tension. But this tension is still vastly preferable to the silences that were imposed in the Soviet past. In exploring the rise of counter-histories and counter-memories, Medina outlined several approaches or levels of acceptance of pluralism in the field of history, two of which are relevant here. The first is termed «converging» [8, p. 22]. In this approach, conflicting perspectives on the past are treated as temporary features that can be minimized or eliminated. This approach to pluralism could only be implemented in Crimea at the cost of enormous symbolic violence, entailing the denial of one or the other group's point of view. This is clear in the words of Lilia Budjurova, a journalist, and TV show host, who warned in a TV broadcast that the ban would be remembered for many years, and can't be compensated for by any amount of government spending on social services or development³.

A preferable approach is what Medina called «meliorating» [8, p. 22]. This is an approach in which contestations are actually valued as opportunities for improving the objectivity of different interpretations of the past. The goal is an evolving or «living» truth that is continually revised and improved upon. Accepting pluralism in this way could be beneficial in Crimea. For example, if Russians revised the narrative frame that places *all* Crimean Tatars in the category of collaborators, it would also reduce the likelihood that they would object to Crimean Tatar memorialization and commemoration. In other words, efforts to revise and expand the limiting frames of historical interpretation would help break tension.

Does it follow that in addition to Russians better accommodating Crimean Tatar commemorations, Crimean Tatars should also be more accepting of Russian commemorations? It depends on the commemoration. In 2012, an exhibit in honor of Stalin's birth that contained many laudatory comments was placed (with the approval of the autho-

³ <http://atr.ua/video/2014-05-16-22-41-51-4040637>

rities) in the center of Simferopol, where the descendants of his victims would be sure to look on. This is highly provocative in light of Stalin's record. This exhibit does not exist as an isolated incident. It ties in to deeper feelings. In interviews on the topic of Stalin conducted in the course of my research, Russians display a veneration for Stalin. Presented with a small black and white image of the leader, some respondents were even moved to tears. They used expressions like «pride for the activities he carried out,» «empathy,» and «this is the image of a good person,» to describe their feelings. Turning the moral universe upside down, interview respondents empathized with the *leader*, rather than his *victims*. They made statements like «he was on the cruel side», that reframed massive crimes against humanity as something minor, a mere character flaw. Therefore, assuming all commemoration is good would assume a moral equivalency that simply does not exist.

Conclusion

The notion that opposing interpretations of the past perpetuate tension in Crimea raises challenging issues. However, this dialectic, in which public commemoration sparks negative sentiments and negative sentiments reinforce the impulse to commemorate, holds its own resolution. In a traditional Hegelian dialectic, one opinion (a thesis) counters another functioning opinion (an antithesis). In a conversation involving both thesis and antithesis, it is assumed that both were at least partly accurate and the synthesis reflects something that is superior to both. So too with the «meliorating» approach to historical pluralism described above. Opposing interpretations of history can be improved in a context in which diversity and disagreement are valued for the opportunity they provide to see another's point of view. With this approach, a progressively more accurate vision of the past, and freer path into the future, could be within reach.

REFERENCES

1. Abdulaev I. Pakt-Voyna-Genotsid [Pact-War-Genocide]. *Golos Krima* [The Voice of Crimea], 20(1010) 17 May, 2013.
2. Foucault M. *Society Must Be Defended*. New York, Picador, 2003, pp. 7–9.

3. Foundation for Research and Support of Indigenous Peoples of Crimea, 'Information provided by the Government of Ukraine on the implementation of the concluding observations of the Committee on the Elimination of Racial Discrimination' (27 August 2007). Available at: CERD/C/UKR/CO/18/Add.1
4. Galtung Jo. After Violence: reconstruction, reconciliation, and resolution in Abu-Nimer, Muhammed (ed.) *Reconciliation, Justice, and Coexistence: Theory and Practice*. Lanham, Md, Lexington Books, 2001, pp. 3–23.
5. Haynor P. *Unspeakable Truths: Transitional Justice and the Challenge of Truth Commissions*. New York, Routledge, 2010.
6. Jones S. *Old Ghosts New Chains*. In Ruby Watson, ed. *Memory, History, and Opposition Under State Socialism*. Santa Fe, School of American Research Advanced Seminar Series, 1994, pp. 149–167.
7. Kriesberg L. «*Changing Forms of Coexistence*», in Muhammed Abu-Nimer (ed.). *Reconciliation, Justice, and Coexistence: Theory and Practice*. Lanham, Md., Lexington Books, 2001.
8. Medina J. «Toward a Foucaultian Epistemology of Resistance: Counter-Memory, Epistemic Friction, and Guerrilla Pluralism». *Foucault Studies*, 2011, no. 12, pp. 9–35.
9. Santayana G. *Life of Reason*. Vol. I. New York. Scribner, 1953.
10. Tint B. History, Memory, and Intractable Conflict. *Conflict Resolution Quarterly*, 2010, vol. 27, no. 3, Spring, pp. 239–256.
11. Verdery K. *The Political Lives of Dead Bodies*. New York, Columbia University Press, 1994. 36 p.

About the author: Greta Lynn Uehling – Doctor of sciences, Professor of political science in the University of Michigan (Ann Arbor, MI 48109 USA); uehling@umich.edu



Память, история и сосуществование в Крыму

Грета Лин Улинг

(Университет Мичигана, США)

Аннотация. После распада Советского Союза крымские татары смогли вернуться в Крым на свою историческую родину и активно участвовать в традиционных мероприятиях, посвященных своему историческому прошлому. Вид и манера проведения этих мероприятий привели к росту напряженности между крымскими татарами и другими национальностями. Генеалогия Фуко дает нам структуру, благодаря которой мы можем оценить рост национальной напряженности, зарождение оппозиции по отношению к истории крымских татар и культурной памяти. Однако попытка сглаживания межнационального конфликта с помощью одной усреднённой версии прошлых событий может привести к еще большему напряжению. Напротив, более многообещающим подходом будет тот, где обсуждаются и непрерывно пересматриваются различные точки зрения.

Ключевые слова: контр-история, контр-память, культурная память, правда и мирное сосуществование.

Сведения об авторе: Грета Лин Улинг – доктор наук, профессор политологии в Университете Мичигана (Энн Арбор, Мичиган, США); uehling@umich.edu



УДК 801.82:821.512.99-1

Народные традиции и фольклор в лирике Эшрефа Шемьи-заде

Ление Демирджаева

(Крымский инженерно-педагогический университет)

Аннотация. Данная статья посвящена изучению одного из аспектов творческой деятельности поэта Э. Шемьи-заде. На примере поэмы «Козьяш дивар» выявлены народные традиции и фольклор как составляющие художественной картины мира поэта.

Ключевые слова: фольклор, национальный характер, традиции, афоризм.

Многие представители мировой литературы при создании своих произведений обращаются к разным формам фольклора. Фольклор становится основным источником, из которого они черпают образцы поэтического стиля, изобразительного языка. Связь фольклорных произведений с литературой наука рассматривает как неразрывный процесс взаимообогащения и взаимного влияния.

«Если говорить о Э. Шемьи-заде, это значит говорить о крымскотатарской поэзии в целом», так определил Ш. Алядин самобытность Э. Шемьи-заде. Поэтическое наследие Э. Шемьи-заде тесно соприкасается со всем многообразием устного народного творчества крымскотатарского народа, оно опирается

почти на все его жанры: пословицы и поговорки, песни, сказки, легенды, праздники, обряды, народные приметы и предания.

Его заслуженно называют знатоком крымскотатарского фольклора. Как и в довоенные, так и в послевоенные годы, и в годы депортации Э. Шемьи-заде не переставал заниматься любимым делом: собирать, сохранять богатое фольклорное наследие крымскотатарского народа. Даже находясь в местах высылки, он активно принимал участие в интересной работе по сбору крымскотатарского народного фольклора. Из воспоминаний И. Асанина: «Если сказать честно, для проведения этого мероприятия много было возможностей. Потому что в этом лагере как бы были «представители» из разных уголков Крыма. Среди 386 крымских татар были, короче говоря, и стар, и млад, учитель и мулла, знающие и увлекающиеся устным народным творчеством, шутники, знающие анекдоты, и другие мастера слова. Здесь все крымские татары знали друг друга. Мы: Саид, Мемет, Куртнезир, Абселям и другие стали расспрашивать тех, кто владел этим «богатством». Среди недели мы встречались и отдавали наши «черновики» Э. Шемьи-заде, он в свою очередь исправлял и редактировал ошибки, а затем в алфавитном порядке их записывал. Общее количество собранных крымскотатарских пословиц, поговорок было около 500» [1, с. 79].

У Э. Шемьи-заде источники науки в фольклоре. Фольклор – это искусство, создаваемое народом. Поэт сам неоднократно отмечал, что образность его поэтики восходит к народной.

Илим-феннинъ чокъракълары.

Дестан, масал, йырыдыр.

Медениет чыракълары

Тасавурда, сырдадыр.

Поэма-дастан «Козьяш дивар» соединила в себе черты художественного очерка, повествования от первого лица поэтического типа с элементами фольклора. Поэма основана на легенде с сюжетом о самопожертвовании, замуровывании живьём в строительное сооружение корнями, уходящая вглубь веков. История о девушке, которая добровольно решила принести себя в жертву и позволила замуровать себя в стену заживо, бытует в других странах, о чём свидетельствуют исторические факты.

Подробно остановимся на анализе содержания поэмы и выявлению народных традиций и фольклорных жанров как составляющих художественной картины мира поэта. Поэма «Козьяш дивар» словно ожерелье, на которую нанизаны жемчужины народной мудрости. Так, известные деятели оценили мастерство написания поэмы Э. Шемьи-заде, поистине заслужившего звание народного поэта [1, с. 214]. Поэма-дастан видного и замечательного поэта крымских татар Э. Шемьи-заде прежде всего покоряет читателя красотой своего языка, богатством образов, изобразительных средств, близостью языка к общеразговорному, следовательно, языку устного народного творчества [1, с. 210].

Вступительная часть поэмы начинается словами в стиле традиционного сказочного зачина:

<i>Заман заман экенде</i>	<i>Было некогда это</i>
<i>Заман яман экенде</i>	<i>или не было,</i>
<i>Ер юзю де кок кибиде,</i>	<i>Земля была, как небо,</i>
<i>Мунар, думан экенде.</i>	<i>покрыто густою мглой.</i>

Использование поэтом такого приёма придаёт некое волшебство и уводит читателя в таинственный и загадочный мир повествования.

Э. Шемьи-заде любил и всегда трепетно относился к фольклору. Поэма-сказание «Козьяш дивар» начинается эпиграфом: «*Тувгъан тилимизнинъ гузеллиги ве аенкдарлыгыны, мулайимлигини ве зенгинлигини къаныма ве къальбиме ашлагъан анайыма*» («Посвящаю маме, привившей в сердце и кровь, красоту, мелодичность, нежность и богатство родного языка»). Эпиграф, помещённый автором в начале произведения, придаёт своеобразное освещение основной идеи произведения. Это важная особенность, так как именно женщины-матери являются хранителями родового очага, его обычаев, нравов, традиций и, конечно, языка. На формирование мировосприятия и самосознания Э. Шемьи-заде оказал большое внимание народный фольклор, передаваемый самим дорогим и родным человеком – мамой.

<i>Бу тиль, достым, меним, сенинъ,</i>	<i>Синъген сабий чагъымызда</i>
<i>Халкъымызынъ анъына,</i>	<i>Анамызынъ сютюнен.</i>
<i>Юрегине, зенине,</i>	<i>Айненинъ татлы, ширин</i>
<i>Дамарына, къанына.</i>	<i>Эзгисинен, бейитинен.</i>

Первой музыкой, которую слышат дети, является песня матери. Традиционно крымскотатарская колыбельная «Айнени» начинается со слов «айя-айя-айясы»:

<i>«Айя-айя-айясы,</i>	<i>Къочанайым юкъласын,</i>
<i>Къачан тиер файдасы?</i>	<i>Къырмызы гуллер къокъласын.</i>
<i>Яз тиймесе, къыш тиер,</i>	<i>Ят багърына синъген сонъ,</i>
<i>Бейбарсымнынъ файдасы</i>	<i>Анайчыгъын ёкъласын...»</i>

Большинство крымскотатарских колыбельных песен построено как обращение матери к ребенку. Так, героиня поэмы «Козьяш дивар» Аслыхан очень трепетно и нежно показывает свои чувства, выражает мечты увидеть сына сильным и ловким, быть надеждой молодости и ее опорой в старости.

<i>Томалачым, томпачым!</i>	<i>«Юкъъла, огълум, ось, огълум,</i>
<i>Сенсинъ меним къуванчым.</i>	<i>Уянаджакъ кунюнь бар.</i>
<i>Яшлыгъымда – умятим,</i>	<i>Буюген сонъ, душмандан</i>
<i>Къартлыгъымда – таянчым!»</i>	<i>Алынаджакъ кининъ бар».</i>

Чтобы показать мир глазами народа, Э. Шемьи-заде использует не только сказочные мотивы. Поэт применяет и народную мудрость, выразившуюся в приметах, обрядах, обычаях.

*«Тъфу, машалла, бакъ, онъа
Тыпкъы кучюк Темирхан.
Санки дерсинъ, тыгъырып,
Тюшкен баба бурнундан».*

Машаллах – молитвенное восклицание у большинства тюркских народов, что означает «Молодец!». Это ритуальное молитвенное восклицание произносится обычно после получения добрых вестей. Также используется как фраза-оберег перед произнесением похвалы («*Машалланъ бар бугунъ*» – деп) одобрения или восхищения чем-либо или кем-либо. В поэме «Козьяш дивар» завистливая невестка с восхищением говорит, каким здоровым и славным родился младенец, и так похожим на отца Темирхана, дополняя символическим поплёвыванием «*тъфу, тъфу*». Считается что, проведя такой маленький ритуал можно избежать зависти и другого глаза.

*Деп, локъсанынъ хатричюн
Орьсенлешип къалалар.
«Козъ тиймесин. Тьфу!» – деп,
Назарлап да алалар.*

Кроме того, в поэме мы видим фразы и выражения, свойственные мусульманским традициям. Фразой «*Бисмилля*» начинается строительство стены, возводимое братьями. Бисмилля – термин, с которой начинается сура Корана, священной книги мусульман. Её произнесение входит в ежедневную молитву мусульман, её произносят перед началом любого благого дела или поступка. «*Хайырдыр*», «*Хайырлысы олсун*» выражается в значении пожелания «Пусть всё будет к добру».

В крымскотатарской культуре «элял» – понятие нравственности и религиозности, используется во всех жизненных ситуациях. В нашем случае, героиня поэмы Аслыхан через обращение «элял эт» просит прощения у матери и просит благословить её:

*– Омюр бердинъ, къут бердинъ,
Анайчыгъым, элял эт!
Кокрегинъден сют бердинъ,
Эмген сютим элял эт!*

Слова матери «элял олсын» – подтверждение прощения ещё живой, но находящейся на пути к Создателю Аслыхан:

*– Омюр бердим, къут бердим,
Элял олсын, къызчыгъым!
Кокрегимден сют бердим,
Элял олсын, къызчыгъым!*

Также в поэме присутствуют числа – «учъ» (три), «он» (десять), «къыркъ» (сорок), выражающее не только магическое и сакральное значение. Так, по древним традициям в течение трёх дней и трёх ночей длится свадьба старшего сына Эмирхана и дочери Булгарского правителя Туркан.

С числом 40 у разных народов связано много поверий, легенд и суеверий. Число 40 отражено как в методологии, так и в религии. Так, в поэме «Козьяш дивар» число 40 носит информативный характер, показывая на возраст человека, подкреплённое философскими размышлениями о жизни:

*Сёз сырасы, мектепке К слову в школу
Къыркъа барсанъ, кеч олур. В сорок пойти будет поздно.*

*Къыркъадже ит суварсань,
Адам олмакъ кучь олур.*

*До сорока валяя дурака,
Трудно стать человеком.*

Таким образом, число 40 в данном четверостишии – число завершенности, число полноценного возрастного цикла.

Многие афористичные высказывания в поэме содержат народные приметы. Так, строки:

*Кузь артындан къыш келе,
Докъсан чыкъа, кире март.
Пердалез да косътере
Озь кучюни бир къабат*

свидетельствуют о глубоком знании автором примет народного календаря. Такие праздники как Къыдырлез, Тепреч, Къурбан, Дервиза прочно вошли в поэтический мир поэта.

Э. Шемьи-заде хорошо знал обряды и традиции народа. Широко показывая народный быт, поэт не мог не пройти мимо этой формы народной культуры. Э. Шемьи-заде, глубоко знающий народный фольклор, позволил упомянуть в поэме «Козьяш дивар» о красивом обычае сватовства: Темирхан, приходя в дом невесты, преподносит мед, понравившейся Аслыхан:

*Бир балабан къошкъулакь
Солакь балы элинде,
Келип кире Темирхан
Аслыларнынъ эвине.*

Этот красивый и необычный обычай не утратил свою значимость. С возвращением народа на Родину, возвратились и традиции, которые сейчас постепенно возрождаются. И сейчас, при проведении обряда сватовства со стороны жениха в дар невесте преподносят мёд, чтобы жизнь молодых была сладкая как мёд.

Особую роль в произведении играют пословицы и поговорки. Они придают произведению неповторимый колорит, делают язык поэмы ярким и содержательным, усиливая художественный эффект восприятия характеров и образов, принося в поэму обобщающий смысл, сочетаясь, придают поэме целостность произведения.

Э. Шемьи-заде в своих произведениях старался сохранить духовность и мудрость народа. Поэт собирал «жемчужины» народного слова, и умело использовал их в своём творчестве. На-

Народные традиции и фольклор в лирике Эшрефа Шемьи-заде

родные фразы выражают ту или иную воспитательную идею, имея определённую воспитательную задачу, тем самым формируя личность человека. Поэт использовал пословицы двухстрочные, в которых вторая половина путём сопоставления усиливает смысловую главную нагрузку первой:

<i>Бир орькенде учь къавун, Бирдай олып бурьленмез.</i>	<i>На одном стебле Дыни одновременно не цветут.</i>
<i>Беи пармагъынъ беи башкъа, Бир-бирине бенъземез.</i>	<i>Пять пальцев одной руки, Не похожи друг на друга.</i>
<i>Байлыкъкъа белъ бувманъыз, Чыкъмаз уджы-къайыры. Эль малына къызманъыз, Олмаз онынь хайыры.</i>	<i>Не душите себя из-за богатства, Не выйдет в этом счастья. Не завидуйте чужому, Не будет благополучия.</i>
<i>Терек сынса, тал къалыр. Джуйрек ольсе, нал къалыр.</i>	<i>Сломается дерево, останется ветка. Умрёт лошадь, останется подкова.</i>
<i>Йигитликтен къайтманъыз, Йигит ольсе, нам къалыр.</i>	<i>Держите обещанное слово, Погибнет молодец, останется честь.</i>

Поэт использует стилистические контрасты, с помощью которых он пытается выделить главное. В этих пословицах автор путём сопоставления стремился укрепить в сознании слушателей разнообразные проявления материальной и духовной жизни общества, справедливость, умение верно оценивать поступки людей.

Э. Шемьи-заде широко использует известные народные пословицы и поговорки, но ещё и стремится к созданию новых, авторских. Сложно отличить, где тут «народное», а где текст автора?:

<i>Эль арзусы эркин олса, Эль арзусын эр сакълар. Шаир козю мергин олса, Шаир намын эль сакълар.</i>	<i>Коль народу край свой дорог, В бой за край джигит идет. Если глаз поэта зорок, Честь его хранит народ.</i>
--	---

Образ традиционной песни степняков «Боталы тюе, боз бие» ...[2, с. 21] сопровождает героев, служит музыкальным аккомпанементом зарождающейся любви Умера к Чолпан.

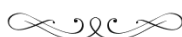
Поэма-дастан «Козьяш дивар» – это произведение, изображающее жизнь крымскотатарского народа во всём её многообразии. Имея большой исторический и фольклорный материал, автор умело и с большой выразительностью использовал в поэме сокровища народной мудрости: пословицы и поговорки, легенды и предания, песни, сказочные элементы, календарные дни и праздники, народные традиции и обычаи. Верность лучшим традициям народной культуры оказывается с Э. Шемьи-заде на протяжении всего его творческого пути.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шаир намын халкъ сакълар (Славу поэта народ сохранит) / Редактор-составитель Р. Фазыл. Симферополь: КРП Издательство «Крымучпедгиз», 2008. 248 с.

2. *Шемьи-заде* Э. Козьяш дивар: Поэма-дастан, шиирлер / Редактор У. Эдемова. Симферополь: «Таврия», 1993. 193 с.

Сведения об авторе: Ление Марленовна Демирджаева – ведущий специалист лаборатории по подготовке учебно-методической литературы и литературы на крымскотатарском языке НИЦ крымскотатарского языка, литературы, истории и культуры, Крымский инженерно-педагогический университет (295015, Учебный пер., 8, Симферополь, Крым); leniye2002@mail.ru



Народные традиции и фольклор в лирике Эшрефа Шемьи-заде

**National traditions and folklore
in the lyrics of Eshref Shemi-zade**

Lenie Demirdzhaeva

(Crimean Engineering and Pedagogical University)

Abstract. This article is devoted to the study of one of the aspects of creative activity of the Crimean Tatar poet E. Shemi-zade. On the example of the poem «Koz'yash Divar» the folk traditions and folklore are identified as components of poet's conception of world art picture.

Keywords: folklore, national character, traditions, aphorism.

REFERENCES

1. Shair namyn khalk" sak"lar (Slavu poeta narod sokhranit) [The glory of a poet will keep the people]. Ed. R. Fazyl. Simferopol, «Krymuchpedgiz» Publ., 2008. 248 p.
2. Shem'i-zade E. *Koz'yash divar: Poema-destan, shiirler* [The wall of tears: Poem-destan, poems]. Ed. U. Edemova. Simferopol, «Tavriya» Publ., 1993. 193 p.

About the author: Lenie Marlenovna Demirdzhaeva – Leading specialist of the laboratory creating educational-methodical literature and literature on the Crimean Tatar language, Scientific Research Center of the Crimean Tatar language, literature, history and culture, Crimean Engineering and Pedagogical University (295015, Uchebnyy lane, 8, Simferopol, Crimea); leniye2002@mail.ru

УДК 80:091

Билял Терлекчининъ (1886–1965) лугъат чалышмалары

Исмаил Асаногълу Керим

(Крымский инженерно-педагогический университет)

Аннотация. Ишбу чалышма инкъиляп девринден эввель лугъатчылыкънен огърашкъан Билял Терлекчининъ 520 сахифели басылмагъан эльязмасы узериндедир. Сакъланып къалгъан язылы весикъалар ве якъын догъмушларынынъ хатраларына эсасланаракъ алимнинъ иджадий терджиме-и-халы джанландырылып, къырымтатар лексикографиясынынъ тарихине аит сёзлюклернинъ къыскъа джедвели косътериле.

Анаhtar сёзлер: Билял Терлекчи, къырымтатар лугъатчылыгъы, нешир этильмеген эльязма.

Къырымтатар тилинен багълы лугъат ишлерининъ тарихи асырларнынъ теренлигине узанмакъта. Кефеде джинеviz алыш-веришчилери (яхут оларнынъ кятиплери) тарафындан тертип этильген «Кодекс Куманикус» лугъатынынъ 1-нджи къысмы 1292–1295 сенелерине аиттир [15]. Бу ерде латин язысында берильген 1300 къырымджа сёзнинъ чокъусы бугунде де тилимизде къуланмакъта. Мезкюр лугъатнынъ эльязмасы Венецияда Святой Марк кутюпханесинде сакъланмакъта.

Дигер эски лугъатларымыздан Асираддин Абу-Хаяннынъ (яшагъан йыллары: 1265–1344) «Ад-дуррат аль мадия фил-лугъати ат-тюргия» ве «Китаб-аль идрак ли-лисан аль атрак»и бугунде тюркология илиминде беллидирлер. Профессор Эмир Наджипнинъ хаберине коре, Абу-Хаяннынъ биринджи лугъаты Кефеде лакъырды этильген къырымджагъа багъышлангъан. Экинджиси де къырымтатар тилининъ хусусиетлерине даир олып, 1931 сенеси Истанбулда нешир этильгендир. Бу лугъатларнынъ эльязмалары XIV-нджи асырнынъ башына аит [10, с. 85; 12, с. 175–180]. Дюньджа мешхур тюркшнас Кёпрюлюзаде бу со-

нъкиси акъкъында: «Абу-Хаяннынъ эсери тюрк филологиси тарихинде бир мерхаледир», яни бир янъы басамакътыр – дее къыймет кесе [14, s. VII].

Къырымтатар тилинен багълы эски лексикографик чалышмалардан даа бириси Николас Витсеннинъ Къырымтатарджа – Голландаджа лугъатыдыр. Бу лугъат сыкъча къулланылгъан 530 сѣзни къаврап алмакъта. Биринджи дефа 1692 сенеси Амстердамда нешир этильди. Кенишлетильген экинджи нешир исе, 1705 сенеси матбаа юзюни коръди [16, s. 12–13]. Белли тюркшынас А.Н. Кононовнынъ хаберине коре, ишбу китапнынъ учюнджи нешир 1785 сенеси япылгъандыр [7, с. 23]. Лугъатнынъ оригиналы бойле серлева иле кечмектедир: «Noord en Oost Tartarye, Ofte Bondigh Ontwerp Van Eenige dier landen, en volken, zo als vormaels bekend zyn geweest...»

XVIII асырнынъ къырымтатарджа лугъатлары ве Къырымда юрьген лексикографик чалышмалар акъкъында сѣз юрютиркен, бугунъгеджек сакъланып къалгъан мешхур «Къязыаскер китаплары»нда бойле меракълы хаберни растлаймыз: XVIII асырда Багъчасарайда моллалыкъ япкъан Сулейман Эфендининъ мухалефатында (васиет языларында) 34 китап арасында лугъатлар да булуна [2, с. 90].

XIX асыргъа аит къырымтатарджа лугъат чалышмаларындан П.И. Кёппеннинъ «Татарика» (Личные имена, названия животных и растений по-крымски. Крым, Карабаг, 1833–1834), А.М. Шегреннинъ «Список слов с переводом на татарский, татарский из Карасувбазара, ногойский и другие» (С.-Петербург, 1835–1837), Л. Лазаревнинъ «Турецко-татарско-русский словарь наречий: османского, крымского и кавказского с приложением краткой грамматики» [9], В. Кондаракининъ «Самоучитель турко-татарского и ново-греческого языков» [6], Л.З. Будаговнынъ «Сравнительный словарь турецко-татарских наречий» [3], В.В. Радловнынъ «Опыт словаря тюркских наречий» (С.-Петербург, 1888–1909, дѣрт том), О.Г. Къараимнинъ «Практический самоучитель турецко-татарского языка со словарем» (Севастополь, 1898) кибилерини къайд этмек мумкюн.

Булардан гъайры, XIX-нджи асырнынъ сонъу ве XX-нджи асырнынъ башында Одессада дефаларджа нешир этильген

«Краткий русско-татарский словарь для экскурсантов» (Крымское наречие) сёзлюклерини анъмалы.

XX асырнынъ башында нешир этильген русча-къырым-татарджа лугъатлардан бири Осман Заатовнынъ «Полный русско-татарский словарь» серлевалы лугъатыдыр [4]. 120 саифели бу чалышмада 11 бинъ дживарында келиме берильмекте. Къырым-татарджа сёзлер араб язысы иле дегиль де, кирил харфлеринен язылгъанынынъ себебини тертип этиджи кириш сёзюнде бойле анълата: «Бу лугъатнен къырымтатарлардан гъайры, руслар да файдалана бильмелери ичюн, меселя, Петербург университети шаркъ факультетининъ ве Лазарев институтынынъ студентлери ве бунъа ихтияджи олгъанларнынъ дигерлери де къуланмалары ичюн кирил харфлери ишлетильди» [4, с. 6]. Сонъ сенелери Осман Заатовнынъ ишбу лугъаты акъкъында айрыджа макъале де язылгъандыр [13, с. 19–20].

Меракълысы шу ки, тамам айны йыллары, яни XX асырнынъ башында Осман Заатов битирген Акъмесджит татар оджалар мектебинде келеджекте гузель оджа ве лексикограф оладжакъ Билял Терлекчи де окъуды. Ве Билялнынъ огълу Хикмет Терлекчининъ хатрасына коре, Осман Заатов Билял Терлекчининъ даиси ола эди. Бугунде къолумызда муджизелер иле сакъланып къалгъан онынъ Акъмесджит татар оджалар мектебинде окъувы иле багълы Такъдирлев япрагъы булунмакъта. Ишбу весикъада бойле дениле: «1902 сенеси июнь 15-те олып кечкен Акъмесджит татар оджалар мектеби педсоветининъ къарарына бинаэн талебелеримизден Билял Терлекчиге 1-нджи курстан 2-нджи курскъа кечтигинде гузель тербиеси ве илимде муваффакиетлери ичюн ишбу Такъдирнаме бериле».

Акъмесджит татар оджалар мектебинде окъума муддети дёрт йыл девам эткенини козь огюне алсакъ, демек Билял Терлекчи бу окъув юртуны 1905 сенеси битиргендир.

Бундан сонъра, Терлекчи Къырымдан тыш чыкъа, Истанбул, Къаире, С.-Петербург ве дигер медений ве ильмий меркезлерде булунып тасилини девам эте. Арабча, тюркче ве русчаны огрене. Къырымгъа къайткъан сонъ, ерли мектеплерде къырымтатарджа ве русча дерслерини кечире.

Билял Терлекчининъ огълу Хикмет агъанынъ хаберине коре, Терлекчилер (яни Билялнынъ бабасы – Аджы Сейдамет, анасы –

Фатиме) ве И. Гаспринскийнинъ хоранталары достане мунасебетте булуна ве бири-бирине къатнаша эдилер. 1908 сенеси Гаспринский Къаиреде бутюндюнья мусульман конгрессини чагъырмакъ ниетинен «Ан-Нахдах» («Уянма») газетини чыкъардыгъы заман, бир арада (Ингильтеренинъ къаршы сиясетине огърап) Къырымгъа къайтмагъа меджбур олгъанда, янында буюк пара булундыгъындан, хавфсызлыкъ ичюн Истанбулдан Къаиреге Билял Терлекчини чагъырта ве параны Багъчасарайгъа алып кетмесини авале эте.

1915 сенеси Багъчасарайда, Гаспринскийнинъ «Герджиман» матбаасында Билял Терлекчининъ «Тюркотатарско-русский словарь» серлевасынен биринджи лугъаты басыла. О сенелери Багъчасарайда чыкъкъан бир китап ичинде бу лугъат чыкъаджагъы акъкъында бойле реклама илян этильген эди: «Скоро начнется печатание турецко-русского словаря Биляла Терлекчи. Цена 40 коп. Склад издания г. Бахчисарай, д. 214, Умер Терлекчи» [8].

Бу ерде ады кечкен Умер Терлекчи – Билял Терлекчининъ догъмуш агъасыдыр. Лугъат нешир этильген сонъ, Багъчасарай мектеплеринде Яя Байбуртлы, Умер Сами ве Эмирамет Чешмеджилернен берабер чалышкъан Билялнынъ руху котериле, ичине янъы бир иджадий кучъ кире. Ве бу нешир этильген лугъатны янъыдан ишлеп, тюзетип, буюльтмек ичюн бельсене. Къарарнен 1916 сенеси Сайде ханым Усеиновагъа эвленген сонъ, бу иш сенелердже девам эте ве 1924 сенеси тамамлана. Янъыдан ишленген ве 520 саифели ишбу эльязманы¹ Терлекчи шаиримиз Абдулла Лятиф-заденинъ элине берип Акъмесджитте булунгъан Наркомпроснынъ ильмий шубесине кондере. Лугъатнынъ эльязмасына бир де тезкере къоша. 1924 сенеси декабрь 8-де язылгъан тезкересинде бу сатырларны окъуймыз: «Крымнаркомпроснынъ академик шурасына. Кендимин Татарджа-русча лугъатымнынъ эльязмасыны академик шуранынъ дикъкъатына авале этерек, бир тарафтан, онъа къыймет кесильмесини ве экинджи тарафтан, уйгун нешрият теклиф этильмесини истейим. Академия шурасы-

¹ Аслында эльязманынъ къыгъыт табакълары ракъамланып, сонъкиси узеринде 425 ракъамы къоюлса да, бир чокъ ерлерде бир ракъам алтында 3–4 саифе булунып кесирле айрылалар Месея, 78/1, 78/2; 88/1, 88/2 киби шекильде. Шунунъ ичюн эльязманынъ аджими акъыкъатта 520 саифеге келе.

нынъ векиллеринен мунасебет къурмакъ ичюн А. Лятиф-задени арагъа алам»².

Эльязма Наркомпроскъа берильген сонъ, академик шура оны эртарафлама огрене ве беш айдан сонъ, яни 1925 сенеси майыс 7-де Наркомпрос мудире ве академик шуранынъ реиси Усеин Балич ве академик шуранынъ ильмий кятиби Яя Байрашевскийнинъ имзаларыле бойле джевап бериле: «Лугъат тюрк-татарджа орта эдебий тильнинъ чокъсу лексикасыны къаврап алмакъта. Араб язысындаки сёзлернинъ янынъда кирил харфлеринен транскрипциялары булунмакъта. Русча терджимелер ве анълатмалар эски рус имлясыннен берильмекте. Лугъатнынъ кириш сёзюнде араб язысындаки сёзлернинъ рус транскрипциясындаки теляффуз хусусиетлери анълатыла. Келимелернинъ ялынъыз тамыр шекиллери дегиль де, сёз япыджы ве сёз денъиштириджи аффикслеринен денъишмелери косътериле. Меселя: окъумакъ-окъутмакъ-окъуйдыжы-окъунакълы; хадем-хадим-хызмет; табий-табиет-табиат; олмакъ-олдукъча ве дигерлери. Сёзлернинъ русчагъа терджимелери догъру берильген. Олар келимелернинъ эм догърудан-догъру, эм де кочъме маналарыны акс этмектелер».

Наркомпроснынъ такъризинде сёзлюктеки нукъсанлардан ашагъыдакилер къайд элите: 1. Лугъатнынъ мундериждесини 80% арабча ве фарсиджеден алынма сёзлер тешкиль этмектелер. 2. Авам халкъ лакъырдысы (тюркче, къырымджа, татарджа ве дигерлери) акс этильмеген. Дигер тарафтан, лугъаткъа халкъ лексикасы да къошулсайды, лугъатнынъ колеми зияде буюк оладжакъ эди – дениле. Сонъуч оларакъ бойле нетидже чыкъарыла: Косътерильген эксикликлер лугъатнынъ нешрине энгель олмамалыдыр, чюнки бу лугъат тюркий тиллернинъ огренджилерине гузель бир дестек береджеги шубесиздир.

Эбет, лугъатыны тизеркен, Б. Терлекчи энъ эвеля анълашылмагъан яхут аз анълашылгъан лексиканы косътере. Шу себептен

² Бу весикъа иле чокъ меракълы шей мейдангъа чыкъа. Меселе шунда ки, Абдулла Лятиф-заденинъ догъмуш къардашы – Амит Лятиф-заде де озъ вакътынъда (1939 сенеси) мешхур мухарриримиз Осман Мурасов кечинген сонъ, онынъ эльязмаларыны Акъмесджиттеки А.С. Пушкин адына ильмий-араштырма институтына теслим этмек ичюн араджы ола. Яни Лятиф-заделернинъ хорантасы бойле шейлерде де самимий ветанперверлик косътере [5, с. 217–229].

лугъатта арабча-фарсиджеден алынма сѣзлер чокълукъны тешкиль этмектелер. Даа ачыкъча айтаджакъ олсакъ, мезкюр лугъаттаки лексика И. Гаспринскийнинъ «Молла Аббас» романындаки «Дар-ур-Рахат мусульманлары» бабынынъ лексикасына чокъ якъындыр. Лякин кырымтатарджа адий келимелер де аз дегиль. Эм де оларнынъ терджимесинде тертип этиджи русчанынъ керекли синонимлери иле бол-бол файдалана. Меселя: «джувурмакъ» – бегать, скакать; «джар» – пропасть, пучина, бездна; «агъыз» – рот, пасть, устье, жерло, вход; «дѣртъѣл агъзы» – перекрыток; «тоз» – пыль, порошок; «шекер тозу» – песочный сахар; «ап-акъ» – белый-белый, см. «бем-беяз».

Сѣзге янъы мана бериджи, яни сѣз япыджи аффикслер, аффиксоидлер кениш къуланмакъта. Меселя, «атеш» сѣзюнден «атешперест» (огнепоклонник); «атешчи» (кочегар); «атешин» (пылкий, пламенный); «атешпаре» (искра) киби янъы маналы келимелер косьтериле. Бу сѣзнен багълы боджек ады да бериле: «атеш боджеги» (светляк; светлячок).

Базы исим ве фииллерден сыра-сыра чешит янъы ибарелер ве метаралар косьтериле. Меселя, «чатлакъ» – трещина, щель; «чатлакъ зурна» – болтун; «атмакъ» фиилинен бойле сыра тургун ибарелер ачыкълана: «адым атмакъ» (шагать); «бенъзи атмакъ» (побледнеть); «тюфек атмакъ» (стрелять из ружья); «джан атмакъ» (укрыться); «чифте атмакъ» (брыкаться); «лаф атмакъ» (врать); «къашыкъ атмакъ» (кушать); «танъ атмакъ» (светать) ве дигерлери.

Кырымтатар келимелерини араб язысындан кирилджеге транслитерациясында латиндже «h»-ни де, йымшакъ «й»-ни де къошып, керекли ерде сѣзнинъ фонетик теркибини олдукъча уйгунлаштыра.

Бу лугъат усьтюнде чокъ сенелер девамында иш алынып барылгъаны эр бир саифесинде ачыкъ корюнмекте. Къалем иле язылар янында бир чокъ ерлерде тюзетмелерден гъайры, къуршункъалемле къошмалар корюнмекте. Сѣзге сѣз, джумлеге джумле, саифеге саифе экленильгени, тертип этиджининъ тирнекли ве олдукъча тырышкъан, ишсевер олгъаныны исбатлай.

1920-нджи сенелерининъ башында Кырымда олып кечкен фаджиалы ачыкъ орталыкъны бербат эткенинден, маддий дурум сонъ дередже виранелерде булуна эди. Шулардан долайы Нар-

компрос юкъарыда косътерильген лугъат такъризине бир де ад-жындырыджы тезкере къоша. Бу ерде пара меселеси чокъ зайыф олгъанындан, Наркомпрос лугъатнынъ нешрини усътюне алып оламайджагъындан гъайры, атта джюзий бир ярдымда да булу-нып оламайджагъыны анълата.

Б. Терлекчи шу арада озъ лугъатынынъ нешрине имкян тап-маса да, рухтан тюшмей. Белли олгъаны киби, 1928–1929 сенеле-ри ичинде къырымтатар тилининъ язысы латин графикасына чев-рильди. Бу арада муэллиф тюкяндан къалын джылтлы ве чокъ саифели бир дефтер сатын ала. Дефтер къапагъынынъ ич тара-фындан урулгъан мухюрден Ленинграддаки «Светоч» фабрика-сында 1929 сенеси чыкъарылгъаны корюне. Иште, басылмагъан эльязмасыны янъыдан ишлеп бу дефтерге кочюрмеге тутуна. Эн-диден сонъ «Тюрко-татарский словарь» деп анъылгъан лугъатта къырымтатар келимелери энди араб язысында дегиль де, латин харфлериле языла. Терлекчи лугъатыны янъыдан дикъкъатнен темизге чекеркен, янъылгъан ерлеринде, яхут янъыдан джумле тизмеге сыра кельгенде, буларны айры бир къыгъытчыкъкъа яза, сонъра макъаснен тар бир шерит шеклине кетире ве язысынынъ керекли ерине туткъалнен туттура. Лугъат метнини саифенинъ тек бир тарафына яза. Бойледже латин язысынен «А» харфинден башлап «Е» харфинеджек кетире. Янъыдан кочюрме язысы эпси олып 66 саифени тешкиль эте.

Ачлыкътан даа айынып оламагъан халкъымызнынъ башына янъы белялар келе. 1920-нджи сенелерининъ сонъундан башлап советлер режимининъ янъы далгъа репрессиялары къузгъун къа-ра къуш киби эне. Эр кунъ, эр саат кимлернидир тинте, хапс эте, тюрьмелерге быракъа яхут къуршунгъа тизелер. Хоранталары-нынъ узерине беля тюшеджегини дуйгъан Билял Терлекчи 1930-нджы сенелерининъ башында кенди къарысы Сайде ханым ве Умер агъасынынъ хорантасынен бераберликте Кавказгъа кетип, андаки Буйнакс больгесинде ерлешелер. Оджалыкъ иши булун-мадыгъындан, балалыкътан алышкъан баба зенаатыны кутъмеге башлай. Лугъат тизюв ве оджалыкъ ерине багъчеванлыкъ, агро-номлыкънен огъраша. Ама бу да онынъ бильген ве бегенген зе-нааты эди...

Гедже-куньдюз низамлы-интизамлы суретте чалыша. Юксек нетиджелерге ирише. Билял Терлекчи асрагъан багъ-багъчалары узеринде сонъундан эки совхоз тешкиль этиле.

Амма «башкъа тюшкенни козь корер» дегенлери киби, Б. Терлекчи 65 яшында экен, 1951 сенеси къадыны Сайде кечине. Хоранталарында бала-чагъа олмагъанындан, Терлекчи кенди башына къалып, гъает тарсыкъа, озюне ер тапамай ве бир талайдан сонъ юрек хасталыгъына огърап, омрюнинъ сонъуны беклей. Амма ве лякин Юдже Алланынъ кереме ве люtfootю буюктир. Шу арада, яни 1952 сенесинде, бир заманда Багъчасарай мектебинде талebesи олгъан Сабрие ханым Тарпини растлай. Олар бири-бирини бегенип эвлелелер, ве шу эввиликтен 1953 сенеси огълу Хикмет догъа...

Ветаны ве ветандашларындан узакъ къалгъан Б. Терлекчи эски иджадий ве къайнакъ аятыны сагъына, озълей, сыра тапса, Къырымны ве къырымлыларны гузель бильген адамларнен къо-нушмагъа тоймай. Бойле адамлардан бириси – къадыны Сабрие-нинъ догъмуш агъасы, Азербайджан девлет университетининъ профессору, физика мутехассысы Рахми Тарпи (Гасанов) эди. 1908 сенеси догъумлы Рахми Къырымда чокъ адамларны таный эди. Экисининъ де энъ гузель танышлары олгъан профессор Б. Чобан-заде хусусында саатлердже сухбетлери битмезди. Эм Рахми рабфакны битирген сонъ, Б. Чобан-заденинъ дестегинен 1925 сенеси Бакугъа келип институткъа киргенини айрыджа къайд этмели.

Б. Терлекчи базы байрамларда шу ерлерде яшагъан чалгъыджы къырым урумларыны чагъыртып къырымтатар аваларыны чалдырыр, яшлы козьлеринен догъмуш нагъмелерни динълер, узакъ кечмишлерге даларды. Б. Терлекчи чокъ окъурды. Сыра тапкъанда, тюрк, рус ве джихан бедий классикасыны окъуп леззет алырды. Базы къалын-къалын романларны атта экишер-учер кере окъурды.

1886 сенеси июнь 27-де Багъчасарай шеэрининъ Дабакъхане махаллесинде догъып омрюнинъ чокъусыны гъурьбетликте кечирген Б. Терлекчи, 1965 сенеси июнь 15-те кечинди ве Буйнакск мусульман мезарлыгъында дефн этильди.

Билял Терлекчининъ 100 йыл эвель яньыдан тертип этмеге башлагъан лугъаты бугунде де эльязма шеклинде булунмакъта³. Огълу Хикмет Терлекчи бабасынынъ бутюн языларыны, весикъ-алары ве фотоларыны козь бебеги киби сакълай. Ниает, кеченлери Къырым мухэндислик ве педагогика университетининъ янында булунгъан Къырымтатар тили, эдебияты, тарихи ве медениети ильмий араштырма меркезининъ алгъан къарарынен якъын арада ишбу эльязма «Къырымдевокъувпеднешир»де тыпкъыбасым (факсимиле) шеклинде дюнья юзюни кореджектир.

КЪУЛЛАНЫЛГЪАН ЭДЕБИЯТ

1. *Асанов Ш.* Эдебий тилимизнинъ инкишафы ве лугъатлары акъкъында // Ленин байрагы. 1984. Январь 3, 5, 7.
2. *Ахмет Незихи Туран.* Судебные реестры Крымского ханства. После их обнаружения // Къасевет. 2014. Вып. 42. С. 90.
3. *Будагов Л.З.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, со включением употребительнейших слов арабских и персидских и с переводом на русский язык. Том 1. С.-Петербург: Типография императорской академии наук. 1869. 810+10 с.; том 2. С.-Петербург: Типография императорской академии наук, 1871. 417 с.
4. *Заатов О.* Полный русско-татарский словарь. Составил преподаватель Симферопольской татарской министерской школы Осман Заатов. Симферополь: Типография Бр. Нутис, 1906. 120 с.
5. *Керим И.А.* Хафуз Осман Мурасов (1882–1926) ве аилеси // Крымское историческое обозрение. 2014. № 1. С. 217–229.
6. *Кондараки В.* Самоучитель турко-татарского и ново-греческого языков или Руководство научиться без помощи учителя говорить по-

³ Айны сенелери тертип этильген, лякин эльязмасы дюнья юзюнден гъайып олгъан лугъатлардан даа бириси А. Боданинскийнинъ «Русча-татарджа лугъат»ыдыр. Ишбу лугъат 1918–20 сенелери азырлангъандыр [бу акъкъында хабер: 1]. Бундан гъайры, 1940 сенеси Къырым АССР девлет мыкъясында азырлангъан ве ичине 40000 (къыркъ бинъ!) сёз къаврагъан «Русча-Къырымтатарджа Буюк Лугъат»нынъ эльязмасы да гъайып олды. Бу лугъатнынъ ишчи редакциясында А.О. Куркчи, Б. Аппазов ве Абибулла Мамин булуна эдилер. Баш редакция теркибине исе, А. Ислямов, Л.В. Жирицкий, Германович, А.И. Баккал ве А. Алиев булундылар. Ишбу лугъат 1941 сенеси декабрь 1-джек чыкъмакъ керек эди. Тиражи 5000 нусха планлаштырылды. Языкълар олсун, лугъат чыкъмады ве эльязмасы сюрдюнюк заманымызда дюнья юзюнден гъайып олды [бу акъкъында хабер: 11].

гречески и по-татарски. Николаев: типография управления николаевского порта Е.С. Павловскаго, 1868. 135 с.

7. *Кононов А.Н.* История изучения тюркских языков в России. Л., 1972. 256 с.

8. Краткий практический учебник татарского языка. Крымское наречие. Этимология. Для русских. Составил Осман Заатов – преподаватель Симферопольской русско-татарской Министерской школы. Симферополь: Типография Р.М. Гаспринского в Бахчисарае, 1915.

9. *Лазарев Л.* Турецко-татарско-русский словарь наречий: османского, крымского и кавказского с приложением краткой грамматики. Составлен магистром восточной словесности профессором при Лазаревском Институте Восточных языков Л. Лазаревым. М., 1864. 336 с.

10. *Наджип Э.Н.* Исследования по истории тюркских языков XI–XIV вв. М.: Наука, 1989. 283 с.

11. «Русча-Къырымтатарджа Буюк Лугъат» // Къызыл Къырым. 1940. № 235 (5639). Октябрь 9.

12. *Самойлович А.Н.* К истории и критике Codex Cumanicus // Самойлович А.Н. Избранные труды о Крыме. Симферополь: Доля, 2000. 296 с.

13. *Сейдаметова Н.С.* Полный русско-татарский словарь Османа Заатова как лексикографический источник для словообразовательного и лексического анализа // Труды НИЦ крымскотатарского языка и литературы КИПУ. Том 1. Симферополь: Крымчпедгиз, 2011. С. 19 – 21.

14. *Abu-Hayyan.* Kitab al-İdrak li-lisan Al-Atrak / Hazırlayan: Dr Ahmet Caferoğlu. İstanbul: Evkaf Matbaası, 1931.

15. *Peter B. Golden.* The Codex Cumanicus. Available at: <http://www.angelfire.com/on/paksoy/2CUMANIC.html>

16. *Tütüncü M.* 17 asırda Hollandaca – Kırım Tatarca bir sözlük hakkında // Bitig, 1992, № 3/4, s. 12–13.

Сведения об авторе: Исмаил Асанович Керимов – доктор филологических наук, профессор, директор НИЦ крымскотатарского языка, литературы, истории и культуры, Крымский инженерно-педагогический университет (295015, Учебный пер., 8, Симферополь, Крым); alimes@mail.ru



Лексикографические работы Биляла Терлекчи (1886–1965)

Исмаил Асаноглу Керим

(Крымский инженерно-педагогический университет)

Аннотация. В работе впервые представлена информация о 520-страничной неопубликованной рукописи крымскотатарского лексикографа дореволюционного периода Биляла Терлекчи. На основе сохранившихся письменных документов, а также воспоминаний близких родственников сделана попытка разработки научной биографии ученого. Дан краткий перечень лексикографических работ по крымскотатарскому языку начиная с XIII века.

Ключевые слова: Билял Терлекчи, крымскотатарская лексикография, неопубликованная рукопись.



Lexicographical works of Bilyal Terlekchi (1886–1965)

Ismail Asanoglu Kerim

(Crimean Engineering and Pedagogical University)

Abstract. This paper for the first time presents a 520-page manuscript of unpublished material of the Crimean Tatar lexicographer of the pre-revolutionary period Bilyal Terlekchi. On the basis of the preserved written documents as well as memories of close relatives an attempt is made to develop a scientific biography of the scientist. A brief list of lexicographical works on the Crimean Tatar language science of the 13th century has been given.

Keywords: Bilyal Terlekchi, Crimean Tatar lexicography, unpublished manuscript.

REFERENCES

1. Asanov Sh. Edebiy tilimiznin" inkishafy ve lug"atlary ak"k"ynda [About development of our literary language and dictionaries]. *Lenin bayrag"y* [Lenin's banner], 1984, january 3, 5, 7.
2. Akhmet Nezikhi Turan. Sudebnye reestry Krymskogo khanstva. Posle ikh obnaruzheniya [Judicial lists of the Crimean Khanate. After its discovery]. *K"asevet* [Care], 2014, issue 42, p. 90.
3. Budagov L.Z. *Sravnitel'nyy slovar' turetsko-tatarskikh narechiy, so vklyucheniem upotrebitel'neyshikh slov arabskikh i persidskikh i s perevodom na russkiy yazyk* [Comparative dictionary of Turco-Tatar dialects; including the words used in Arabic, Persian and translated into Russian]. Vol. 1. St. Petersburg, Tipografiya imperatorskoy akademii nauk. 1869. 810+10 p.; vol. 2. St. Petersburg, Tipografiya imperatorskoy akademii nauk, 1871. 417 p.
4. Zaatov O. *Polnyy russko-tatarskiy slovar'*. Sostavil *prepodavatel' Simferopol'skoy tatarskoy ministerskoy shkoly Osman Zaatov* [Complete Russian-Tatar dictionary. Compiler is a teacher of Simferopol Tatar Ministerial School Osman Zaatov]. Simferopol, Tipografiya Br. Nutis, 1906. 120 p.
5. Kerim I.A. Khafuz Osman Murasov (1882–1926) ve ailesi [Osman Murasov (1882–1926) and his family]. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie – Crimean Historical Review*, 2014, no, 1, pp. 217–229.
6. Kondaraki V. *Samouchitel' turko-tatarskago i novo-grecheskago yazykov ili Rukovodstvo nauchit'sya bez pomoshchi uchitelya govorit' po-grecheski i po-tatarski* [Self-taught manual of Turco-Tatar and new Greek languages or the leaders will learn to speak Greek and Tatar languages without a teacher]. Nikolaev, tipografiya upravleniya nikolaevskago porta E.S. Pavlovskago, 1868. 135 p.
7. Kononov A.N. *Istoriya izucheniya tyurkskikh yazykov v Rossii* [The history of learning Turkic languages in Russia]. Leningrad, 1972. 256 p.
8. *Kratkiy prakticheskiy uchebnik tatarskogo yazyka. Krymskoe narechie. Etimologiya. Dlya russkikh. Sostavil Osman Zaatov – преподаvatel' Simferopol'skoy russko-tatarskoy Ministerskoy shkoly* [Short practical manual of Tatar language. Crimean dialect. Etymology. For Russians. Compiled by Osmsn Zaatov – a teacher of Simferopol Russian-Tatar Ministerial School]. Simferopol, Tipografiya R.M. Gasprinskogo v Bakhchisarae, 1915.
9. Lazarev L. *Turetsko-tatarsko-russkiy slovar' narechiy: osmanskago, krymskago i kavkazskago s prilozheniem kratkoy grammatiki. Sostavlenn magistrom vostochnoy slovesnosti professorom pri Lazarevskom Institute Vostochnykh yazykov L. Lazarevym* [Turkish-Tatar-Russian dictionary: of Ottoman, Crimean and Caucasian with short grammer material included.

Compiled by the holder of master's degree in Eastern Literature, professor at Lazarev Institute of Eastern Languages] Moscow, 1864. 336 p.

10. Nadzhip E.N. *Issledovaniya po istorii tyurkskikh yazykov XI–XIV vv.* [Investigations on history of Turkic Languages in XI–XII c.] Moscow, Nauka Publ., 1989. 283 p.

11. «Ruscha-K"yrymtatardzha Buyuk lug"at» [The Larger Russian-Crimean Tatar Dictionary]. *K"yzyl K"yrym* [The Red Crimea], 1940, no. 235 (5639), october 9.

12. Samoylovich A.N. K istorii i kritike Codex Cumanicus [To the history and critics of Codex Cumanicus]. *Samoylovich A.N. Izbrannye trudy o Kryme* [Selected works on Crimea]. Simferopol, Dolya Publ., 2000. 296 p.

13. Seydametova N.S. Polnyy russko-tatarskiy slovar' Osmana Zaatova kak leksikograficheskiy istochnik dlya slovoobrazovatel'nogo i leksicheskogo analiza [Complete Russian-Tatar dictionary of Osman Zaatov as lexicographical source for word-formation and lexical analysis]. *Trudy Nauchno-issledovatel'skogo tsentra krymskotatarskogo yazyka i literatury Krymskogo inzhenerno-pedagogicheskogo universiteta* [The Works of Scientific-research center for the Crimean Tatar language and literature of the Crimean engineering-pedagogical university]. Vol. 1. Simferopol, Krymuchpedgiz, 2011, pp. 19 – 21.

14. Abu-Hayyan. *Kitab al-İdrak li-lisan Al-Atrak*. Hazırlayan Dr Ahmet Caferoğlu. İstanbul: Evkaf Matbaası, 1931.

15. Peter B. Golden. *The Codex Cumanicus*. Available at: <http://www.angelfire.com/on/paksoy/2CUMANIC.html>

16. Tütüncü M. 17 asırda Hollandaca – Kırım Tatarca bir sözlük hakkında. *Bitig*, 1992, no. 3/4, s. 12–13.

About the author: Ismail Asanovich Kerimov – Dr. Sci. (Philology), Professor, Director of Scientific Research Center of the Crimean Tatar language, literature, history and culture, Crimean Engineering and Pedagogical University (295015, Uchebnyy lane, 8, Simferopol, Crimea); alimes@mail.ru

УДК 81(=512.145)

Автохтонные языки Крыма в индоевропейско-тюркской языковой контактной зоне

Ахтем Мазин

*(Крымский государственный медицинский
университет им. С.И. Георгиевского)*

Аннотация. В результате контактов европейских и азиатских суперэтнических образований (славянских, византийских, персидских и тюркских) в Восточной Европе появились новые народы и языки. Этнические процессы в описываемом регионе определяли многие параметры рождающегося языка. Формирующиеся автохтонные языки Крыма (крымчакский, караимский, урумский, армяно-кыпчакский и крымскотатарский) в той или иной степени испытывали тюркское и индоевропейское влияние. В результате основных волн переселений тюркских народов в юго-восточной части Европы сформировались и доминировали тюркские языки. Нами выделяются три основных этапа формирования тюркских языков этого региона: болгаро-хазарский (VI–X вв.), половецко-кыпчакский (западнокыпчакский) (XI–XIII), ногайско-кыпчакский (восточнокыпчакский) (XIII–XV вв.). В течение XIII–XIX столетий происходит сближение четырёх сохранившихся тюркских языков Крыма. Складывавшийся в Крыму наибольший этнос, позже определённый как «крымские татары» или «крымцы» был многокомпонентным и при доминировании тюркской компоненты вобрал в себя также византийскую, готскую, аланскую, гунузскую и другие индоевропейские культурогенные и языковые составляющие.

Ключевые слова: этнолингвистика, ареальная лингвистика, автохтонные языки Крыма, крымскотатарский язык.

Период с V по XII века – время прохождения с Востока на Запад многочисленных волн тюркских народов, каждая из которых в той или иной степени повлияла на формирование совре-

менных тюркских языков Северного Кавказа и Крыма. Гунны, болгары, хазары, печенеги, половцы и другие племена и племенные союзы сменяли друг друга в этот временной промежуток. Чуть раньше, достигая максимума во II–IV вв. н.э., начинается движение европейских народов, носителей индоевропейских языков, на восток. Это переселение также оказало влияние на современные языки региона в целом, и на тюркские языки Крыма в частности. Цель нашего исследования – показать связь языков автохтонных народов Крыма с языками перечисленных этнических и суперэтнических образований, а также их контакты и взаимовлияние с крымскотатарским языком, как базовым явлением крымских этнолингвистических реалий.

Тюркские языки в юго-восточной части описываемого региона играют решающую роль и являются основополагающими в процессе формирования большинства современных языков, как у тюркских, так и у других народов Восточной Европы [7; 8]. При изучении закономерностей развития тюркских языков в XIX и XX вв., прежде всего, рассматривались языки центральной части азиатского ареала, выявлялась родственность, близость или отличающие их черты, определялась пратюркская языковая общность фонемного, морфемного и лексического материала [2; 3].

Отдельные тюркские языки оказались вне общей системы описания. В силу определенных политических обстоятельств крымскотатарский язык был вовсе вычеркнут из списка существующих тюркских языков. Поэтому, сложная этногенетическая и этнолингвистическая составляющая тюркских языков Крыма и соседних регионов не изучена в полной мере. Индоевропейская компонента не определена и не описана в них в достаточной степени. Начало исследованию этих проблем в последней четверти XX века положили работы А.Н. Гаркавца и А.М. Меметова [5; 9; 10].

Взаимовлияние индоевропейских и тюркских языков в Восточной Европе привело к доминированию на юге тюркских языков, на севере региона – славянских. Практически во всех случаях языковые процессы дублировали этнические. Основой формирования нового языка становился язык доминирующего этноса. При этом происходило сохранение лексики исходных языков (угрофинских на севере, греческого – на юге региона) или заимствование из языков этносов, участвовавших в формировании нового

народа (тюркские языки на севере региона). Также существовали сопутствующие этнолингвистические процессы. Ряд языков, как индоевропейских, так и тюркских, ранее распространённых в описываемом регионе, исчез, или долгое время существовал в реликтовой форме. Так функционирование готского языка в Горном Крыму прослеживается вплоть до XVI века [12].

Большую часть времени в восточной части восточноевропейского региона доминировали тюркские языки (VI–XIX вв.). На наш взгляд, следует выделить три основных этапа формирования тюркских языков этого региона: болгаро-хазарский (VI–X вв.), половецко-кыпчакский (западнокыпчакский) (XI–XIII), ногайско-кыпчакский (восточнокыпчакский) (XIII–XV вв.).

Исходными основополагающими, на наш взгляд, (каждый для своего периода) тюркскими языками в регионе следует считать хазарский и половецкий языки. Определённое влияние на описываемые языки оказал и болгарский язык, бытовавший в горной части полуострова и в других областях региона.

Сформировавшиеся на Крымском полуострове и ближайших к нему областях пять тюркских в своей основе языков: крымчакский, караимский, урумский, армяно-кыпчакский и крымскотатарский – появились, прежде всего, в результате влияния описанных выше основных волн переселения тюркских народов. Близкие по грамматической структуре и незначительно различающиеся по лексическому составу, они, при общем рассмотрении, могут быть восприняты как единый крымский язык с его диалектами, хотя в исходной своей форме они имели разную тюркскую основу.

Тюркские языки региона оказывали друг на друга влияние и претерпевали различные изменения. В течение XIII – XIX столетий происходит сближение четырёх сохранившихся тюркских языков Крыма. Эти процессы достигают максимума в конце XIX – начале XX. В первой половине XX века рядом учёных крымчакский язык рассматривался как диалект крымскотатарского языка [1, с. 4].

Критерии выделения отдельных языков в описываемом регионе до сих пор являются спорными. На наш взгляд, одним из критериев разграничения могут быть старые формы какого-либо языка или сохраняющиеся поныне диалекты, имеющие отличия от основного крымского варианта. Так, за пределами полуострова

сохраняли своеобразие тракайский и галицкий диалекты караимского языка. Особенности фонетики и лексики урумского языка также встречаются в диалектах, распространённых в Приазовье [5]. Эти особенности позволяют анализировать истоки тюркских языков Крыма, их влияние на крымскотатарский язык, как вошедший в себя все основные черты тюркских языков региона.

Складывавшийся в Крыму наибольший этнос, позже определённый как «крымские татары» или «крымцы», был многокомпонентным и при доминировании тюркской компоненты вобрал в себя также византийскую, готскую, аланскую, гунезскую и другие индоевропейские культурогенные и языковые составляющие. В разных зонах Крымского полуострова происходили различные процессы, что привело к формированию трёх диалектов крымскотатарского языка. И если северный и средний диалекты складывались на сугубо тюркской основе (основа северного диалекта – говоры ногайского языка, среднего – западно-кыпчакские, полонецкие говоры), то на южном берегу происходило постепенное вытеснение говорами турецкого языка новогреческих говоров. Определённую роль сыграли сопутствующие процессы (например, смена конфессиональной принадлежности и замена греческих христианских лексем арабскими: *стефан этмек – нишанламакъ*). При углублённом исследовании диалектной составляющей в южнобережных говорах крымскотатарского языка выделяется большое количество греческих и итало-романских лексем, которое превышает количество подобных заимствований в говорах других тюркских языков Крыма. В этом случае необходимо учитывать различные исходные данные описываемых тюркских языков и дальнейший их статус: крымскотатарского – как языка консолидирующего, межэтнического общения, и караимского, крымчакского, урумского – как языков замкнутой этнической группы или малого народа. Необходимо добавить, что история индоевропейского влияния на караимский, урумский, турецкий и крымскотатарский языки и культуру – это совокупность проблем, требующих углублённой разработки. Разработке этих проблем должен предшествовать сопоставительный анализ диалектов и говоров вышеперечисленных языков, который также является отдельной научной проблемой.

Как отмечалось в наших работах [6; 8], достаточно часто происходит заимствование иноязычной лексики, фонетических, морфологических и синтаксических черт чужого языка на стыке языковых семей и суперэтнических образований, например, славянских и тюркских или финно-угорских и балтийских и других народов и языков, то есть является следствием контактов различных этнических и суперэтнических образований. В этой ситуации тюркские языки до XV–XVI столетия выступали как языки доноры, как языки, передающие арабскую, персидскую, китайскую, собственно тюркскую лексику индоевропейским народам региона.

Следует также при описании вышеупомянутых языков, их взаимовлияния и развития учитывать факторы моно- и полиэтничности, а также явление конгломератизации как важнейшие этнические факторы.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Тюркские языки Крыма вобрала в себя черты всех основных исходных тюркских языков, бытовавших на юго-востоке Европы.
2. Выделяется три основных этапа формирования тюркских языков описываемого региона: болгаро-хазарский (VI–X вв.), половецко-кыпчакский (западнокыпчакский) (XI–XIII), ногайско-кыпчакский (восточнокыпчакский) (XIII–XV вв.).
3. Тюркские языки региона оказывали друг на друга влияние и претерпевали различные изменения. В течение XIII–XIX столетий происходит сближение четырёх сохранившихся тюркских языков Крыма.
4. Складывавшийся в Крыму наибольший этнос, позже определённый как «крымские татары» или «крымцы», был многокомпонентным и при доминировании тюркской компоненты вошёл в себя также византийскую, готскую, аланскую, гунузскую и другие индоевропейские культурогенные и языковые составляющие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ачкинази И.В.* Крымчаки: Историко-этнографический очерк. Симферополь: Дар, 2000. 192 с.
2. *Баскаков Н.А.* Очерки истории функционального развития тюркских языков и их классификация. Ашхабад: Ылым, 1988. 140 с.
3. *Баскаков Н.А.* Этнолингвистическая классификация диалектных систем современных тюркских языков. М.: Наука, 1964. 10 с.
4. *Гаджиева Н.З.* Тюркоязычные ареалы Кавказа. М.: Наука, 1979. 263 с.
5. *Гаркавец А.Н.* Тюркские языки на Украине (развитие структуры). Киев: Наукова думка, 1988. 176 с.
6. *Мазинов А.С.* Индоевропейская составляющая в формировании автохтонных языков Крыма // *Культура народов Причерноморья*. 2011. № 199. Т. 2. С. 152–154.
7. *Мазинов А.С.* Этнические контакты и заимствованная лексика // *Культура народов Причерноморья*. 2009. № 155. С. 136–139.
8. *Мазинов А.С.* Этнолингвистическое исследование контактных языковых зон // *Культура народов Причерноморья*. 2009. № 158. С. 90–92.
9. *Меметов А.М.* Иноязычные заимствования в крымскотатарском языке: Материалы к спецкурсу по лексике крымскотатарского языка. Ташкент: Изд-во ТашПИ, 1990. 121 с.
10. *Меметов А.М.* Источники формирования лексики крымскотатарского языка. Ташкент: Фан, 1988. 110 с.
11. *Меметов А.М., Мусаев К.* Крымтатарский язык. Симферополь: Крымучпедгиз, 2003. 288 с.
12. *Тищенко К.М.* Етновна історія прадавньої України. К.: «Аквілон-Плюс», 2008. 480 с.

Сведения об авторе: Ахтем Сеит-Аметович Мазинов – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Крымского государственного медицинского университета им. С.И. Георгиевского (295006, бульвар Ленина, 5/7, Симферополь, Крым); ahtemmazinov@hotmail.com



The Crimean Autochthonous Languages in Indo-European-Turkic Language Contact Zone

Akhtem Mazinov

(S.I. Georgievsky Crimean State Medical University)

Abstract. Contacts between European and Asian superethnic generations (Slavic, Byzantine, Persian, and Turkic ones) in the Eastern Europe resulted in the appearance of new nations and languages. Ethnic processes in the given area determined many parameters of the incipient language. When being formed, the Crimean autochthonous languages (Krymchakian, Karaitic, Urum, Armenian-Kipchakian, and Crimean Tatar) came under the Turkic and Indo-European influence. The main waves of migration of Turkic peoples resulted in formation and dominance of the Turkic languages in the southeast part of Europe. We distinguish three stages of the Turkic languages formation in this area: Bulgar-Khazar (VI–X centuries), Polovtsian-Kipchakian (west-kypchakian) (XI–XIII), and Nogay-Kipchakian (east-kipchakian) (XIII–XV). Rapprochement of the four remained Turkic languages of the Crimea had been taking place during XIII–XIX centuries. The most numerous ethnos in the Crimea, which lately became known as Crimean Tatars or inhabitants of the Crimea, had multicomponent structure; but under the dominance of the Turkic component, it absorbed Byzantine, Gothic, Alanian, Genoese and other Indo-European cultural and linguistic components as well.

Keywords: ethnolinguistics, areal linguistics, the Crimean autochthonous languages, the Crimean Tatar language.

REFERENCES

1. Achkinazi I.V. *Krymchaki: Istoriko-etnograficheskiy ocherk* [Krymchaks: Historical and ethnographic study]. Simferopol, Dar Publ., 2000. 192 p.
2. Baskakov N.A. *Ocherki istorii funktsional'nogo razvitiya tyurkskikh yazykov i ikh klassifikatsiya* [Essays on the History of the functional development of the Turkic languages and their classification]. Ashkhabad, Ylym Publ., 1988. 140 p.
3. Baskakov N.A. *Etnolingvisticheskaya klassifikatsiya dialektnykh sistem sovremennykh tyurkskikh yazykov* [Ethno-linguistic classification of dialect systems of the modern Turkic languages]. Moscow, Nauka Publ., 1964. 10 p.

4. Gadzhieva N.Z. *Tyurkoyazychnye arealy Kavkaza* [Turkic-speaking areas of the Caucasus]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 263 p.
5. Garkavets A.N. *Tyurkskie yazyki na Ukraine (razvitie struktury)* [Turkic languages in Ukraine (development of the structure)]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1988. 176 p.
6. Mazinov A.S. *Indoevropeyskaya sostavlyayushchaya v formirovanii avtokhtonnykh yazykov Kryma* [Indo-European element in the formation of indigenous languages of Crimea]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya – Culture of people of the Black Sea coast*, 2011, no. 199, vol. 2, pp. 152 – 154.
7. Mazinov A.S. *Etnicheskie kontakty i zaimstvovannaya leksika* [Ethnic contacts and loanwords]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya – Culture of people of the Black Sea coast*, 2009, no. 155, pp. 136–139.
8. Mazinov A.S. *Etnolingvisticheskoe issledovanie kontaktnykh yazykovykh zon* [Ethno-linguistic study of language contact zones]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya – Culture of people of the Black Sea coast*, 2009, no. 158, pp. 90 – 92.
9. Memetov A.M. *Inoyazychnye zaimstvovaniya v krymskotatarskom yazyke: Materialy k spetskursu po leksike krymskotatarskogo yazyka* [Foreign-language borrowings in the Crimean Tatar language: Materials for the course of the Crimean Tatar lexicology]. Tashkent, TashPI publ., 1990. 121 p.
10. Memetov A.M. *Istochniki formirovaniya leksiki krymskotatarskogo yazyka* [Sources of formation of the Crimean Tatar language vocabulary] Tashkent, Fan Publ., 1988. 110 p.
11. Memetov A.M., Musaev K. *Krymtatarskiy yazyk* [Crimean Tatar language]. Simferopol, Krymuchpedgiz Publ., 2003. 288 p.
12. Tishchenko K.M. *Etnomovna istoriya pradavn'oi Ukraini* [Ethno-linguistic history of ancient Ukraine]. Kiev, «Akvilon-Plyus» Publ., 2008. 480 p.

About the author: Akhテム Seit-Ametovich Mazinov – Cand. Sci. (Philology), associate professor of the Department of foreign languages, S.I. Georgievsky Crimean State Medical University (295006, Lenin Avenue, 5/7, Simferopol, Crimea); ahtemmazinov@hotmail.com

КУЛЬТУРА



УДК 39(477.75):001.891"19"

Развитие музейного строительства в Крымской АССР: экспедиционная деятельность музеев, охранные раскопки

Улькер Мусаева

(Крымский инженерно-педагогический университет)

Аннотация. В научный оборот вводится новый корпус архивных документов, посвященный истории музейного строительства в Крыму в первой половине 20-х гг. XX в., выявленный в фондах ГАРФ (г. Москва). Анализируется участие центральных органов Народного комиссариата просвещения РСФСР в этом процессе, представляются формы взаимодействия руководящих органов и их региональных подразделений в обеспечении организационной, методической, материальной, исследовательской инициативы в процессе работы крымских музеев.

Ключевые слова: музеи, Крымская АССР, Главмузей Наркомата просвещения РСФСР, КрымОХРИС, К.Э. Гриневич, археологические раскопки.

В начале 20-х гг. XX века наблюдалось значительное оживление археологических исследований в Крыму. Это было связано с началом активной деятельности общегосударственных учреждений, призванных регулировать и курировать изучение и сохранность памятников истории и культуры: Главнауки Нарком-

проса РСФСР, его специализированного подразделения – Музейного отдела Главнауки, ГАИМК, профильного регионального подразделения – КрымОХРИСа, находившегося в ведении Наркомпроса Крымской АССР. Работы по изучению памятников древности получали финансовую поддержку со стороны республиканских властей. Процесс непосредственной организации раскопок памятников должны были обеспечить подразделения единой государственной сети музеев республики. На них же возлагалось техническое сопровождение сбора, описания, учета и хранение найденных объектов. В связи с этим первоначально роль крымских музеев в изучении памятников истории региона можно охарактеризовать как вспомогательную. Данная работа стала основой деятельности профильных археологических музеев Крыма – Государственных Херсонесского и Керченского историко-археологических музеев, самостоятельно работу по обследованию памятников древности также смог организовать Археологический отдел ЦМТ. Использование новых, методологически обоснованных принципов и форм исследований археологических объектов позволили названным учреждениям вывести процесс изучения памятников прошлого Крыма на новый качественный уровень, сделать археологические раскопки и охранные мероприятия постоянными, обеспечить оперативную публикацию результатов исследований. В связи с этим можно сделать вывод о выходе коллективов крымских профильных музеев к концу исследуемого периода на уровень основных организаторов раскопок, ведущей роли местных исследователей в контексте определения перспектив изучения, составления соответствующей текущей документации экспедиций, отчетов перед контролирующими органами, во многом – о завершении эволюции крымских музеев в полноценные научно-исследовательские учреждения.

Наиболее масштабно и стабильно археологические исследования были организованы на территории Херсонесского городища. Это объяснялось наличием преемственной базы в виде «Склада местных древностей», существовавшего с 1882 г. и выполнявшего роль учреждения первичной музеефикации найденных при раскопках экспонатов. При этом статус «Склада», как и само положение городища к 1921 г. оставалось неурегулированным. События Первой Мировой войны и эвакуация большей час-

ти музейной коллекции в Харьков, последующая нестабильность периода Гражданской войны, серьезный материальный урон, нанесенный территории раскопок при отступлении из Севастополя соединений «Русской армии» генерала П.Н. Врангеля в ноябре 1920 г., последующее присутствие на территории памятника войск Красной армии и размещение на территории монастыря городских учреждений социального презрения создавало объективные трудности, а зачастую делало невозможным проведение археологических работ, а также – мероприятий по охране памятников [3, с. 8–10].

Вместе с тем, отдельные археологические исследования в эти годы удалось организовать. Так, в 1920–1922 гг. заведующим раскопками Л.А. Моисеевым было продолжено изучение западной части городища, где основным объектом интереса ученого стал неизвестный ранее северный отрезок оборонительной стены. Также в ходе этих работ удалось обнаружить фрагмент надгробной стелы, датируемой первыми веками нашей эры [1, с.18; 2, с. 419; 6, с. 160–161]. В 1922–1923 гг. были проведены раскопки и разведки на территории акрополя городища, материалы которых остались неопубликованными [5].

Новый этап археологического изучения городища был связан с деятельностью заведующего музеем К.Э. Гриневича в 1924–1928 гг. Учитывая, что приоритетом деятельности ученого было создание постоянной музейной экспозиции, а также закрепление за Херсонесским музеем статуса научно-исследовательского центра эпохи античности и средневековья в Крыму, проведение данных экспедиций и раскопок следует охарактеризовать как практическое оформление наиболее актуальной задачи музейного строительства в рамках отдельно взятого музейного учреждения. Более того, раскопки, организованные К.Э. Гриневичем заложили основу для дальнейшего систематического изучения памятников городища, создали необходимую базу для их охраны на государственном уровне.

О масштабе и уровне начатых исследований свидетельствует интерес со стороны ГАИМК – уполномоченного специализированного органа, который контролировал ход и результаты, а также осуществлял научное руководство всеми археологическими изысканиями на территории СССР. Для осуществления помощи,

а возможно – и для наблюдения за действиями нового директора летом 1925 г. в Херсонес для проведения осмотра был направлен заведующий отделом византийских памятников ГИМ, крупный знаток крымских памятников средневекового периода Николай Дмитриевич Протасов (1886–1940). Его отчет, представленный в ГАИМК, подробно и объемно рисует состояние объектов памятника на момент создания Государственного Херсонесского историко-археологического музея. Ученый определял цель своего визита как «скромную»: определить датировку отдельных предметов древности из Херсонеса, хранившихся в отделе византийских памятников ГИМ. В связи с этим, исследователь определял и методику своей работы – изучение археологических дневников и отчетов в фондах музея, сравнение датировки экспонатов ГИМ с аналогичными в собраниях Херсонесского музея, определение топографии тех или иных объектов. Однако состояние городища и музея в действительности вынудило Н.Д. Протасова отказаться от намеченных планов штудий и рассмотреть более широкий круг проблем изучения херсонесских древностей. Так, ученый констатировал отсутствие в распоряжении администрации музея археологических дневников и отчетов о раскопках после 1912 г. При этом сами находки этого периода и более ранние предметы находились в складских помещениях музея. Именно на сопоставлении непосредственного археологического материала и смог построить свои выводы Н.Д. Протасов, анализируя сначала предметы, найденные во время раскопок до 1912 г. и имевшие датировку, соответственно, наличие хронологических рамок позволяло ученому датировать и предметы из раскопок позднее 1912 г. Данные сравнения позволили усомниться в датировке коллекции изделий из стекла, бронзы и ожерелий всех типов ввиду того, что по «формальным особенностям» экспонатов они могли быть отнесены как к античному, так и к византийскому периоду истории Херсонеса. В результате специальных экспертиз Н.Д. Протасову удалось все же определить особенности интересовавших его предметов и установить приблизительную датировку. Относительно еще одной большой группы предметов, находившихся на сохранении в Херсонесском музее – глиняной поливной посуды, исследователь обратил внимание на ее недостаточную изученность, как следствие отсутствия внимания к ней как к ценному

историческому источнику у предшествовавших исследователей. Наиболее интересными, по определению Н.Д. Протасова экспонатами были экземпляры глиняной поливной посуды со звериным рельефным орнаментом, датировка и происхождение которых стала возможной только благодаря случайным заметкам в отчетах и идентичностью либо близким сходством обнаруженных предметов с аналогичными из Малой Азии и Египта. Благодаря этим находкам становилось возможным определить основные пункты внешних экономических контактов Херсонеса в средневековый период, а также проследить основные статьи экспорта и импорта города. Н.Д. Протасов также отмечал, что согласно просьбы КрымОХРИСа и дирекции Херсонесского музея он проводил и другую работу – по организации Византийского отдела музея. Ученый констатировал, что использование экспонатов происходило по «социологическому принципу» и отражало основные сферы жизни городища в средневековый период, для экспозиции были определены необходимые датировки, составлен историко-культурный план и план осмотра отдела [4, л. 9–11].

Таким образом в ходе формулировки планов изучения античных и средневековых памятников Херсонеса наблюдалась активная и содержательная дискуссия между представителями дирекции музейного учреждения (в лице его директора в 1924–1928 гг. К.Э. Гриневича) и представителями ГАИМК, направившими для наблюдения за раскопками в 1925–1926 гг. своего представителя (Н.Д. Протасова). Результатом данного сотрудничества стал конфликт дирекции Херсонесского музея и ГАИМК, приведший к созданию осенью 1926 г. специальной комиссии по выработке плана обследования Херсонеса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белов Г.Д. Херсонес Таврический: историко-археологический очерк. Л.: Государственный Эрмитаж, 1948. 147 с.
2. Гриневич К.Э. Достижения советских ученых в исследовании античных городов Северного Причерноморья // Труды исторического факультета Харьковского государственного университета им. А.М. Горького. 1957. Т. 6. С. 416–431.

3. *Зубарь В.М.* Летопись археологических исследований Херсонеса-Херсона и его округа, 1914–2005 гг. Симферополь, 2009. 491 с.

4. Научный архив Института истории материальной культуры Российской академии наук, рукописный отдел. Ф. 2, Государственная академия истории материальной культуры, оп. 1, д. 106. Работа в Херсонесе по изучению памятников Н.В. Измайловой. Отчет и переписка, 1925 г., 15 л.

5. Національний заповідник «Херсонес Таврійський», науковий архів, спр. 99. Моїсеев Л. О. Розкопки Херсонесу в 1922–1923 рр. Щоденник розкопок та розвідок. Інвентарні описи знахідок, 1922–1923 рр., 60 л.

6. *Соломоник Э.И.* Новые эпитафические памятники Херсонеса. Киев, 1964. 196 с.

Сведения об авторе: Улькер Кязимовна Мусаева – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Крымский инженерно-педагогический университет (295015, Учебный пер., 8, Симферополь, Крым); musaeva_ulker@mail.ru



**The development of the museum building
in the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic:
expeditionary activity of the museums,
security excavations**

Ulker Musaeva

(Crimean Engineering and Pedagogical University)

Abstract. The new case of archival documents devoted to history of museum building in Crimea in the first half of the 20th, the XX century is entered into a scientific turn, which was revealed in funds of the State Archive of Russian Federation (Moscow). Participation of central bodies of the State commissariat on education of RSFSR in this process is analyzed, forms of interaction of directing bodies and their regional divisions in maintenance of the organizational, methodical, material, research initiative in the course of work of the Crimean museums is represented.

Keywords: museums, Crimean ASSR, Glavmuzej of the State commissariat of education of RSFSR, KrymOHRIS, K.E. Grinevich, archeological excavations.

REFERENCES

1. Belov G.D. *Khersones Tavricheskiy: istoriko-arkheologicheskoy ocherk* [Chersonesos: historical and archaeological sketch]. Leningrad, State Hermitage Publishing House, 1948. 147 p.
2. Grinevich K.E. Dostizheniya sovetskikh uchenykh v issledovanii antichnykh gorodov Severnogo Prichernomor'ya [Achieving of the Soviet scientists in studies of ancient cities of the North Black Sea Coast]. *Trudy istoricheskogo fakul'teta Khar'kovskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.M. Gor'kogo* [Works of historical faculty of Kharkov state University after A.M. Gorky], 1957, vol. 6, pp. 416–431.
3. Zubar' V.M. *Letopis' arkheologicheskikh issledovaniy Khersonesa-Khersona i ego okrugi, 1914–2005 gg.* [Chronicles of archaeological research of Chersonese, Kherson and its district (1914–2005).] Simferopol, 2009. 491 p.
4. Nauchnyy arkhiv Instituta istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk, rukopisnyy otdel [Scientific archive of the history institute on the material culture of Russian academy of sciences, the department of manuscripts]. F. 2, Gosudarstvennaya akademiya istorii material'noy kul'tury, op. 1, d. 106. Rabota v Khersonese po izucheniyu pamyatnikov N.V. Izmaylovoy. Otchet i perepiska, 1925 g., 15 l.
5. Natsional'niy zapovidnik «Khersones Tavriys'kiy», nauchiy arkhiv [National sanctuary «Khersones Tavriyskiy», scientific archives], spr. 99. Moiseev L.O. Rozkopki Khersonesu v 1922–1923 rr. Shchodennik rozkopok ta rozvidok. Inventarni opisi znakhidok, 1922–1923 rr., 60 l.
6. Solomonik E.I. *Novye epigraficheskie pam'yatniki Khersonesa* [New epigraphic monuments of Chersonesos]. Kiev, 1964. 196 p.

About the author: Ulker Kayzimovna Musaeva – Cand. Sci. (History), assistant professor of the Department of History, Crimean Engineering and Pedagogical University (295015, Uchebnyy lane, 8, Simferopol, Crimea); musaeva_ulker@mail.ru

УДК 94:334.72(477.75)"18"

Ремесленное производство в Бахчисарае в XIX в.

Эльвиз Османов

(Крымский инженерно-педагогический университет)

Аннотация. В данной статье проанализирована динамика роста и развития Бахчисарая как крупнейшего центра ремесленного производства, его специализация как производителя медной посуды и выделки кож. Крымские татары поддерживали местные традиции ремесленного производства, основанного на использовании местного и отчасти привозного сырья. Были выявлены причины спроса на внутреннем и внешнем рынке. Выделка кожевенных изделий и обработка металлов служили не только местным потребностям, но и экспорту. Все ремесленники Бахчисарая были объединены в 32 цеховые корпорации, которые подробно нормировали условия труда и сбыта. Мастера распределялись по различным кварталам согласно ремеслу. С присоединением Крыма к России промышленность города развивалась интенсивнее, численность горожан росла. Однако к середине XIX в. Бахчисарай начал терять свое значение, как крупный ремесленный центр, так как ремесленники не выдерживали конкуренции с производствами в других городах. Тогда возникла идея создания ремесленного училища с несколькими мастерскими, которое не только обучало бы будущих мастеров, но и дало бы возможность существующим ремеслам совершенствоваться. В 1896 г. были открыты кузнечная, шорная, сапожная мастерские, а также по выделке сафьяна, скорняжно-портняжная и столярно-токарная.

Ключевые слова: Бахчисарай, ремесленный центр, мастер, кожевенное производство, цеховые корпорации, ремесленное училище.

Крымское ханство имело довольно мощную экономику, основанную на многоотраслевом сельском хозяйстве, ремесленном производстве и разнообразных промыслах, оживленной внутренней и внешней торговле.

Значительная часть городского населения занималась ремеслами и торговлей, в меньшей степени садоводством и огородничеством. В большинстве своем преобладали яблоневые сады, особое значение занимало виноградарство, как неотъемлемый атрибут каждого двора.

Крымские татары традиционно занимались ремесленным производством, основанном на использовании местного и привозного сырья. Общественные формы организации и технология производства, художественное оформление изделий крымских ремесленников испытали разносторонние культурные влияния – византийские, итальянские, арабские, иранские, сельджукские и турко-османские.

К числу наиболее развитых здесь видов производства принадлежала выделка кожевенных изделий и обработка металлов, главным образом, холодного и огнестрельного оружия, служившего не только местным потребностям, но и экспорту. Ремесленное кустарное производство Бахчисарая развивалось при ограниченном рынке и приняло форму замкнутых цеховых организаций, которые подробно нормировали условия труда и сбыта [9, с. 417].

В состав цехов входили: мастера «уста», подмастерья «калфа», и ученики «шегирт». Во главе цеха стоял мастер «уста-башы», «йигит-башы» – его помощник, «чауш» староста. У каждого цеха был свой «пирр» – покровитель, основатель их производства. Все цеха объединялись в общий союз «эснаф», во главе с выборным главой «эснаф-башы» и религиозным главой «накибом» [7, с. 46]. Согласно имеющемуся в Бахчисарайском музее списку, в эснаф входило до 50 различных производств [1, с. 77].

У «накиба» хранилось цеховое знамя, история возникновения цеха, список его покровителей, религиозные песнопения. Все цеха имели свои уставы – «селефнаме» – правила предков.

Нравственные нормы, регламентирующие жизнь ремесленников, строились на основе шариата и проповедей суфиев.

Нарушившие устав мастера могли быть оштрафованы, исключены из цеха, лишены права заниматься ремеслом и даже высланы из города. Прибывший в цех, через три года переводился в ученики, а затем в мастера [7, с. 47].

Посвящение происходило через специальный обряд – «реван» – посвящение в ремесленники, без которого «непосвященный» не имел права нанимать учеников, не мог продавать свои изделия и находиться среди мастеров. Уста-башы переписывал всех желающих, которые вносили посильные взносы. Для начала выбирался калфа-башы, технический распорядитель ревана, атрибутом которого становился посох – таяк, увешанный разноцветными шелковыми ленточками. Реван мог продолжаться днями; в это время происходили игры, борьба. Опоясанный был уже полноправным членом цеха. Молодежь его уважала и, увидев, почтительно поднималась с мест. Вечером, новые мастера, уже реванлы – посвященные, собирались отдельно и веселились.

Все ремесленники Бахчисарая были объединены в 32 цеховые корпорации. Города Крымского ханства делились на специализированные ремесленные центры, и Бахчисарай славился производством медной посуды и выделкой кож. Местные мастера вырабатывали прекрасные замши, шагрени, сафьяны. Бахчисарайские сафьяны имели самые разнообразные цвета: темно-бордовый, палево-желтый, красный, фиолетовый, черный, голубой, светло-зеленый, к тому же были мягкими как атлас. Самыми известными из кожевенных товаров были крымские седла, они отличались легкостью, удобством и красотой отделки. Их вывозили в больших количествах [7, с. 22].

В производстве металлических изделий использовали железо, сталь, чугун, бронзу, медь, олово, серебро и золото. Крымские татары отдавали предпочтение медной посуде, которую выстраивали на «рафах» – полках для украшения жилища (Рис. 1).

Главная улица Бахчисарая являлась центром ремесленной жизни города. В настежь распахнутых лавках были выставлены и вывешены грубая глиняная посуда, простые кожи, большое количество разнообразных изделий из сафьяна, также седла, туфли, кушаки [13, с. 93]. Каждый ремесленник занимался своей ежедневной работой: портной кроил платье, сапожник тачал сапоги, хлебник месил тесто, мясник свеживал баранов, цирюльник сверкал острой бритвой [10, с. 55].



Рис. 1. Лавка кустаря-медника. Фотография 1920–1930 гг.
Из фондов БИКАМЗ

Цирюльники играли здесь не менее важную роль: они поэты, философы, политики. Все они трудились хладнокровно, с соблюдением величайшего спокойствия [6, с. 421].

Путешествовавший по Крыму в 1793 г. академик Паллас насчитал в Бахчисарае 517 лавок, «из них 121 с шелковыми товарами розничной продажи, 41 лавка с седлами и другими кожаными предметами, 135 лавок со съедобными припасами, 24 с обувью, 23 лавки, где продаются большие и малые татарские ножи...» [11, с. 57].

Крымские ножи – «пичаки», славившиеся по всему Востоку, закупались даже Москвой; партии этого товара достигали 400 тыс. штук.

«... 19 лавок портных, 5 лавок с котлами и металлической посудой... 6 серебрянщиков, 5 оружейных мастеров, 8 башмачников, 9 лавок с деревянной посудой, 5 где делают шерстяные канаты и другие веревки, 8 бондарен, 7 лавок с бурками, плащами, 4 горшечника, 8 лавок с трубками и чубуками... 13 кожевенных заводов, 6 кузниц... 7 лавок, где производится резная работа по дереву» [11, с. 58].

В Бахчисарае изготавливались и различные виды огнестрельного оружия. Особенно славились карабины: один бахчисарайский карабин стоил от 15 до 200 пиастров – для сравнения отметим, что хороший конь стоил 30 пиастров. Этого вида оружия только на экспорт производилось до 2 тысяч стволов в год, большой спрос на них был и внутри ханства.

В конце XVIII – начале XIX вв. Бахчисарай превратился в заштатный городок Таврической губернии. По данным академика Палласа, в 1783 г. в Бахчисарае насчитывалось 1560 домов, в которых проживали 5776 чел. В городе было 5 мельниц, 20 пекарен, 6 кузниц.

С присоединением Крыма к России промышленность города развивалась интенсивнее, численность горожан росла. В 1847 г. в Бахчисарае уже проживало 13313 чел. Действовало 7 мельниц и 23 кустарных производства, работало 113 сапожников, 34 медника и жестянщика, 38 кузнецов [8, с. 243].

В 1884 г., по архивным данным, в Бахчисарае было 577 торгово-промышленных заведений. Среди них 15 сафьяновых заводов, 39 сапожных, 17 шубных, 6 шапочных, 18 шорных и 8 войлочных мастерских, 13 лавок с медной посудой, 9 бондарен, три лавки серебряных и золотых дел мастеров, по 2 лавки чубучников, горшечников и деревянных изделий [7, с. 22]

Мастера распределялись по различным кварталам согласно ремеслу. Каждый сидел в своей лавке, открытой со стороны улицы, и занимался своим делом. В этих заведениях изготавливали повозки и разные к ним принадлежности; чесали, пряли, разматывали хлопчатую бумагу. Вместо окон по всему фасаду шли ставни, запиравшиеся на ночь и открывавшиеся утром таким образом, что верхняя часть образовывала навес, а нижняя – прилавок.

К середине XIX в. Бахчисарай начал терять свое значение, как крупный ремесленный центр. Главная причина была в самих ремесленниках, которые не выдерживали конкуренции с производствами в других городах [5, л. 8].

Судя по всему, именно тогда возникла идея создания ремесленного училища для подготовки искусных умельцев. Открытие училища решило бы еще проблему трудоустройства. Нужно было уточнить количество видов ремесел и численность самих кустарей [2, л. 16].

Самое обширное и прибыльное из ремесел – выделка сафьяна разных сортов, причем изделия красного цвета ценились больше. Сафьян имел большой сбыт в Крыму, и еще больше его продавалось за пределами полуострова. В Бахчисарае кожевенные заводы были построены вдоль р. Чурук-Су и начинались недалеко от Ханского дворца. Здание завода обычно было двухэтажным, фахверковым (Рис. 2). В начале XIX в. эти ремеслом занимались не менее 2000 человек, а к середине столетия их осталось 380, из них 130 в качестве рабочих. Способы и орудия выделки были устаревшими. Чтобы придать блеск окрашенному уже сафьяну, применяли валик грубого стекла, которым натиралась кожа (Рис. 3). Для отделки таким способом куска небольшой кожи требовалось не менее 1,5 часов усиленной работы. В среднем, один рабочий мог выделать 2 бараньи или козьи кожи. Такой отсталостью в способах выделки и объяснялась невозможность конкуренции с фабричным производством, и постепенное его сокращение.

С кожевенным производством была тесно связана работа сапожников. В середине XIX в. мастеров и подмастерьев было 346 человек, а к началу XX в. их осталось около 200. Для оборудования лавки сапожника нужно было не так уж много денег. Шили бахчисарайские сапожники мужские и женские сапоги, туфли, домашнюю обувь и др. Обувь эта была вдвое дешевле привозной (Варшавской или Петербургской). Дешевизна получалась не от увеличения производительности, а от снижения заработка. Лучший мастер при 14 часовом труде зарабатывал в среднем не более 1 рубля в сутки. Заработок менее искусных – 40 коп. [3, л. 2].

Плотницким и токарным ремеслом занималось 178 местных жителей. Для того чтобы выточить вещь простой формы из дерева требовалось 2 человека: один направлял точильный инструмент, другой приводил во вращательное движение обрабатываемый кусок дерева. На самом простом станке один человек мог выработать в 3 раза больше, чем 2 человека вручную.

В скорняжно-портняжном ремесле были заняты 67 человек. Часть из них занималась дублением овчин, остальные – шитьем тулупов, полушубков и татарских шапок.



Рис. 2. Кожзавод вдоль р.Чурук-Су. Фотография 1920–1930 гг.
Из фондов БИКАМЗ



Рис. 3. Кустарное производство. Обработка кож.
Фотография 1920–1930 гг. Из фондов БИКАМЗ

Производители медной посуды гордились хорошим сбытом. Также были седельно-шорное, войлочное ремесла и плетение корзин. Серебряных дел мастера изготавливали преимущественно татарские женские украшения: пояса, серьги, кольца.

Еще в начале XIX в. многочисленные Бахчисарайские ремесленники очень славились и их изделия использовались не только в Крыму, но и далее на север: сафьяны, седла, бурки, медная посуда и серебряные украшения. Еще долго передавались имена особенно искусных мастеров. Ремесленники делились на цеха, организация которых во многом сходная с европейской. С падением ремесла цеха потеряли свое значение и превратились в памятники прошлого.

Член ТУАК А.Н. Самойлович, побывав в Бахчисарае в 1912 г., собирал сведения о цеховых мусульманских организациях. Ознакомился с цехом кожевников, земледельцев, а также с уставом хлебопекарского цеха. Форма уставов – свиток. Каждый цех имел своего духовного покровителя – пирра – святых, живших после Мохаммеда. Что касается места возникновения мусульманских организаций, то существует предположение, что они пришли из шиитской Персии [12, с. 294].

Распространению и процветанию ремесел в Бахчисарае способствовало отсутствие иных занятий, дающих заработок большинству населения в торгово-промышленных городах. В Бахчисарае торговля была незначительная. Сами условия заставляли жителей искать средства к жизни в занятии ремеслами. Была необходима поддержка и возможность их развития. Таким средством могло стать ремесленное училище, которое не только обучало бы мастеров, но и дало бы возможность существующим ремеслам усовершенствоваться. Ради сокращения расходов первоначально предполагалось открыть училище с 4 мастерскими, через 5–6 лет число ремесел увеличилось бы. Открытие в Бахчисарае ремесленного училища давно предполагалось местным самоуправлением, но не могло осуществиться из-за нехватки средств. Экономическое состояние города, источники и доходы были незначительны. Их не хватало даже на покрытие обязательных расходов и самых неотложных нужд. Поэтому Городское Управление решило обратиться к помощи Правительства, не отказываясь при этом принять посильное участие в

содержании училища, предоставив для этого помещение с отоплением и освещением, что соответствует примерно 30% его содержания.

Учреждение ремесленных училищ было отнесено к ведению Министерства Народного просвещения, с расходами на устройство «школы слесарного мастерства» в 30000 руб., со штатным содержанием в 2770 руб. заведующему и 600 руб. мастеру [5, л. 14].

В 1896 г. в одной из газет Городская Управа вывесила объявление о наборе 30 учеников не моложе 15 лет, с обязательным сроком обучения 4 года. В училище планировали открыть следующие специальности: столярно-плотничное, башмачно-сапожное, скорняжно-портняжное, выделки тонких кож сафьяна, замши и дубление. Обучение в училище должно было быть бесплатным. Начиная со второго года обучения «половина средств от продажи изделий будет поступать в пользу ученика, в зависимости от выполненного им объема работы. Ежегодные испытания учеников в знании того или другого ремесла будут проходить в присутствии директора народных училищ, городского головы, попечителя училища, учителей» [4, л. 5]. На должность заведующего был приглашен А.А. Почепцов, служащий в то время в Ауткинской ремесленной школе в Ялте, как мастер столярного производства и технологии дерева.

Таким образом, в XIX ремесленное производство Бахчисарая развивалось интенсивно. Это проявилось как в возникновении новых, так и в усовершенствовании прежних традиционных ремесел. Однако постепенно значение кустарных промыслов падало, не выдерживая конкуренции с промышленным производством других городов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Боданинский У.А.* Производство из шерсти у крымских татар // Крымские татары. Симферополь, 2005. С. 75–81.
2. ГААРК. Ф. 64, оп. 1, д. 456. О дозволении гражданам города Бахчисарая производить по планам новые постройки и перестройки старых домов, 1888 г., 8 л.

Ремесленное производство в Бахчисарае в XIX в.

3. ГААРК. Ф. 64, оп. 1, д. 573. О разрешении владельцам города Бахчисарая производить новые здания и перестраивать старые, 1892 г., 5 л.
4. ГААРК. Ф. 64, оп.1, д. 1112. Об открытии в городе учебного мастерско-стационарного плотничного училища, 1902 г., 5 л.
5. ГААРК. Ф. 64, оп.1, д. 688. Об открытии в городе Бахчисарае ремесленного училища, 1895 г., 14 л.
6. *Демидов А.Н.* Путешествие в Южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 г. М.: В типографии Семена, 1853. 543 с.
7. *Желтухина О.А.* Крымские татары в XIX начала XX вв.: путеводитель по этнографическому отделу. Симферополь: «Домино», 2003. 126 с.
8. История городов и сел УССР. Крымская область. К., 1974. С. 244.
9. Крым. Путеводитель. Очерки Крыма. Симферополь: Крымгосиздат, 1930. Ч. 1. 614 с.
10. *Надеждин Н.И.* Русская Альгамбра // Брега Тавриды. Симферополь, 1993. № 4. 289 с.
11. *Паллас П.С.* Наблюдения сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–94 годах. М.: Наука, 1999. 290 с.
12. *Самойлович А.Н.* Вопрос о цеховых организациях // ИТУАК. Симферополь, 1914. № 50. 251 с.
13. *Фадеева Т.М.* Бахчисарай и его окрестности: Путеводитель. Симферополь: Бизнес-Информ, 2003. 191 с.

Сведения об авторе: Эльвиз Эдемович Османов – преподаватель кафедры истории, Крымский инженерно-педагогический университет (295015, Учебный пер., 8, Симферополь, Крым); elvis_osmanov@mail.ru



Handicraft industry in Bakhchisaray in the 19th century

Elviz Osmanov

(Crimean Engineering and Pedagogical University)

Abstract. This article analyzed the dynamics of growth and development of Bakhchisaray as a major center of handicraft production, its specialization as a producer of copper utensils and tanning. Crimean Tatars supported the local traditions of craft production, based on the use of local and partly imported raw materials. The authors identified the causes of demand for domestic and foreign markets. Tanning of leather products and metal processing, served not only to local needs but to exports as well. All artisans of Bakhchisaray were merged into 32 crafts corporations which normalized working conditions and marketing conditions in each detail. Masters were divided up into various blocks according to their craft. After annexation of the Crimea by Russia, the city's industry has developed more rapidly, the number of townspeople grew. But by the middle of the XIX century, Bakhchisaray began to lose its importance as a major craft center, since craftsmen could not compete with growth of production in other cities. Then it was decided to create a vocational school with several workshops that would not only teach the future masters, but also allow to improve the existing crafts. In 1896 blacksmith, harness, shoemaker's shops were opened, as well as dressing morocco, furrier, tailor and joinery turning.

Keywords: Bakhchisaray, craft center, master, leather production, craft corporations, trade school.

REFERENCES

1. Bodaninskiy U.A. Proizvodstvo iz shersti u krymskikh tatar [Production of wool by the Crimean Tatars]. *Krymskie tatary* [Crimean Tatars], 2005, pp. 75–81.
2. GAARK. F. 64, op. 1, d. 456. O dozvolenii grazhdanam goroda Bahchisaraja proizvodit' po planam novye postrojki i perestrojki staryh domov [Regarding the permission given to the citizens of Bakhchisaray to make construction of new and reconstruction of old houses according to the plans], 1888, 8 p.
3. GAARK. F. 64, op. 1, d. 573. O razreshenii vladel'tsam goroda Bakhchisaraya proizvodit' novye zdaniya i perestrivat' starye [About the permission of the city owner of Bakhchisaray to produce new building and rebuild the old ones], 1892, 5 p.

4. GAARK. F. 64, op.1, d. 1112. Ob otkrytii v gorode uchebnogo mastersko-statsionarnogo plotnichnogo uchilishcha [On the opening of the city workshops- stationary carpentry school], 1902, 5 p.

5. GAARK. F.64, op.1, d. 688. Ob otkrytii v gorode Bahchisarae remeslennogo uchilishha [On opening of vocational school in Bakhchisaray], 1895, 14 p.

6. Demidov A.N. *Puteshestvie v Yuzhnyu Rossiyu i Krym cherez Vengriyu, Valakhiyu i Moldaviyu, sovershennoe v 1837 g.* [A journey to South Russia and the Crimea via Hungary, Wallachia and Moldavia, committed in 1837]. Moscow, V tipografii Semena, 1853. 543 p.

7. Zheltukhina O.A. *Krymskie tatory v XIX nachale XX vv.: putevoditel' po etnograficheskomu otdelu* [Crimean Tatars in the nineteenth early twentieth centuries: a guide to the Ethnographic Department]. Simferopol, «Domino» Publ., 2003. 126 p.

8. Istoriya gorodov i sel USSR. Krymskaya oblast' [History of the towns and villages of the Ukrainian Soviet Socialist Republic. Crimean region]. Kiev, 1974. 244 p.

9. Krym. Putevoditel'. Ocherki Kryma [Crimea. Guide-book. Sketches of the Crimea]. Vol. 1. Simferopol, Kryngosizdat Publ., 1930. 614 p.

10. Nadezhdin N.I. Russkaya Al'gambra [Russian Alhambra]. *Brega Tavridy* [The shore of Taurus], 1993, no. 4, 289 p.

11. Pallas P.S. *Nablyudeniya sdelannye vo vremya puteshestviya po yuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–94 gg.* [Observations made during a trip to the southern Russian governorship of the state in the years of 1793–94]. Moscow, Nauka Publ., 1999. 290 p.

12. Samoylovich A.N. Vopros o tsekhovykh organizatsiyakh [The question of the guild organization]. *ITUAK* [Proceedings Tauride scientific archival commission]. Simferopol, 1914, no. 50, 251 p.

13. Fadeeva T.M. *Bakhchisaray i ego okrestnosti: Putevoditel'* [Bakhchisaray and its surroundings: Guide-book]. Simferopol, Business-Inform Publ., 2003. 191 p.

About the author: Elviz Edemovich Osmanov – lecturer of the Department of history, Crimean Engineering and Pedagogical University (295015, Uchebnyy lane, 8, Simferopol, Crimea); elvis_osmanov@mail.ru

НАСЛЕДИЕ



УДК 303.832.23

Роль женщины в видении Исмаила Гаспринского (перевод на русский язык очерка И. Гаспринского «Женщины»)

Эльмира Абибуллаева

*(Крымский научный центр Института
истории им. Ш. Марджани АН РТ)*

Аннотация. Данная работа посвящена изучению наследия, идей, философских взглядов Исмаила Гаспринского, которые и сегодня не потеряли своей актуальности. К числу неизученных и не полностью исследованных произведений просветителя можно отнести очерк «Кадылар» (Женщины), который впервые был переведён на русский язык.

Ключевые слова: Исмаил Гаспринский, очерк, образование, женщины, перевод.

Деятельность просветителя, реформатора в сфере образования, редактора первой тюркоязычной газеты в России XIX–XX вв. «Терджиман-Переводчик» – Исмаила Гаспринского (1851–1914) действительно многогранна. Его вклад на благо просвещения и общественной работы является ярким примером служения своему родному народу. На сегодняшний день его наиболее известные произведения рассмотрены и переизданы современными исследователями, но следует отметить то, что остаются

без должного внимания ещё большое количество трудов И. Гаспринского, напечатанных на арабской графике.

Самое известное произведение И. Гаспринского – «Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина», изданное в 1881 году, было перепечатано и переиздано в 1993 году в брошюре под названием «Исмаил бей Гаспринский. Россия и Восток» в Казани под редакцией Р.И. Валиева, А.Г. Каримулина, Р.Р. Сиразиева, М.А. Усманова, Ф.Т. Хамидулина

В Крыму публикация произведений Исмаила Гаспринского началась в конце 90-х годов XX в. В 1996 году под редакцией В.Ю. Ганкевича в журнале «Берега Тавриды» № 2–3 было опубликовано произведение мистического характера – «Горе Востока». Позже появилась работа И.А. Керимова – «Гаспринскийнинъ «джанлы» тарихи 1883–1914», изданная в 1999 году, где он дает перепечатанные и транслитерированные, наиболее интересные статьи из газеты «Терджиман» за весь период издания. Такого же плана работа у турецкого исследователя Сабри Арыкана «İsmail bey Gaspıralı'nın idealleri, işleri, tavsiyeleri ve haberleri» в двух томах: первый том был издан в 2006 г., второй том – в 2011 г.

Известный роман И. Гаспринского «Молла Аббас» был транслитерирован и издан на кириллице под редакцией И.А. Керимова в 2001 г.

В 2003 году в издательстве «Доля» под редакцией В.Ю. Ганкевича был издан роман «Французские письма»; «Африканские письма» были опубликованы им же в 2006 г. в газете «Полуостров». В этом же году в газете «Полуостров» В.Ю. Ганкевич опубликовал и полную версию произведения «Арслан кыыз» и «Кунь догъду». Отдельной книгой эти произведения были изданы под редакцией Юнуса Кандыма в 2006 г.

В 2009 г. в Симферополе в издательском доме «Стилос» под редакцией Айдера Эмирова был издан сборник статей, перепечатанных с русскоязычного варианта газеты «Терджиман» под названием «Исмаил Гаспринский о национальной идее». Хронологические рамки статей этого сборника охватывают период с 1883 по 1904 год. Известным фактом является то, что с 1905 года газета «Терджиман» становится моноязычной (арабица).

Большую работу по транслитерации и публикации избранных произведений Исмаила Гаспринского на латинице провел

Явуз Акпинар. В 2003 году в Стамбуле вышла первая часть его книги с транслитерированными произведениями Исмаила Гаспринского под названием: «İsmail Gasprıralı. Seçilmiş Eserleri». Вторая и третья части, куда составитель включил философские, и критические статьи были изданы в 2004 году.

Среди транслитерированных Явузом Акпинаром произведений Исмаила Гаспринского интерес вызывает очерк «Кадынлар» (Женщины), изданный в типографии Терджиман в 1903 году отдельной брошюрой.

Условно эта работа Исмаила Гаспринского делится на три части: очерк «Кадынлар» (Женщины), рассказы «Хаджинынъ ферасети» (Наблюдательность хаджи) и «Эки имам» (Два имама), которые в оригинале составляют 18 страниц арабографического печатного текста. В свою очередь «Кадынлар» включает в себя пять частей, в каждой из которых автор ведет рассуждение на определённые темы, но стержнем всего очерка является вопрос образования и роли образованной женщины в обществе. Затрагивая и описывая традиции разных народов, автор даёт разграничение между понятиями восточная женщина и мусульманка. Статус женщины-мусульманки и западной женщины Исмаил Гаспринский раскрывает путём сопоставления.

Несомненно, что Исмаил Гаспринский был человеком верующим, это подтверждается многочисленными примерами, почерпнутыми из Корана и хадисов, которые автор использует в главах своего очерка.

Например, в главе «Основные обязанности женщин» И. Гаспринский, рассуждая о материнстве, использует текст 31:14 суры (Локман) из Корана: *«Мы завещали человеку (быть почтительным) к своим родителям: его мать носит его в своём чреве и терпит труд сверх труда, его отнимают от груди только через два года. Будь признателен Мне и к родителям твоим. Ты ко Мне возвратишься»* [2]. Далее по тексту следует часть хадиса, переданного имамом Ан-Насаи, 2–54, Ат-Табарани, 1–225, аль-Хаким, 4–151: Однажды Муавия ибну Джахима пришел к Посланнику Аллаха, и сказал: «Я хотел принять участие в наступательном походе и пришел узнать твое мнение». Посланник Аллаха спросил: *«Есть ли у тебя мать?»*. Он ответил: «Да». Пророк сказал: *«Иди к ней и будь неотлучен с ней, воистину Рай под ее ногами»*.

Согласно взглядам и мыслям автора, человек должен обладать как духовными, так и светскими знаниями, тогда как костное духовенство считало, что девушкам необязательно изучать науки и получать образование. В тексте И. Гаспринский приводит веские аргументы о необходимости получения образования женщинам, потому что и Коран никак не препятствует этому.

В главе «Великие женщины» вызывает интерес ссылка Исмаила Гаспринского на некий журнал под названием «Мешахирун ниса» (Знаменитые женщины), который по краткому описанию очень похож на труд Ризаэдина Фахреддина¹ «Мешхур хатунлар» [3]. Однако фактом является то, что на тот момент в тюркском мире ещё не было периодического специализированного издания для женщин. Такой журнал появится только в 1905 году под названием «Алем-и Нисван» (Женский Мир), издателем, которого станет сам И. Гаспринский а редактором его дочь – Шефика.

Если же упоминаемое в очерке произведение действительно является книгой Ризаэдин Фахреддина, то возникает вопрос, как мог Исмаил Гаспринский в 1903 году дать ссылку на труд, который будет опубликован в 1904 году. По материалам газеты «Терджиман» известно, что Исмаил Гаспринский был первым читателем многих произведений и книг, которые авторы лично ему высылали [1, с. 272].

Отсюда можно сделать вывод, что, вероятно, автор книги «Мешхур хатунлар» передал рукописный вариант труда И. Гаспринскому ранее, предположительно в конце 1902 – начале 1903 года и труд первоначально мог иметь название «Мешахирун Ниса», который позже после корректировки получил название «Мешхур хатунлар». Была ещё одна важная причина, чтобы Исмаил Гаспринский стал первым читателем этой работы: в книге «Мешхур хатунлар» опубликована биография Зухры Акчуриной, которая умерла 13 апреля в 1902 году.

¹ Ризаэдин Фахреддин (1859–1936) – известный историк, мастер биографического жанра, религиозный философ, автор трудов об общественной жизни мусульман и их положении в России, по истории и мусульманской философии, по толкованию положений шариата и хадисов, многочисленных популярных брошюр по основам этики, морали и педагогики.

Относительно двух рассказов являющихся приложением к очерку можно отметить следующее: первый рассказ «Хаджинынь ферасети» (Наблюдательный хаджи) вероятней всего был придуман самим Исмаилом Гаспринским, так как автор не даёт никаких ссылок на тот или иной источник и в фольклоре на сегодняшний день такой рассказ не встречается, поэтому его можно включить в список выявленных произведений редактора-издателя. В рассказе «Эки имам» (Два имама) автор передаёт дунганскую историю об имамах селения Гансу и Синанко. Противопоставляя имама селения Гансу, который призывал получать образование и знание женщинам, имаму селения Синанко, который этого не делал и считал, что женщинам не обязательно получать знания. Дальнейшие события в данной истории разворачиваются таким образом, что эти два селения захватывают китайские войска и в военной схватке все мужское население погибает. Оставшиеся в живых женщины и дети начинают восстанавливать свои деревни и культуру. И резюмируя эту историю, Исмаил Гаспринский пишет следующее: «... и сегодня селение Гансу исповедует ислам и живет, возродив свои традиции и культуру, которую образованные женщины, оставшиеся в живых, передали своим детям. В селении Синанко после произошедшей трагедии исповедующих ислам и чтящих свои традиции очень мало, так как большинство жителей стали буддистами, потому что это были потомки малообразованных женщин. Который имам был прав, и который из них выполнил все свои обязательства, решать Вам».

В целом, следует отметить, что данный очерк не потерял своей актуальности и в наши дни. Приведенные ниже переводы очерка «Кадынлар» и рассказа «Хаджинынь ферасети» думаю, заинтересует всех, кто занимается историей в целом, а также исследованием жизни и деятельности Исмаила Гаспринского.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ганкевич В.Ю., Богданович И.О.* До джерел кримськотатарської журналістики: навчальний посібник. Сімферополь, 2004. 356 с.
2. Коран. Перевод с арабского языка, комментарии и примечания выполнены Д.Н. Богуславским. М., 1995. 576 с.
3. *Ризаэддин Фахреддин.* Мешхур хатунлар. Оренбург, 1904. 448 с.

Женщины

Исмаил Гаспринский

*Как необходимо присутствие в каждом доме женщины,
так же для женщины необходимы знания и образование.*

Половина мира.

В мире сколько мужчин, соответственно столько и женщин. В каких-то городах (странах) мужчин больше, в каких-то женщин больше чем мужчин, только по подсчётам доказано, что мужчин и женщин одинаковое количество, т.е. поровну в мире.

То, что женщины являются половиной человечества – это очень важно, так как жизнь, покой, и счастье тесно связаны с ними – женщинами. Если будет плохое отношение к женщинам, это всё равно, что будет плохо половине человечества. Если к женщинам будет достойное и хорошее отношение, то будет хорошо половине человечества. Если женщины одного города, губернии, общества, народа не образованы – это значит, что у половины общества и населения нет образования.

Женщины представляют половину человечества и их влияние очень велико – это нужно понимать. Говоря – «мы женщины», «у нас нет ни работы, ни влияния» – не делайте ошибки. Ведь в решении некоторых вопросов, вы стоите на более высокой ступени, чем мужчины.

Благодаря женщине происходит рождение человека; женщина растит и воспитывает, учит говорить, прививает хорошие качества, обучает. И всё это вы – женщины. Всё человечество вырастает на руках у женщины, с молоком матери человек впитывает честь и благовоспитанность и это известно всем! Поэтому женщины это не людишки; это полноценные люди, для которых в жизни отведена очень важная и ответственная роль.

Известным фактом является то, что если женщины будут физически здоровы, порядочны, целомудренны, разумны, заботливы, тогда и нации будут свойственны эти качества, она будет здоровой, крепкой и умной. Если же они будут вести нездоровый

образ жизни, будут непорядочны, невоспитаны, невежественны, тогда всей нации будут присущи эти качества.

Если [наш] мир сравнить с огромным зданием, женщины будут не только половиной [здания], они ещё будут её основой – фундаментом! Ребёнок, появившись на свет, до 10–12 лет больше времени проводит с матерью и, воспитание, полученное в этот период, будет проявляться в течение всей жизни. Формирование человека происходит в детстве. Хороший характер и нравственность, честь и благовоспитанность прививаются в детстве. [Повзрослев] человек приобретает знания, профессию, поэтому значимость женщины велика; они и половина человечества, и основа.

Основные обязанности женщин.

Есть три основных долга для женщин – это быть матерью, быть супругой и быть женщиной. У мужчин также есть свой долг – это быть отцом и быть мужчиной. Выйдя замуж, женщина становится супругой и матерью. В семейной жизни она заботится о супруге, готовит, следит за чистотой и порядком в доме. В свою очередь, мужчина зарабатывает и следит за достатком, а женщина умело использует заработанные средства для семьи и дома. Таким образом, мужчина обязан уметь зарабатывать, а женщина, так как она большее время проводит в доме – следить за порядком и разумно распоряжаться семейным бюджетом.

Мужчина, который не работает или не умеет работать, не достоин называться мужчиной, так же как и женщина, которая не умеет следить за порядком и чистотой в доме не может называть себя женщиной.

Женщина, которая хочет жить в мире и согласии с супругом, должна выбрать путь любви и взаимопонимания; слушаться, быть внимательной, довольствоваться тем, что принесёт супруг, не требовать от него того, что он не в силах сделать, вести себя так, чтобы он не стыдился своей супруги. Должна всегда быть готовой поддержать [в трудное время], бережно относиться к имуществу (деньгам), быть экономной, аккуратной; стараться вовремя накрыть стол, с уважением относиться к родственникам супруга, не делать того, что может вызвать недовольство и огорчение супруга, всегда делиться своими мыслями и идеями с супругом.

Материнство – это самая важная тема моего рассуждения. Став матерью, женщина постигает счастье материнства. Материнство даёт женщине особенную красоту и ощущения. Ведь не зря говорят: «Рай находится у ног матерей»; выкормить, вырастить, воспитать, обучить самому необходимому в жизни – это обязанность матери. Жена или женщина-мать – это верная спутница своего супруга. Ведь супругам жить и достигать всего вместе. Растить вместе детей. Когда они достигают такого уровня, то они становятся единым организмом: крепким сооружением, единым домом. Радость и заботы, хлопоты и счастье они будут переживать вместе. Жить, работать и достигать всего тоже вместе.

Мужчина и женщина должны стараться для счастья, достатка в доме и светлого будущего своих детей. Если женщина сможет стать прекрасной женой, внимательной и заботливой матерью, она проживет жизнь в радости и в старости будет спокойна. Но для этого необходимо основательное образование и воспитание. Если детей будут растить невоспитанные и необразованные женщины, тогда мир жизни превратится в кошмар. «Образование и наука для человека (мусульманина) и женщины (мусульманки) обязательны». Если поразмышлять над этим, тогда можно понять ценность всего этого.

Великие женщины.

Из древних летописей и исторических книг нам известно, что еще издавна женщины были заняты домом, не вмешивались в политические и общественные дела народа; не работали в сфере науки и литературы. Так уж сложилось, что правителями, учеными, судьями, писателями были мужчины. Но даже если это и так, есть известные женщины, которые оставили свой след в литературе, науке и истории.

В очень древние времена, в государстве Бабиль (Вавилон) правила женщина по имени Семирамида. Это время было расцветом Бабиля. Завоевав восточную и северную территорию нынешней Анатолии, Ирана, часть Туркестана до Сырдарьи, западную сторону Афганистана, Семирамида построила великую державу. В период правления этой царицы город Бабиль (Вавилон) превратился в центр цивилизации. Были построены великолепные зда-

ния и сооружения, разбиты восхитительные поистине сады, которые принесли ей известность и славу.

Одним из древнеегипетских правителей была женщина. Царица, имя которой Клеопатра. Она известна не только своей красотой, но и тем, что защищала свое государство от римлян. Клеопатра была честной и преданной женщиной. Когда римляне во главе со своим военачальником захватили Египет, Клеопатра, чтобы не попасть в плен, идет на шаг самоубийства. Надев самые лучшие наряды и корону, взяв в руки атрибуты власти, она ложится на кровать, но перед этим берёт в руки ядовитую змею, укус которой лишил её жизни. Когда враги осадили город и вошли во дворец, чтобы взять её в плен, то они были удивлены, так как нашли ее мертвой при всех атрибутах власти. Клеопатра не сдалась в плен, она была свободолюбивой и независимой и поэтому предпочла смерть. Это благородно, не так ли?

Как гласит народная молва, еще до принятия Ислама в Бухаре правила «женщина-падишах».

Некоторые жены иранских монархов и султанов Османского государства принимали активное участие в политической и государственной жизни, их предложения учитывались в решении важных вопросов государственного значения. Недаром их имена остались в истории и [известны нам].

Первой женщиной, принявшей Ислам, была Хатидже (да будет доволен ею Аллах) [супруга пророка Мухаммада (*Мир ему и благословение Аллаха*)].

В европейских странах известных женщин было еще больше. Это женщины, которые приняли Библию и занимались миссионерством. Такие женщины как королева Елизавета Английская, королева Виктория, императрица Австрии Мария-Тереза, в России императрица Елизавета и Екатерина II, все они, будучи женщинами, прославились своими решениями и делами, оставив свой след в истории.

Решение, принятое королевой Елизаветой, спасло Англию от поражения. Императрица Мария-Тереза предотвратила падение Австрии. Много для России сделала и Екатерина II, способствовавшая распространению науки, подъёму литературы, обеспечившая победу иранскому шаху, султану Турции, королеве Пруссии. Она вошла в историю, присоединив Крымское ханство, Гру-

зию и Польшу к России. В период правления Екатерины II Россия начала развиваться во многих сферах.

В философии и поэзии женщин [встречается] еще больше. В древнем Риме и Греции среди поэтов и писателей встречаются и женщины.

Женщины поэтессы и писательницы были и в Исламском мире. Произведения и собрания некоторых из них до сих пор сохранились и перепечатываются. В сборнике «Мешахирун ниса» (Знаменитые женщины) упоминается и говорится о более пятистах известных поэтессах и писательницах мусульманках.

Так сложилось, что сегодня страны Европы и Россия в сфере науки и образования идут впереди, соответственно, известных женщин там больше. На сегодняшний день в Европе сотни женщин пишут книги, слагают стихи, преподают высшие науки, обсуждают политические вопросы, издают газеты, делают успехи в медицине.

В торговле и ремесленной деятельности больше всего заняты русские и французские женщины. Есть женщины и за станками на фабриках, на рудниках, владельцы кораблей. Кроме того, что женщины занимаются домашней работой, воспитывают детей, экономно используют заработанное и принесенное мужем в дом, они могут выполнять и другую работу, это становится ясно из выше перечисленных примеров.

Восточные и западные женщины.

После того как люди стали вести осёдлый образ жизни, они начали строить государство и общество. Хотя точно неизвестно, где возникло первое государство, но самое древнее находилось в азиатской части, то есть на востоке (где восходит солнце). Китай, Индия, Вавилон, Персия – древние цивилизации. Европейский социум и государства перед ними совсем юные. Если самому старому государству Европы 1000 лет, то Китай существует уже 4000 лет. Между старой, то есть азиатской культурой, и новой, то есть европейской, изрядная разница. Самая большая и необычная [разница] – это положение женщины.

Традиции и культура древнего Китая, Индии, Персии ставят женщину на низкий уровень. Из прав и дозволений, предостав-

ленных мужчинам, женщины не имеют даже одной десятой. Они лишены собственности, личной свободы, образования. Китайцы в этом отношении дошли до того, что женщине не обязательно ходить и прогуливаться. Еще с детства девочкам на ноги (ступни) надевали специальные колодки для того, чтобы нога не росла, и это стало традицией. Благодаря этой традиции китайки становятся калеками.

В Индии новорожденных девочек душили, жен [оставшихся вдовами] сжигали на костре после смерти мужа. Вот такие странные традиции были придуманы.

В древней Персии тоже были свои традиции, по которым женщин воспринимали как низших созданий, которые должны сидеть дома и не могут есть за одним столом с мужчиной. Вместе с этим женщинам не обязательно было учиться писать и читать.

[Видя эти традиции] в Европе обвиняют ислам в том, что восточные женщины лишены прав на свободу, учебу, образование.

Стыдно, что многие мусульмане думают и считают это нормами ислама.

И европейцы ошибаются, делая такие выводы. Получается, что все мусульмане грешники, но между мусульманкой и азиатской женщиной разница размером с гору.

Тема о правах мусульманок и европейских женщин будет рассматриваться ниже.

В древние времена на западе в Европе положение женщины было очень схоже с положением женщин в Азии, Китае, Индии и Персии.

В Европе на ноги женщин не надевали колодки, но распоряжаться имуществом, получать знания и изучать науки, и в прочих обстоятельствах женщины были поставлены на очень низкий уровень. Был период, когда ученые Европы обсуждали такой вопрос: «Есть ли у женщин душа?». Нет большего издевательства над женщинами, чем считать, что у нее нет души.

Только вот уже несколько столетий уровень образования и цивилизации в Европе ушли вперед и, соответственно, это повлияло и на людей; права женщин несколько расширились. Начали проявлять уважение к женщине, также ей было позволено получать знания и учиться. При необходимости женщины могли

заниматься коммерческой деятельностью; перед законом и порядком женщины стали наравне с мужчинами, то есть закон стал для всех един. Женщины стали свободнее, но в плане пользования имуществом они все еще были ограничены. Например, по законам Франции и Италии замужняя женщина не является хозяйкой своего имущества (именно своего). Без разрешения мужа она не имеет права что-то покупать и продавать. Хотя женщину и признали человеком, общество все еще обсуждает вопрос – нужно женщине получать образование, равны ли у них права в управлении и политической деятельности.

Англия и Америка – страны, где права женщин получили большую свободу и развитие. Там женщины работают врачами, на почте и телеграфе, банковскими служащими, преподавателями и требуют занятости в других сферах и отраслях. С каждым днем количество высокообразованных женщин и девушек растет.

Права и обязанности женщины в исламе.

До принятия ислама в Азии и на Аравийском полуострове судьба женщин была предрешена. Девочек после рождения душили, и это не считалось грехом. Ислам запретил это зло и тиранию. В Коране есть аят, в котором говорится об этом. До возникновения ислама женщины были собственностью мужчин и служили для удовлетворения их желаний.

В канонах ислама прописано, что женщины и мужчины равны перед Всевышним [Аллахом] и их права определены. Выполнять все пять столпов ислама должны в равной степени и мужчины, и женщины.

В вопросе наследства женщины в большинстве случаев получают половину. Права на имущество в исламе, женщинам обеспечивает закон шариата. У многих народов до сегодняшнего дня женщины наследуют одну седьмую или одну четырнадцатую часть. В браке есть права и обязанности, защищающие женщину. Ухаживать за женой, оберегать ее, быть с ней нежным и ласковым, не обижать, не ругать, а лишь наставлениями показывать ее ошибки, не лишать его общения с родственниками – все это для мужчин является обязанностью.

Против воли выдавать девушку замуж нельзя. Без ее согласия нельзя делать обручение, поскольку это будет нечестно и непорядочно. Замужняя женщина не считается разведенной, если нет согласия супруга. Если человек [супруг] потерял разум, то она может от него отказаться. Насильно супруг не может позвать жену [уединиться].

Девушка, достигшая совершеннолетия, становится полноценной владелицей имущества. Если нет официального согласия и письменной доверенности, ее имуществом не могут пользоваться ни отец, ни брат, ни муж. Она может распоряжаться своей собственностью, как она пожелает, никто не может ей препятствовать. Она имеет право покупать, продавать, сдавать в аренду, завещать и это ее личное решение.

Учиться и получать образование – это обязательно для мусульманки и мусульманина. Знания необходимы, чтобы быть полноценным человеком. Работать и зарабатывать во благо – не является грехом. Лень и безделье не приветствовались. Женщины замужние и незамужние имеют право работать и зарабатывать. Воспитание и честь девушки – все это предусмотрено в исламе. Девушка, женщина должны ходить прикрываясь (что они должны прикрывать, четко описано в Коране и это святое правило). В основном это длинное платье с длинными рукавами, а волосы прикрывали красивым платком. Это святое правило никак не препятствует тому, чтобы девушки, женщины учились, работали, имели собственное дело.

Некоторые же обычаи и традиции, которые доходят до крайностей, рождены невежеством и темнотой. Ведь законы шариата справедливые, и не препятствуют дозволенному.

У женщин есть привилегии перед мужчинами. Например, некоторые виды наказания применяются только для мужчин. В период беременности женщины защищены от всего, они неприкосновенны. Мужчина и женщина, совершившие порочный поступок – одинаковы. Если подтвердится факт, что, будучи в браке они предают [изменяют], наказание для них будет равным.

Законы государства также защищают женщин. По закону человек не имеет права бить жену. Мужчина по возможности должен обеспечивать жену. Женщина по своему усмотрению может следить за хозяйством и имуществом.

Выдавать девушек замуж ранее 16 лет запрещено, поскольку это опасно для здоровья. Такое заключение было сделано согласно медицине. Мужчину, посягнувшего на честь девушки или женщины, ждет большое наказание (в России [их] отправляют на каторжные работы в Сибирь). Кто обманым путем осквернит девушку, то так же не избежит тяжелой меры наказания. Как мы видим и шариат, и закон предусматривают все для комфорта и положения женщины.

* * *

*Хорошее воспитание одной девочки принесет
больше пользы, чем воспитание двух мальчиков!*

Наблюдательный хаджи.

Рассказ.

У покойного Муслим Бабая было три сына – Джелял, Сабит и Джемиль. Жили они богато и хорошо, без забот и хлопот. Торговля, которой они занимались, приносила хорошую прибыль. Джелял (эфенди), старший из братьев, по своей натуре очень любил путешествовать и после смерти отца принимает решение совершить паломничество – Хадж. Дорога в святые места очень долгая и длинная, и Джелял каждый месяц своим братьям, оставшимся дома, отправлял письма из городов и стран, через которые держал он путь: описывал Анатолию, Египет, Хиджаз и, конечно же, святыню – Мекку. Исполнив долг паломничества, он возвращался через Индию и остров Ява. Во всех городах и странах, где бывал Джелял, он видел то, чего нет на родине, что-то новое и все это старался запомнить и в дальнейшем использовать на практике.

Восемь лет Джелял путешествовал и вот вернулся домой в родные края. К этому времени его братья Сабит и Джемиль уже давно обзавелись семьями и детьми. Возвращение брата из далёких путешествий для младших братьев стало праздником. Давно не видевшие друг друга братья, наконец, могли вдоволь пообщаться, поделиться своими впечатлениями. По этому поводу

младшие братья накрыли праздничный стол и ожидали брата в гости.

Когда старший брат, теперь уже хаджи Джелял вошёл в дом, к нему с радостью подбежали двое мальчишек лет пяти-шести, обняли его и как принято по обычаю, в знак почтения старшим, поздоровались, поцеловав руку. Это были сыновья младших братьев – Сабита и Джемиля. Хаджи Джелял обнял мальчишек и, посадив их к себе на колени, прочитал молитву за их прекрасное будущее, а затем раздал подарки, которые привёз издалека, чем очень обрадовал детей.

За ужином младшие братья Сабит и Джемиль рассказали о радостях и хлопотах семейной жизни. Выслушав братьев, хаджи Джелял пожелал им ровных семейных отношений, взаимопонимания и взаимоуважения. А о супругах сказал следующее: «Пусть Всевышний будет доволен невестушками! Они очень хорошие матери и достойные жёны». Младшие братья очень удивились отзывам о супругах, ведь они ещё не успели познакомить старшего брата со своими женами. В ответ на удивление младших братьев, старший брат сказал следующее: «То, что я сказал о ваших жёнах – это не пустая хвала или лесть... В том, что ваши супруги действительно достойны уважения и восхищения я понял по детишкам. Когда взял ваших сыновей на руки и общался с ними, я обратил внимания на подстриженные ногти на ручках, на чистые волосы и лицо. Из этого я сделал вывод, что матери заботятся о здоровье своих детей. Одежда детей была не дорогая, но чистая и выглаженная, значит матери их аккуратные и чисто-плотные. Маленькая не совсем заметная заплаточка на штанишках у одного из детей мне так же рассказали о том, что женщина бережлива, хотя у вас хороший достаток и семья может позволить покупать ребенку новую одежду каждый день. Вот так!»

Сведения об авторе: Эльмира Эбазеровна Абибуллаева – младший научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш.Марджани АН РТ; заведующая Мемориального музея Исмаила Гаспринского, Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник (298405, ул. И. Гаспринского 47А, Бахчисарай, Крым); shems-annur@mail.ru

**The role of women by the vision of Ismail Gasprinsky
(translation into Russian**

I. Gasprinsky's essay «The women»)

Elmira Abibullaeva

(Crimean Scientific Center,

Sh. Marjani Institute of History of AS RT)

Abstract. This work is devoted to the study of heritage, ideas, and philosophical points of view of I. Gasprinsky, which are topical even nowadays. To the unstudied or studied not to full extent works we can refer his essay: «The women» («Kadylnar»), it was translated into Russian for the first time.

Keywords: Ismail Gasprinsky, essay, education, translation.

REFERENCES

1. Gankevich V.Yu., Bogdanovich I.O. *Do dzherel krims'kotatars'koi zhurnalistiki: navchal'niy posibnik* [To the sources of Crimean journalism: basic textbook]. Simferopol, 2004. 356 p.
2. Koran. *Perevod s arabskogo yazyka, kommentarii i primechaniya vypolneny D.N. Boguslavskim* [Koran. Translation from Arabic, commentaries and notes are made by D.N. Boguslavsky]. Moscow, 1995. 576 p.
3. Rizaeddin Fakhreddin. *Meshkhur khatunlar* [The famous women]. Orenburg, 1904. 448 p.

About the author: Elmira Ebazerovna Abibullaeva – junior researcher of the Crimean Scientific Center of Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; head of Ismail Gasprinsky Memorial museum, Bakhchisaray historical-cultural and archeological museum-reserve (208405, I. Gasprinsky st., 47A, Bakhchisaray, Crimea); shems-annur@mail.ru

УДК 930.23(477.75)

Крымскотатарская история и «Джами ат-таварих» Жалаири в творчестве Чокана Валиханова

Исмет Заатов

*(Крымский научный центр Института
истории им. Ш. Марджани АН РТ)*

Аннотация. В статье впервые поднимается тема места крымскотатарской истории в научных изысканиях выдающегося казахского ученого, потомка казахской чингизидской ханской династии Чокана Валиханова, связей членов его семьи с представителями крымскотатарской интеллигенции и служилого дворянства, воцарения в Крыму чингизидской ханской династии Гиреев.

Ключевые слова: Чокан Валиханов, Муфти-заде, Крымское ханство, Жалаири, ханские ярлыки.

Определенную лепту в дело изучения истории Крымского ханства внес и выдающийся казахский и российский ученый XIX века, правнук последнего казахского хана Абылай хана, Чокан Валиханов. В тексте первого письма внука Абылай хана Чингиса Валиева к сыну Чокану Валиханову в Петербург от 6 июля 1860 года, среди перечня фамилий лиц, которым он просит в этом письме своего сына передать от него лично большой привет: «... шок сәлем айтыңыз» («передайте большой привет» – *И.З.*), внимание крымских историков сразу же привлекает фамилия Муфти-заде.

В комментариях к первому письму Чингиса к сыну Чокану, опубликованных в пятитомном собрании сочинений Чокана Чингисовича Валиханова, фамилия Муфти-заде значится среди фамилий знакомых отца Чокана, находившихся тогда в Петербурге [3, с. 478]. Время пребывания Муфти-заде в столице Российской

империи в тот период, если судить по дате этого письма, соответствует июлю месяцу 1860 года.

В своём ответном (втором) письме из Петербурга к своему отцу, написанном через месяц с небольшим, датированным числом 9 августа 1960 года, Чокан Валиханов ни единым словом, к сожалению, не упоминает ни одного из знакомых Чингиса Валиева, в том числе и Муфти-заде. Не пишет он своему отцу в этом письме и о том удалось ли ему передать им привет от Чингиса Валиева, и ни о том, удалось ли ему встретиться хоть с кем-то из них вообще. Не приводится никаких упоминаний о знакомых отца в столице и в третьем, последнем письме Чокана Валиханова к родителям из Петербурга от 4 ноября 1960 года [3, с. 141].

В крымской историографии периода с момента завоевания Крымского ханства Российской империей и почти до самого установления Советской власти в Крыму фамилия Муфти-заде встречается довольно часто.

В этой связи самим собой напрашивается предпринять попытку проследить за тем, была ли и, если была, то тогда в какой мере и как была связана эта известнейшая в XIX веке фамилия крымскотатарской знати с семьёй Чокана Валиханова.

Наиболее известными представителями крымскотатарской дворянской фамилии Муфти-заде являлись Батыр Челеби Муфти-заде и Исмаил мурза Муфти-заде. Полковник Российской армии, блестящий военный, меценат, просветитель и общественно-политический деятель Исмаил Муфти-заде избирался депутатом Третьей Российской государственной Думы от Таврической губернии и вошел в историю также как ближайший соратник великого просветителя народов Востока Исмаила мурзы Гаспринского. Исмаилу Муфти-заде одному из первых среди представителей тюрко-мусульманских народов Российской империи удалось в условиях жесточайшей цензуры царского самодержавия, после многочисленных мытарств, отказов и проволочек, в 1896 году основать первый крымскотатарский благотворительный фонд «Хайрие джемиети» («Благотворительное общество» – *И.3.*) с местонахождением его в городе Симферополе. Он проявил себя также и как военный историк, написав основательный научный труд «Очерк военной службы крымских татар с 1783 по 1899 гг.», а также он вошел в историю, как один из известнейших участни-

ков создания организации «Бутюнрусие мусульманларнын иттифаки» («Всероссийский союз мусульман» – *И.З.*) и один из лидеров общероссийского мусульманского и крымскотатарского национального движения конца XIX – начала XX вв. [4, с. 134].

На момент написания Чингисом Валиевым первого письма сыну Чокану Исмаилу Муфти-заде было всего 19 лет (он родился 3 мая 1841 года в Евпатории, затем жил, учился и закончил гимназию в Петербурге) и скорее всего по причине своего юного на то время возраста не мог быть знакомым с отцом Чокана Валиханова, знакомство могло быть только гипотетически.

А вот Батыр Челеби Муфти-заде вполне мог быть знакомым Чингиса Валиева, так как они были примерно одного возраста (Чингис Валиев – внук хана Аблая родился в 1811 года в Кзил-Агаше, а по другим данным в Сырымбете на северо-востоке Казахстана, в 1827 году поступил и в 1834 году окончил Омское войсковое училище Сибирского линейного казачьего войска [1, с. 10–11]), оба были кадровыми российскими военными и исповедывавшими ортодоксальный ислам правоверными мусульманами, говорившими на родственных тюркских языках. Чингиса Валиева, как отца Чокана и одного из поборников русской науки и просвещения в казахской степи хорошо знали в Москве и Петербурге, особо он был известен в Императорском Географическом и Императорском Антропологическом обществах, тесно сотрудничал с востоковедом профессором В.В. Григорьевым [1, с. 15].

В пользу близкого личного знакомства Чингиса Валиева и Батыра Челеби Муфти-заде могут свидетельствовать следующие факты биографии этого российского дворянина крымскотатарского происхождения. Батыр Челеби Муфти-заде в чине полковника российской армии с 1850 года по 1862 год (в 1863 г. он был произведен в генерал-майоры) командовал лейб-гвардии крымскотатарским эскадром конвоя Его Императорского Величества (с 1 мая 1864 года этот эскадрон был преобразован в команду лейб-гвардии крымских татар собственного Его Императорского Величества конвоя), постоянным местом расквартирования которого являлся город Санкт-Петербург [6, с. 207]. За столь длительное время пребывания в Петербурге и несения службы при российском дворе Батыр Челеби Муфти-заде конечно же мог иметь

общих знакомых с Чингисом Валиевым и быть знакомым с ним самим лично. Вполне вероятно, что их пути могли пересечься.

Родоначальником крымскотатарской дворянской фамилии Муфти-заде, автоматически перешедшей в сан российского дворянства после завоевания Крымского ханства Российской империей (Муфти-заде является фарсизмом в крымскотатарском языке и в переводе означает буквально сын или потомок муфтия), является муфтий Крыма и Таврической губернии по данным на 1784 год Мусаллаф Эфендий [6, с. 199].

О принадлежности к высшему духовному сословию Крыма Батыра Челеби Муфти-заде свидетельствует и его сословный титул – унван, принятый в Крымском ханстве – Челеби, который носили в Крыму обладатели и потомки обладателей высших мусульманских духовных санов. А в унване его сына Исмаила уже присутствует приставка дворянского титула мурза (от персидского эмир-заде – сын или потомок обладателей высших светских санов эмиров).

Великому казахскому ученому Чокану Валиханову, яркая, подвижническая жизнь которого оборвалась столь рано, ни разу не привелось побывать в Крыму, но некоторыми вопросами истории Крымского ханства и этнической истории автохтонного населения Крымского полуострова выдающийся казахский тюрколог владел досконально. В качестве свидетельства этому можно привести хотя бы тот факт, что в пятитомнике собрания его сочинений термин Крым в различных сочетаниях упоминается 43 раза. Этому вероятно способствовало и его близкое знакомство, а в некоторых случаях и его совместные с выдающимися российскими тюркологами XIX века исследования в области крымскотатарской истории.

В частности, будучи еще воспитанником кадетского корпуса во время своего обучения в Омске Ч. Валиханов, заинтересовавшись работами востоковеда И.Н. Березина, вступает с ним в личную переписку и по поручению русского востоковеда выполняет ряд тюркологических изысканий в области старо-крымскотатарского и казахского языков. Результаты этих изысканий молодого исследователя вошли в его первый научный труд под названием «Заметки при чтении книги проф. И.Н. Березина “Ханские ярлыки”», что явилось своего рода рецензией на работу выдающегося

российского востоковеда-тюрколога о ярлыках золотоордынских, а в большинстве ярлыках крымских ханов Сеадет-Гирея I и Девлет-Гирея I [1, с. 69], изданной в Казани под названием «Ханские ярлыки» в 1850 году. Изучение ярлыков вышеназванных ханов Крымского ханства явилась началом научной деятельности великого казахского ученого [6, с. 69]. Отрадным является сам факт того, что первой научной работой Чокана Валиханова явилось исследование именно на крымскую тематику.

Следует особо выделить тот факт, что двадцать фундаментальных трудов первого ученого коллеги Чокана Валиханова по совместным тюркологическим научным изысканиям Ильи Николаевича Березина в той или иной степени затрагивают крымско-татарскую тематику, среди которых выделяются две его работы, изданные уже после смерти Валиханова, это «Тарханные ярлыки крымских ханов Менгли-Гирея и Мухаммед-Гирея» (ЗООИД. 1872. Т. 8. 2: Приб. к. сб. материалов. С. 10–23) и «Тарханные ярлыки крымских ханов» (ЗООИД. 1872. Т. 8, отд. 2: Приб. к. сб. материалов. С. 1–9) [7, с. 100–101].

Вполне возможно, что одним из первых соприкосновений Чокана Валиханова с описанием и историей Крыма явилось его знакомство с переводами трудов Петера Симона Палласа: «Краткое физическое и топографическое описание Таврической области, сочиненное на французском языке г. статским советником, академии наук членом и Ордена Св. Владимира кавалером П.С. Палласом (СПб., 1795. IV. 72 с.); Путешествие по Крыму академика Палласа П.С. в 1793 и 1794 годах / пер. с нем. М. С[лавич]; ред. Ф.К. Брун и Г.Э. Караулов (ЗООИД. 1881. Т. 12. С. 62–208; Поездка во внутренность Крыма, вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань / Пер. с нем. М. С[лавич]. Прим. Г.Э. Караулова (ЗООИД. 1883. Т. 13, отд. 1. С. 35–107) [7, с. 452–453]. В оригинале на немецком языке, а также в переводе на французский и английский языки эти работы были изданы соответственно в 1792, 1793, 1795, 1797, 1802, 1803, 1805, 1811, 1812 годах [7, с. 708–709]. Поскольку Чокан, как султанский ребенок, помимо семи восточных языков [1, с. 17] владел еще и, как тогда их называли языками науки – русским, немецким и французским [1, с. 23], то это предположение выглядит вполне вероятным. Первое же знакомство Чокана Валиханова с работами Палласа

происходит еще в его ученические годы [1, с. 32, 91, 382], когда ему уже было 14–15 лет.

Тогда же он изучил и работы выдающихся российских ученых-востоковедов: серьезно работавшего над на крымскотатарской тематикой В.В. Вельяминова-Зернова [1, с. 91], являвшегося автором академического труда «Материалы для истории Крымского ханства, извлеченные по распоряжению имп. Академии наук из Московского главного архива Министерства иностранных дел» (СПб., 1864. [940] с.), который впоследствии в бытность Чокана Валиханова в Петербурге часто бывал у него в квартире [1, с. 59], и А.И. Левшина, автора близкой к крымской тематике работы «Известия о древнем татарском городе Сарайчике» (Северный архив. 1824. № 4. С. 179–190).

В период с конца 1859 года по весну 1961 года в Петербургской квартире Валиханова также часто бывали крупнейшие российские ученые-востоковеды В.В. Григорьев и В.П. Васильев [1, с. 59].

В.П. Васильев памятен тем, что является автором биографической статьи «Записка об ученой деятельности заслуженного ординарного профессора И.Н. Березина» (Протоколы заседаний Совета императорского С.-Петербургского университета за первую половину 1879–1880 академического года. 1880. № 21. С. 97–99). В среде петербургских востоковедов, знакомых Чокана Валиханова, особое место занимал Василий Васильевич Григорьев – член-корреспондент Петербургской академии наук, исследователь истории, географии и древностей народов Средней Азии, Казахстана и Крыма. Он был близко знаком с Валихановым. В этой связи весьма примечательным является тот факт, что большая часть важнейших рукописей Валиханова хранится в архиве В.В. Григорьева в ЦГАЛИ (ф. 159, № 179) [1, с. 79, 363]. Выдающийся русский тюрколог [1, с. 105], сотрудничавший еще с отцом Чокана Чингисом Валиевым [1, с. 15], оставил после себя более 20 научных работ о Крыме, среди которых можно выделить следующие: Григорьев В.В. Монеты Джучидов, генуэзцев и Гиреев, битых на Таврическом полуострове и принадлежащие Одесскому обществу истории и древностей. Одесса, 1843. 41 с.; Григорьев В.В. Исторический обзор Крыма: текст публичной лекции о Крымском полуострове. РГИА, ф. 853, оп. 1, д. 216, и 1 – 11. Б/г.;

Григорьев В.В. Татары и ногайцы в Крыму. РГИА, ф. 853, оп. 1, д. 216, л. 12. Б/г.

В письме профессору И.Н. Березину, датируемым, вероятнее всего, 1852 годом [1, с. 367] семнадцатилетний Чокан приводит совершенно четкую по своей логике концепцию образования Крымского ханства [1, с. 368], которую он, вероятно, почерпнул кроме других научных источников также и из «Сборника летописей» – «Джами ат-таварих» Жалаири. Этот труд среднеазиатского историка он вполне мог изучить в оригинале, а не по его переводу в публикации в серии «Библиотека восточных историков» (Изд. проф. И.Н. Березина. Т. II, ч. 1. Казань, 1854), напечатанной к тому же через два года после написания самого письма. Подтверждением этому предположению служит исследовательская работа Валиханова «Извлечение из Джамии ат-таварих» Жалаири. В этой исследовательской работе анализ труда средневекового тюркского историка, написанного им в конце XVI века в Москве, Чокан Валиханов сделал с тюркского рукописного подлинника, написанного арабицей на, так называемом, чагатайском языке, на основе которого формировались современные казахский, каракалпакский, узбекский, ногайский и крымскотатарский языки. В определенной мере этот язык еще можно назвать и языком официальных документов Крымского ханства начального периода его существования.

Автор сочинения Кадыргали Жалаири принадлежал к тюркскому племени джалаир, поколения тарак-тамгалы (гребне-тамгового) [1, с. 388]. Интересно, что официальным гербом-тамгой правящей династии средневекового Крыма – ханов Гиреев, а также и всего Крымского ханства, а на сегодняшний день также и официальным гербом крымскотатарского народа являлся и является тоже таракъ-тамгъа. По предположению авторов примечаний к данной статье Валиханова в его пятитомнике, перевод определенной части труда Жалаири Чоканом Валихановым осуществлялся в 1853–1854 гг. в возрасте восемнадцати-девятнадцати лет. Именно в эту переведенную Валихановым часть «Истории летописи» Жалаири вошли очень ценные сведения из истории образования и становления Крымского ханства, малоизвестные, к сожалению, в современном Крыму. Среди этих сведений можно выделить, например, такие факты, как то, что «Идиге-

бий (Эдиге) взял в жены дочь Тохтамыш-хана, когда его сыну Кадырберды-хану было 3 года», о том, что «Джанике выпросила его, (видимо из залога) у Идиге-бека (Эдиге) и однажды с одним или с двумя... сопровождающими секретно в Крым отправила. И после, 11 лет будучи, Кадыберды-хан с крымским войском через Волгу-реку перешли ... с Идиге-беком сражение учинил и в одной битве Идиге-бека убил», о том, что крымского войска главные вожди говорили: «Этот год: лето здесь перекочуем, лошадей в тело приведем, тогда для битв силы и возможности будут более..., когда зимой пойдем, то и Волга замерзнет, сказали». Эти слова не понравились... Волга замерзнет – кто же не пройдет, Идиге умер – кто не пойдет... Волга скоро не замерзнет, Идиге скоро не умрет. Подобные заклятия... совершив, страшное сражение начали, Идиге был ранен, хан тоже с раною был, два войска между собой сошлись (покончили)... (сражались) Ичкилин сын... Хасан держал... (мерина) Идигебия. Известив Кадыберды-хана, что Идиге здесь находится: пришел и убил. Кадыберды-хан тоже от той [раны] вскоре после того, несколькими днями позже умер [1, с. 233–234]. Подавая перевод исторического труда Жалаири на русский язык Чоканом Валихановым, следует особо подчеркнуть тот факт, что в этом переводе речь идет о ключевых фигурах крымской истории конца XIV – начала XV веков. В нем, в частности, говорится о похороненной в персональном мавзолее в крепости Кырк-йер (ныне Чуфут-кале в окрестностях бывшей столицы Крымского ханства города Бахчисарая) влиятельной Джанике-хани (Неникеджан) (хани – унван-сословное звание дочерей ханов в Крыму, Джанике была дочерью хана Золотой орды Тохтамыша), об эмире мангытов Эдиге, а также показан уровень мобильности и мощи крымскотатарского войска того времени. Эти и последующие выдержки из перевода Валиханова в виду исключительной их важности для понимания некоторых фактов крымскотатарской истории, генеалогии правящей династии в Крыму и истории этногенеза крымскотатарского народа приводим полностью:

«... [сказание] О Хажди-Гирей-хане ... сыне Дулук-Киясулана ..., Даулетходжа-улана, Таштемир-улана, Темир-улана, Кара-Куяс-Кобеджек-улана ... После убиения старшего брата Хажди-Гирей-хана Джан-Гирей-султана [конратскими беками] он в

бегах будя у Чакирганбая в услужении ... находился; беки, между собою [не имея согласия] в несогласии идя, нашед его, Хаджи-Гирей-султана, в ханы избрали року [году], 906 (от гиджры) в месяце ... [шестого месяца мусульманского лунного календаря] ... В роде султан сын султана Али-Кул-Чора башлык ...; из рода оймас Балтадж-бай ... с 10 человеками; рода качи Кошай мастер (уста) с 10 чел. ... рода срда Кул-Алибай – 10 чел. ... рода чижик Ямгурчи с Кизил-куртом ... 10 чел.; рода шабчи Джан-чора-бек в 10 чел. ... рода уантас родом нурма [из] Кул-Урус [а] и Алика в 10 чел. ...; шейх-заде рода Колуш-мирза в 10 чел. ...; еще 10 чел. из рода акчора; 4 дома кибак-черемыс ...; из рода таклы Мухаммед-бек ... в 10 чел.; из Старого Юрта (возможно, из Эски-юрта татарского поселения XIII века, позже вошедшего в границы новой столицы Крымского ханства г. Бахчисарая – *И.З.*) Джадигер-бай, Касым-Сеид-бай в 10 чел. ...; из рода кара-длулет [Кунак-уста] ... в 10 чел. ... [из отделения хаирби Хафиз в 10 чел. ...; от карагайши Тушанак в 10 чел. ...; рода темирчи Ногай, сын мастера (уста)] в 10 человек. Вот которые привезли и избрали в ханы (Крыма – *И.З.*) Хаджи-Гирей хана. Конец ... [1, с. 235–238]. Далее здесь же мы узнаем, что в Крыму похоронен четвертый сын Баба-Тукласа: «... а четвертый – в Крыму, на Уч-Утлуке ...» [1, с. 238]. Таким образом, благодаря переводу Валиханова в научный оборот был введен и малоизвестный широкому кругу исследователей вариант фактов? свидетельствовавших о восхождении на престол хана Хаджи-Гирея – основателя династии крымских ханов Гиреев, правившей более трех с половиной веков в Крыму. Этот фрагмент, переведенный на русский язык Чоканом Валихановым из труда, что очень важно тюркского историка Джалаири, являвшегося практически современником описываемых им событий, связанных с избранием представителями основных на тот период степных тюрко-татарских родов Дешт-и-Кипчака на престол первого крымского хана, на наш взгляд может служить, в отличии от компилятивных сообщений на эту тему историков XIX века, основным источником по истории династии Гиреев в Крыму и истории периода образования Крымского ханства.

Чокану Валиханову также принадлежат две рукописные копии, черновик и белой экземпляр с черновым переводом на русский язык ярлыка крымского хана Девлет-Гирея I (Архив АН

СССР, ф. 23, оп. 1, № 11, лл. 55–57 об.), прославленного полководца и выдающегося государственного деятеля, правнука хана Хаджи-Гирея I, получивший за взятие и сожжение Москвы в 1571 году, когда Иван IV спасся бегством и отсидкой в Коломне, унван Тахталгъан (Взявший трон). Девлет-Гирей I все свое царствование (1551–1577) не переставал требовать от московского великого князя Ивана IV возвращения Казани и Астрахани крымскому престолу. Валиханов также блестяще перевел на русский язык и ярлык сына хана Менгли-Гирея I, крымского хана Сеадет-Гирея I.

Вероятно, не является неким совпадением, а скорее всего является своеобразной данью традициям, существовавшим в царствующих тюркских домах, то, что внук Аблай-хана, отец Чокана Валиханова Чингис назвал одного из своих сыновей именем известного своей стойкостью казанского и крымского хана Сахиб-Гирея – Сахиб-Кирей (Козыке). Как бы в подтверждение этому факту и звучит имя, данное племяннику хана Аблая, Давлет-Гирей-султан [3, с. 30]. Это имя, как известно, принадлежало Тахталгъан Девлет-Гирею I, победителю московского великого князя Ивана IV. В тюрко-мусульманских ханских семьях культивировались и прививались знания об истории родственных и дружественных им пост-золотоордынских династиях чингизидов. А вышеприведенные факты служат доказательством тому, что в правящих династиях бескрайних казахских степей были хорошо знакомы с историей родственной им правящей династии Крымского ханства Гиреев. В пользу того, что история крымскотатарского народа в средневековье была знакома и казахскому народу, говорит широкое в казахской народной среде бытование эпоса «Къырымнынъ къыркъ батыры» («Сорок богатырей Крыма») или «Кырки крымские богатыри» (кырки – название средневекового крымского тюрко-татарского рода, отсюда и Кырк-йер). Ярчайшим подтверждением глубокой и широкой осведомленности представителями средневековых тюрко-мусульманских правящих династий фактами из жизни и истории друг друга, помимо исследовательских работ Чокана Валиханова, может служить научная деятельность Хивинского хана Абул-Гази.

Благодаря работе Валиханова «Исторические предания о батырах XVIII в.», по предположению авторов примечаний к этой статье [1, с. 383], написанной им в 1855–1856 годы, крымские

исследователи, и, в частности, автор данной статьи, смогли выявить для себя форму написания и значение казахского экзоэтнонима «кондакер», которым в середине XVIII века называли Крымское ханство и его жителей крымских татар в Среднем жузе.

Валиханов также владел информацией и тонко разобрался в родовом составе, религиозных особенностях, обычаях отдельных этнографических групп крымскотатарского этноса, отмечая в своем незаконченном наброске «Предания и легенды Большой Киргиз-кайсацкой орды» (отражающем творческий процесс работы Валиханова первых лет его научной деятельности и относящейся к началу 1855 года) бытование элементов рудиментов языка у крымских ногайцев [1, с. 276]. В своей работе «Заметки по истории южносибирских племен» он выявил наличие у крымских ногайцев рода кирей (гирей) [1, с. 299]. В другой своей работе «Киргизское родословие», о которой П.П. Семенов-Тянь-Шанский сообщал на заседании Императорского географического общества в 1857 году, рекомендуя избрание кандидатуры Ч. Валиханова в его действительные члены [2, с. 369], сообщает о существовании у крымских ногайцев племен найман, кипчак и конрад [2, с. 155]. Здесь же он очень конкретно выделяет причины, предшествовавшие основанию Крымского ханства [2, с. 151]. Валиханов пристально наблюдал и за современными для него процессами, протекавшими в то время в Крыму. Об этом свидетельствует его замечание в одной из поздних его работ «О мусульманстве в степи», написанной под диктовку больного Валиханова в конце 1863 или начале 1864 года [4, с. 401] о фактах организации сопротивления в крымскотатарской среде в Крыму российской колонизаторской власти в период Восточной (Крымской) войны 1853–1856 гг. [4, с. 72].

Весьма символичным является и тот факт, что именно под редакцией Николая Ивановича Веселовского, автора 66 научных работ на крымскую и крымскотатарскую тематику [3, с. 143–146], были впервые изданы «Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова» в Санкт-Петербурге в 1904 году [1, с. 67].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1. Алма-Ата, 1984. 432 с.
2. *Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Т. 2. Алма-Ата, 1985. 416 с.
3. *Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Т. 3. Алма-Ата, 1985. 461 с.
4. *Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Т. 4. Алма-Ата, 1985. 416 с.
5. *Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Т. 5. Алма-Ата, 1985. 528 с.
6. Крымъ. Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Измаил Мурза Муфтий-заде. Очерк военной службы крымских татар с 1783 по 1899 г. М., 2004. 288 с.
7. *Непомнящий А.А.* История и этнография народов Крыма: библиография и архивы. Симферополь, 2001. 816 с.

Сведения об авторе: Исмет Аблятифович Заатов – доктор философии в арткритицизме, кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, заместитель министра культуры Республики Крым (295005, пр. Кирова, 13, Симферополь, Крым); zaatov@gmail.com



**Crimean Tatar history and «Jami-at-Tawarikh» by
Zhalairi in the creative work of Chokan Valikhanov**

Ismet Zaatov

(Crimean Scientific Center,

Sh. Marjani Institute of history of AS RT)

Abstract. The first touches upon the history of the Crimean Tatar's place in the scientific researches of the outstanding Kazakh scientist, descendant of the chingizid Khan's dynasty Chokan Valikhanov, the members of his family, his ties with representatives of the Crimean Tatar nobility, the accession of chingizid Giray Khan dynasty in the Crimea.

Keywords: Chokan Valikhanov, Mufti-zade, the Crimean Khanate, Jalairi, Khan's yarliks (labels).

REFERENCES

1. Valikhanov Ch.Ch. *Sobranie sochineniy v pyati tomakh* [Collection of works in five volumes]. Vol. 1. Alma-Ata, 1984. 432 p.
2. Valikhanov Ch.Ch. *Sobranie sochineniy v pyati tomakh* [Collection of works in five volumes]. Vol. 2. Alma-Ata, 1985. 416 p.
3. Valikhanov Ch.Ch. *Sobranie sochineniy v pyati tomakh* [Collection of works in five volumes]. Vol. 3. Alma-Ata, 1985. 461 p.
4. Valikhanov Ch.Ch. *Sobranie sochineniy v pyati tomakh* [Collection of works in five volumes]. Vol. 4. Alma-Ata, 1985. 416 p.
5. Valikhanov Ch.Ch. *Sobranie sochineniy v pyati tomakh* [Collection of works in five volumes]. Vol. 5. Alma-Ata, 1985. 528 p.
6. Krym". Istoriko-kraevedcheskiy al'manakh. Issue 1. Izmail Murza Muftiy-zade. Ocherk voennoy sluzhby krymskikh tatar s 1783 po 1899 g. [The Crimea. Local History almanah. A sketch of military service of the Crimean Tatars from 1783 to 1899.] Moscow, 2004. 288 p.
7. Nepomnyashchiy A.A. *Istoriya i etnografiya narodov Kryma: bibliografiya i arkhivy* [History and ethnography of the people of the Crimea]. Simferopol, 2001. 816 p.

About the author: Ismet Ablyatifovich Zaatov – Doctor of Philosophy in Artcriticism, Cand. Sci. (Art history), Leading Researcher of the Crimean Scientific Center of Sh.Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Deputy Minister of Culture of the Republic of Crimea (295005, Kirov av., 13, Simferopol, Crimea); zaatov@gmail.com

УДК (093)

Легенды и сказания кумыков*

*Адиль Шемшединов*¹

Аннотация. Данная работа представляет собой публикацию статьи А. Шемшединова из журнала «Этнографическое обозрение» за 1905 г. В статье раскрываются кумыкско-крымско-татарские связи в 80-е гг. XVIII в. Помимо бытовых зарисовок, здесь показаны и такие события, как покорение Крыма, работорговля.

Ключевые слова: крымчаки, хаджи, покорение Крыма, работорговля.

В эпоху, предшествовавшую покорению Крыма, происходило следующее событие. В один прекрасный день к гавани Хаджибея – нынешней Одессы – причалил корабль с мусульманскими паломниками, возвращавшимися из Мекки и Медины.

Среди паломников был один хаджи, родом из селения Таргу, возле современного города Темир-хан-Шуры². При выходе на пристань и в страшной давке и сутолоке, начавшейся при разгрузке корабля, у этого хаджи были украдены все вещи и деньги. Оставшись совершенно без всяких средств, он кое-как добрался до ближайшего аула и явился в дом одного знатного крымчака³, которому рассказал о несчастье, постигшем его на пристани, и о крайне безвыходном положении, в котором он очутился.

Крымчак и его семья приняли в нем самое горячее участие и оказали радушное гостеприимство. Они уговорили хаджи гостить

* Кумыкский мир. Культура, история, современность. Режим доступа: <http://kumukia.ru/legendy-i-skazaniya-kumykov.html>

Опубликовано: Этнографическое обозрение. 1905. № 2–3. Ксерокопию страниц журнала предоставил Юсуп Идрисов. Распознавание текста и приведение к современной орфографии выполнил С.С. Адилов (1954–2014), администратор сайта «Кумыкский мир». Комментарии к тексту составлены доктором филологических наук, профессором Дагестанского государственного университета Г.-Р.А.-К. Гусейновым.

у них до прихода оказии туземцев с Кавказа, которая посещала Крым ежегодно для закупки войлока и всевозможных продуктов. Хаджи остался. Хозяин старался всячески развлечь его: устраивал для него вечеринки, пиры, показывал ему хутора свои, табуны лошадей. Однажды, когда крымчак отправился на хутор, хаджи остался дома; красивая жена крымчака стряпала обед. Сидя возле очага, она месила на столе тесто и скалкой развертывала его. Хаджи, пленившись формами её тела, слегка дотронулся рукой до её руки; она отстранила его, ударила скалкой по голове и слегка ранила. Хаджи, конечно, тут же раскаялся в своем поступке; сожалела и жена крымчака, что причинила гостю такое огорчение (личность гостя на Востоке священна), прекрасно понимая, что с его стороны это был лишь минутный необдуманный порыв страсти; она перевязала бережно рану хаджи, уверив его, что о случившемся ничего не скажет мужу. Когда хозяин вернулся домой и увидел своего гостя с перевязанной головой, он удивился и спросил его о случившемся. Хаджи ответил, что, входя в дом со двора, он поскользнулся на пороге и, падая, ударился головой о железную скобу двери. То же самое подтвердила и жена хозяина. Последний не поверил и, несмотря на неоднократные вопросы и угрозы, не мог выведать от жены правды. Через месяц пришла оказия с Кавказа. Пока туземцы делали закупки, крымчак старательно заготавливал для хаджи все необходимое на дорогу. Приказал своим домашним сшить для него несколько новых костюмов, прекрасную шелковую абу, барашковую шапку (папаху) с чалмой, подарил ему двух чудных лошадей, со всею сбруей, снабдил его подарками для семьи и дал ему на дорогу 500 рублей денег. Оказия была готова к отъезду. Крымчак поручил хаджи оказии, прося купцов доставить его здоровым и невредимым на родину. Таким образом, хаджи, сопровождаемый самыми лучшими пожеланиями, покинул дом гостеприимного крымчака, благословляя судьбу, приведшую его в дом этого доброго и благородного человека.

Прошло восемнадцать лет. Крым был покорен. Дальнейшие события происходят в эпоху, следовавшую за покорением Крыма. Это была тяжелая пора. Бедствия и ужасы войны, как это бывает везде и всюду, со всею силою обрушились на мирное, беззащитное население. Пожары, плен, продажа в рабство и полное обнищание народа – таковы были результаты этих тяжелых событий.

В ауле Суюнч (ныне гор. Грозном) армяне на базаре продавали целую партию крымчаков, мужчин, женщин и детей⁴. Различные торговые операции привели в Суюнч и нашего таргинского хаджи, ставшего к этому времени уже богатым купцом. Прохаживаясь по рынку, он остановился против одной партии крымчаков, пораженный чертами лица одного мужчины, – они были ему знакомы. Он безусловно видел этого человека, но где и когда, не мог припомнить. Вглядевшись пристально, он признал в нем того богатого крымчака, который когда-то так радушно принял его в своем доме в тяжелые минуты его жизни, и слезы ручьями полились из глаз хаджи при виде его теперь в таком положении. Крымчак не обращал на него внимания; одетый в какие-то лохмотья, он смиренно ожидал, пока кто-нибудь его купит. Без сомнения, жизнь раба в чьем-либо доме ему казалась более завидною, чем это тягостное странствование по рынкам различных местностей в лохмотьях, впроголодь и под кнутами этих бездушных армян.

Хаджи подошел к армянину и, не торгуясь, купил у него этого крымчака. Последний, довольный тем, что купил хаджи, значит, человек богобоязненный, добрый по наружности и, по видимому, богатый, с радостью последовал за ним. Тогда только хаджи спросил крымчака – не узнает, ли он его? Тот отвечал отрицательно. И когда хаджи назвал себя и объяснил ему, что он тот самый хаджи, которого он когда-то приютил, крымчак узнал его и, печально понутив голову, рассказал ему о несчастье, которое его постигло: он лишился семьи, детей, которые так же, как и он, были проданы в рабство, всего, всего имущества и достояния, – одним словом, всего того, свидетелем чего был когда-то сам хаджи, и благодарил Бога, что становится рабом не постороннего человека, а его, хаджи. Обиженный хаджи ответил ему, что он не забыл той услуги, какую тот оказал ему когда-то, и что не рабом его он будет, а лучшим другом. При этом он приказал своим людям одеть, накормить его и относиться к нему с таким же почетом и уважением, как к самому хаджи. Через два дня хаджи отправил крымчака в свой таргинский аул, наказав слугам передать его семье, что присланное лицо – его лучший друг и чтобы он был принят подобающим образом. Сам хаджи остался в селе для закупок. Из аула Суюнч хаджи направился по торговым делам в город Кизляр.

Здесь на ярмарке он вновь наткнулся на партию крымчаков, которых так же, как и в ауле Суюнч, продавали в рабство. Счастье, по-видимому, сопутствовало хаджи: в группе женщин он распознал жену крымчака и немедленно же купил ее. Когда он назвал ей себя, она горько заплакала и сообщила ему обо всем, что произошло с ними со времени их встречи, и о том ужасном горе, которое обрушилось на всю их семью. Хаджи успокоил ее и отправил, как перед тем её мужа, в свой аул, не сказав ей ничего о покупке её мужа. Наконец, через неделю приехал в свой аул и хаджи. Семье своей он не счел пока нужным говорить о том, кто именно были присланные люди. Недели две жили супруги-крымчаки, совершенно разъединенные, но под одним кровом, – он в мужской половине дома, а она в женской, не терпя ни в чем недостатка, окруженные любовью и ласкою всей семьи хаджи, но тем не менее оба они, убитые горем, страшно грустили, совершенно не предполагая, что в данную минуту живут под одним кровом.

Однажды в дружеской беседе семьи хаджи спросил жену крымчака, – нет ли у нее желания выйти замуж и что он бы мог найти ей прекрасного мужа. Та ответила, что очень благодарна ему за предложение устроить её судьбу и за оказанное ей гостеприимство, так как всего этого она совершенно не заслужила, как его рабыня, но что для нее еще до сих пор слишком ощутительна разлука с мужем и детьми. Но хаджи настаивал, и она принуждена была согласиться. С другой стороны, хаджи стал делать предложения крымчаку жениться. Последний привел те же мотивы, что и его жена, но тоже уступил настойчивым просьбам хаджи. После того как последовало взаимное согласие, в одну ночь, хаджи отправил крымчака в женскую половину дома, в комнату его жены. При входе его впотьмах та испугалась и спросила, кто он, такой?

Он объяснил ей, что явился, исполняя настойчивое желание хаджи, но что ему лично совершенно не до того, и стал рассказывать ей все, что случилось с ним.

По мере того как он рассказывал, она все более и более поражалась сходством событий в их судьбе и, со своей стороны, сама начала рассказывать о своей жизни. Этот мужчина по судьбе своей удивительно напоминал ей мужа, и она недоумевала. То же самое казалось и ему, – она поразительно напоминала ему его жену. Супруги, все время беседовавшие впотьмах, зажгли свечи.

Присмотревшись, узнали друг друга, бросились в объятия и горько залились слезами.

Стоявший тут же у дверей, хаджи вошел в комнату и стал рыдать вместе с ними.

Вся семья хаджи, узнавши о происшедшем, плакала слезами радости, сочувствуя обоим супругам и их неожиданному свиданию. Приглашенный кадий вновь обвенчал супругов. Счастливые супруги в течение месяца жили вместе.

Хаджи предложил крымчаку поселиться у него навсегда и объявил ему о своем бесповоротном решении отдать ему половину всего своего имущества. Крымчак благодарил его за оказанное ему благодеяние, но его предложения не принял и просил отпустить его с женой обратно на родину. Хаджи на это никак не мог согласиться, напротив, еще хотел дележ своего имущества оформить торжественным актом.

Для этого в один прекрасный день он пригласил в свой дом кадия, муллу, почетных стариков и знатнейших туземцев аула. Когда гости уселись и вся семья была в сборе, хаджи объявил кадию, что он решил половину всего своего достояния – денег, движимого и недвижимого имущества – принести в дар крымчаку и что он пригласил его и всех присутствующих для того, чтобы этот дележ торжественно оформить письменным актом.

Кадий ответил, что имущество его и на то его добрая воля и что по закону шариата никто таковому его желанию препятствовать не может. Тогда крымчак ответил, что он ни за что не согласится на такой дележ и на основании вот каких соображений: он, купленный раб, только потому, что оказал когда-то хаджи простой акт гостеприимства, обязательный для каждого мусульманина, теперь врывается в его семью и становится претендентом на половину его состояния; таким поступком он обделил бы всех законных наследников хаджи в лице его жены, пяти сыновей и четырех дочерей и что, помимо этого, вся аульская община, если бы он даже взял предлагаемое, сочла бы хаджи человеком нетактичным и неблагоразумным. Такой умный ответ поразил всех присутствующих, но хаджи настаивал на своем и, обращаясь в отдельности к каждому члену семьи – жене, сыновьям, дочерям, спрашивал их, имеют ли они что-нибудь против такого дележа. Все выразили полное согласие. Но крымчак стоял на своем и

окончательно объявил, что он возьмет только двести рублей, помимо самого необходимого для дороги, и при этом прибавил, что если он, располагая этими деньгами, не в состоянии будет собственным трудом устроить свою жизнь, то он не устроит ее в том случае, если бы располагал несколькими тысячами рублей.

Этот ответ привел окончательно в восторг присутствующих, и кадий первый стал восхвалять трезвый и благородный образ мыслей крымчака и посоветовал хаджи более не настаивать. Хаджи принужден был уступить и по случаю отъезда его добрых гостей устроил великолепное торжество. Через несколько дней все было готово к отъезду. Арбы ожидали супругов-крымчаков. Кадий читал напутственную молитву. Толпа благоговейно молилась. Наконец, кортеж двинулся в путь, сопровождаемый наилучшими пожеланиями.

Наш певец закончил свое повествование, говоря: «таковы были люди в доброе старое время, так умели они любить ближних, входить в их нужды и высоко ценить оказанные услуги». И обращаясь к нам, слушателям, задал вопрос: «кто же из героев сказания, по нашему мнению, выше и по образу мыслей и поступком – хаджи или крымчак?»

КОММЕНТАРИИ

1. Шемшединов (Шамсутдинов) Адиль Саримурзаевич (1870–19??), родился в с. Эндирей Кумыкского (Хасавюртовского) округа Терской области Российской империи – центра бывшего одноименного крупнейшего феодального владения Засулакской Кумыкии. Из потомственных дворян. Закончил Владикавказское реальное училище, а затем – Московское пехотное училище и Московский Лазаревский институт восточных языков. Штабс-капитан, титулярный советник, этнограф, педагог. После ухода в отставку в 1903 г. с военной службы публикует в 1905 и 1910 годах в «Этнографическом обозрении», основанном в 1889 г. при Московском университете, образцы кумыкского фольклора [7; 8]. В 1905–1908 гг. – смотритель Грозненской горской школы и инспектор народных училищ по Бакинской губернии, 1910–1912 гг. – сверхштатный чиновник для поручений Бакинской казенной палаты, 1917–1918 гг. – преподаватель русского языка в Темир-Хан-Шуриновском (ныне г. Буйнакск РД) реальном училище, председатель педагогического совета училища, руководитель секции средних школ Темир-Хан-

Шурина Совете рабочих, земельных и красноармейских депутатов, товарищ председателя Президиума Союз учителей Горцев Кавказа, в 1918–1919 гг. – директор-председатель педагогического совета Темир-Хан-Шуриной учительской семинарии, исполняющий обязанности заведующего учебной частью и директора Темир-Хан-Шуриной учительской семинарии, в 1920 г. – заведующий школьным отделом при Революционном Совете Обороне Дагестана. Опубликовал в первом кумыкском журнале «Танг Чолпан», издающемся до сих пор, перевод повести М.Ю. Лермонтова «Бэла», а также статьи «Мифы, легенды о древних героях», «Рассказ о Биярслане», «Восток и история». Дальнейшая судьба неизвестна [3, с. 34–41].

2. Точнее, Порт-Петровск (ныне г. Махачкала). Темир-Хан-Шура – административный центр Дагестанской области Российской империи, в пределах которой проживала другая основная часть кумыкского народа, входившая до этого в состав Шамхальства Тарковского и, в принципе, несколько менее тесно связанного с кумыкским населением Хасавюртовского округа Терской области. Последнее на протяжении порядка 300 лет до вхождения в состав Российской империи во второй половине XIX века являлось самостоятельным государственным образованием, представлявшим собой возглавляемое уллубием (старшим князем) федерацию Эндирейского, Аксаевского и Костековского бийликов (княжеств), которые управлялись десятью княжескими фамилиями – потомками Султан-Махмуда (Султан-Мута) – представителя одной из правящих ветвей Дагестанского Кумыкского государства, возглавлявшегося со второй половины XIII века верховными правителями-шамхалами – потомками Чингизидов, Менгу- и Тукатимуридами, которые управлялись десятью фамилиями. Засулакские кумыкские правители, начиная с эпохи Султан-Махмуда (Султан-Мута), поддерживали, в силу территориальной смежности, более тесные связи с Крымским ханством, народная память о которых, как о том свидетельствует данное предание, сохранялась и более чем через сто лет после его вхождения в состав России.

3. Хотя в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Эфрона крымчаки характеризуются как «отатарившиеся евреи», в узвальном словоупотреблении еще в 30-е годы XX века, например, в «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова термин «крымчак» использовался в значении «житель, туземец Крыма». В дальнейшем, еще в середине XX века, в академическом «Словаре современного русского языка» под ним понималась: «1. Немногочисленная этнографическая группа евреев, живущих в Крыму. 2. Вообще о живущих в Крыму» [5, с. 1755–1756]. Тем самым А.С. Шемшединов отразил узвальную практику своего вре-

мени, когда этим словом обозначались жители Крыма и в его понимании, прежде всего, татары-мусульмане.

4. Подобный факт вполне мог иметь место, так как в течение XVIII века статус «военнопленных» имели практически все, исключая отчасти христиан, подданные Турции (к их числу относились, надо полагать, и крымские татары), захваченные россиянами на территории противника (главным образом, при штурме крепостей) и интернированные в Россию, вне зависимости от своего пола, возраста и отношения к военной службе. Т.н. «партикулярные» пленные содержались российским офицерами, «фактически превращавшими таковых в своих крепостных», причем «на практике мало кто добровольно возвращал пленных по окончании войны» [4, с. 13, 14]. В уже упоминавшемся кумыкском селении Эндирей, до сих пор располагающемся сравнительно недалеко от г. Грозного, который до сих пор именуется кумыками, проживающими в своих селах в непосредственной близости от него, Сююнч-Къала, в XVII – начале XIX в. находился крупнейший на Северном Кавказе невольничий рынок [1, с. 101]. Торговлей пленниками занимались в Дагестане и некоторые армянские купцы, «для которых работоторговля превратилась в специальный промысел» [2, с. 21, 23–24]. Вместе с тем по принятым к этому времени российским законам «горские владельцы не должны были содержать холопов из народностей христианского вероисповедания», и, например, еще в начале 1762 г. крымскому татарину Су Оглу, приехавшему в г. Кизляр за своими пленными грузинами, бежавшими сюда, было отказано в их выдаче [6]. Тем самым подтверждаются отмеченные в предшествующем изложении достаточно интенсивные кумыкско-крымско-татарские связи, каковые могли иметь место и в рассматриваемое время, когда в 1781 и 1783 гг. нынешняя территория Чечни и Крымское ханство входят в состав Российского государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гаджиева С.Ш.* Кумыки. М.: Изд. АН СССР, 1961. 384 с.
2. *Иноземцева Е.И.* К вопросу о политике России по пресечению работоторговли на Северном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в. // Вопросы Северокавказской истории. Вып. 9. Армавир, 2004. С. 21–24.
3. *Муцалханов М.С.* А.С. Шемшединов: штрихи биографии // Вестник Кумыкского научно-культурного общества. Вып. 4. Махачкала, 2000. С. 34–41.
4. *Познахирев В.В.* Турецкие пленники в войнах России за 1677–1917 гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Курск, 2012. 24 с.

5. Словарь современного русского языка. М.: Изд. АН СССР, 1956. Т. 5.

6. Суздальцева И.А. Работорговля в Дагестане в XVIII – начале XIX века. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://alpan365.ru/vliyanie-rabotorgovli-na-formirovanie-gruzinskoj-i-armyanskoj-diaspor-dagestana/>

7. Шемшединов А. Легенды и сказания кумыков // Этнографическое обозрение, 1905. № 2–3. С. 148–164.

8. Шемшединов А. Легенды и сказания кумыков // Этнографическое обозрение, 1910. № 1–2. С. 137–155.



Legends and stories of Kumyks

Adil Shemshedinov

Abstract. This work is a publication of A. Shemshedinov's article from the «Ethnographic Review» journal, 1905. The relations between Kumyks and the Crimean Tatars in the 80-th of the XVIII century are revealed there. Apart from every day sketches, such events as the conquest of the Crimea and slave-trade are shown.

Keywords: Krimchaks, hadji, the conquest of the Crimea, slave-trade.

REFERENCES

1. Gadzhieva S.Sh. *Kumyki* [Kumyks]. Moscow, Izd. AN SSSR [Publishing House, Academy of Sciences of the Soviet Socialist Republic], 1961. 384 p.

2. Inozemtseva E.I. K voprosu o politike Rossii po presecheniyu rabotorgovli na Severnom Kavkaze v XVIII – pervoy polovine XIX v. [To the politics of Russia to the stopping of slave trade on the North Caucasus]. *Voprosy Severokavkazskoy istorii* [The questions of North Caucasus history]. Issue 9. Armavir, 2004, pp. 21–24.

3. Mutsalkhanov M.S. A.S. Shemshedinov: shtrikhi biografii [Features of biography]. *Vesti Kumykskogo nauchno-kul'turnogo obshchestva* [The news of the Kumyk scientific-cultural society]. Issue 4. Makhachkala, 2000, pp. 34–41.

4. Poznakhirev V.V. *Turetskie plenniki v voynakh Rossii za 1677–1917 gg.* [The Turkish prisoners in wars of Russian during 1677–1917] Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Kursk, 2012. 24 p.

5. Slovar' sovremennogo russkogo yazyka [The dictionary of modern Russian language]. Moscow, Izd. AN SSSR [Moscow, Publishing House of Academy of Sciences of Soviet Socialist Republic], 1956. Vol. 5.

6. Suzdal'tseva I.A. *Rabotorgovlya v Dagestane v XVIII – nachale XIX veka.* Available at: <http://alpan365.ru/vliyanie-rabotorgovli-na-formirovanie-gruzinskoj-i-armyanskoj-diaspor-dagestana/>

7. Shemshedinov A. Legendy i skazaniya kumykov [Legends and stories of Kumyks]. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographical review*, 1905, no. 2–3, pp.148–164.

8. Shemshedinov A. Legendy i skazaniya kumykov [Legends and stories of Kumyks]. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographical review*, 1910, no. 1–2, pp. 137–155.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ: РЕЦЕНЗИИ, ОТЗЫВЫ



Новые источники по истории Гражданской войны в Крыму

Рец. на: Гражданская война в России и мусульмане.

Сборник документов и материалов / Сост., предисл.
и примеч. С.М. Исхаков (М.: Центр стратегической
конъюнктуры, 2014. 816 с.)

Лилия Байбулатова

(Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ)

В 2014 г. вниманию исследователей Гражданской войны в России представлен новый сборник документов и материалов, раскрывающих события войны и отношение российских мусульман к борьбе, развернувшейся между красными и белыми. Сборник состоит из восьми разделов: 1 – Всероссийский мусульманский совет в свете протоколов (36 документов); 2 – Петроградские и московские мусульмане в революционное время (7 документов); 3 – Мусульмане Поволжья, Урала и Сибири при антибольшевистских правительствах (101 документ); 4 – Мусульмане Центральной Азии в первые годы советской власти (44 документа); 5 – Борьба за власть на Северном Кавказе и мусульмане (80 документов); 6 – Мусульмане Южного Кавказа в 1917–1920 гг. (24 документа); 7 – Борьба за Крым и мусульмане (52 документа); 8 – Представители мусульманских народов Европейской России, Сибири, Кавказа, Крыма и Центральной Азии в Европе (1918–1920 гг.) (24 документа). 368 документов, представленные в сборнике, собраны составителем из архивов, малоизвестных и редких газет, журналов и изда-

ний, большинство из которых не было введено в научный оборот, а некоторые публикуются впервые.

По словам составителя, проблемы падения Российской империи, революции, гражданской войны на постимперском пространстве изучались немало, однако существующая историография отличается рассуждениями об известных фактах, в то время как в этих темах еще немало нераскрытых и неизученных сюжетов, в том числе относительно взаимоотношений между мусульманами и правительствами, а также национальной политики [1, с. 3]. Делая обзор документальных изданий, посвященных участию мусульман в Гражданской войне, составитель отмечает выборочный характер советской историографии, которая хотела показать приверженность мусульманского населения к большевикам из-за их национальной политики, урезая при этом всю картину борьбы мусульманского населения за свои права. Но и в постсоветской историографии, по мнению составителя, проявилась однобокая тенденциозность, выраженная в негативной оценке большевиков и противопоставлении им белых как истинных патриотов [1, с. 5–6]. Тем не менее, появились и такие сборники документов, которые расширяют источниковую базу по истории гражданской войны и роли национального фактора. Однако их недостатком он называет искажения источников, допущение ошибок и неточностей, которые искажают смысл не только фразы, но и целого документа [1, с. 13].

В связи с этим целью данного сборника составитель поставил представить материалы и документы, позволяющие дать новую оценку государственно-исламским отношениям в период гражданской войны на территории России, провести переоценку и критический анализ ряда событий этого периода.

Как отмечалось выше, один из разделов сборника посвящен гражданской войне в Крыму и участию в них мусульман. Раздел предваряет обзорная статья С.М. Исхакова о положении Крыма в 1917–1920 гг. и роли крымских татар в этот период. На основе существующих работ и новых источников он делает вывод о крымскотатарском факторе как третьей силе, которая не была полностью в оппозиции к красным и белым, но в то же время не подчинялся им полностью. Этот факт составитель подтверждает

ролью крымских татар в создании Крымской народной республики 13 декабря 1917 г. [1, с. 636].

Документы раздела даны в хронологическом порядке, среди них есть как официальные, как, например, Конституция Крымской Народной Республики от 13 декабря 1917 г., протокол заседания Татарского парламента 16 мая 1918 г., Положение о выборах депутатов Крымскотатарского парламента (май 1918 г.), протоколы заседаний Всекрымского мусульманского съезда, Проект Временного положения о самоуправлении крымских татар в области духовно-религиозной, культурно-просветительской и по заведыванию вакуфами от 8 октября 1920 г.; также представлены различные обращения и письма официальных лиц: письмо премьер-министра Крымского краевого правительства С. Сулькевича председателю Совета министров Азербайджанской Демократической республики (ноябрь 1918 г.), письмо председателя Чрезвычайного бюро Крымскотатарского парламента С.-Д. Хаттарова председателю Совета министров и министру иностранных АДР (4 февраля 1919 г.), письмо председателя Совета директоров Крымской татарской национальной директории С. Мисхарлы Ф.Х. Хойскому (5 февраля 1919 г.), обращение Таврического губернатора Н.А. Татищева к татарскому населению Крыма от 15 августа 1919 г.; но наибольший объем представлен статьями из местной периодической прессы: «Миллет», «Ешил ада», «Крым мусульманлары садасы», «Таврический голос», «Южные ведомости», «Крым мусульманлары». Совокупность всех официальных документов и материалов периодической прессы дает возможность составить объективный взгляд на отношение крымских татар к событиям Гражданской войны, на их роль в процессе становления их самоуправления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданская война в России и мусульмане. Сборник документов и материалов / Сост., предисл. и примеч. С.М. Исхаков. М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2014. 816 с.

Сведения об авторе: Лилия Фаритовна Байбулатова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела средневековой истории Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420014, Кремль, подъезд, 5, Казань); bayli77@mail.ru

ХРОНИКА



**6–7 декабря 2014 г. Первая международная
научно-практическая конференция
«Актуальные проблемы изучения и сохранения
историко-культурного наследия Крыма»**

Крымская академическая историческая наука уходит корнями вглубь десятилетий. К сожалению, ее становление и развитие прошло без должного участия ученых крымских татар. Причиной тому служили репрессии советского времени и ненадлежащее внимание этому ключевому вектору уже после возвращения. Однако нельзя не заметить, что появлялись ученые (преимущественно в статусе самоходков), публиковались работы (и на профессиональном научном уровне, и граничащие с публицистикой). Помимо прочего, плодотворно работал и продолжает свои изыскания Научно-исследовательский институт крымскотатарского языка и литературы (разрабатывающий, в том числе, различные аспекты истории), была открыта кафедра истории при историко-филологическом факультете ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет».

Качественным рывком вперед в данном вопросе стало подписание в апреле 2014 г. договора о научном сотрудничестве и создании Крымского научного центра между учредителем Крымского исторического музея Гуливером Альтином и руководителем Института истории им. Ш. Марджани АН РТ Рафаэлем Хакимовым. Руководителем КНЦ стал кандидат исторических наук, доцент Эльдар Сейдаметов. Созданный Научный центр занимается изучением объектов истории и архитектуры, проводит историко-архивные и библиографические исследования в архивных, музейных и библиотечных собраниях. Также осуществляет подготовку и издание академических трудов, популярной литературы по истории Крыма.

В приоритете всегда должен быть результат! И, несмотря на сравнительно небольшие сроки деятельности, у КНЦ он уже есть.

Во-первых, увидели свет два номера научного журнала «Крымское историческое обозрение». Периодическое издание посвящено исследованию истории полуострова с древнейших времен до наших дней, историко-культурному наследию крымских татар и других народов Республики Крым. Во-вторых, на высоком уровне прошла I Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия Крыма», посвященная памяти Менгли Гирая I.

Так, 6–7 декабря 2014 года в Бахчисарае (Салачик), на территории, где располагается древнейшее высшее учебное заведение Европы «Зынджырлы медресе», была проведена конференция, собравшая широкую научную аудиторию не только из Крыма, но и учёных зарубежья.

Конференция была проведена под патронатом Министерства науки и образования Республики Крым, Министерства культуры Республики Крым, Академии наук Республики Татарстан, Института истории им. Ш. Марджани, Крымского научного центра, Научно-исследовательского центра крымскотатарского языка, литературы, истории и культуры, кафедры истории историко-филологического факультета ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет» и Крымского исторического музея.

Гости и участники конференции, посетили могилу Исмаила Гаспринского – просветителя, публициста, реформатора и великого учёного всего тюркского мира, издателя и редактора одной из первых мусульманских газет Крыма и России «Терджиман» («Переводчик»), где профессор Исмаил Керимов рассказал о некоторых фактах из биографии и творческой деятельности великого деятеля. Затем гости посетили мавзолей первых крымских ханов Гераев.

В холле Крымского исторического музея была развёрнута выставка трудов учёных-историков Института истории им. Ш. Марджани АН РТ. Коллекция научных работ была передана в дар Крымскому научному центру и Крымскому историческому музею.

С приветственным словом выступили Рафаэль Хакимов – директор Института истории им. Ш. Марджани АН РТ; Исмет Заатов – заместитель министра культуры Республики Крым; Гуливер Альтин – учредитель Крымского исторического музея; Андрей Мальгин – председатель Крымского отделения «Российского исторического общества», директор КРУ «Центральный музей Тавриды»; Эльдар

Сейдаметов – руководитель Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ.

В рамках международной научно-практической конференции прошла презентация Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ. Для учёных Крыма это значимое событие, поскольку теперь появилась надежда еще более активно заниматься научными изысканиями, писать учебники истории для учащихся средних школ, студентов, издавать монографии. Во время презентации КНЦ выступили директор Института истории АН РТ – Рафаэль Хакимов, заведующий отделом новой и новейшей истории Института истории АН РТ – Алексей Бушуев, заведующая отделом этнологии Института истории АН РТ – Гульнара Габдрахманова, заведующий Центром истории и теории национального образования им. Х. Фаезханова Института истории АН РТ – Марат Гибатдинов, заведующий Центром исследований истории Золотой Орды им. М.А. Усманова Института истории АН РТ – Ильнур Миргалеев, руководитель Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ – Эльдар Сейдаметов.

На состоявшемся пленарном заседании с докладами выступили профессор Эдуард Кульпин-Губайдуллин, председатель ОО «Возрождение культуры в новых реалиях» Шевкет Мустафаев, профессор Исмаил Керимов, декан исторического факультета КФУ им. В.И. Вернадского доцент Александр Герцен, профессор Андрей Непомнящий, доцент Рефик Куртсеитов.

Работа в секциях прошла при бурном обсуждении назревших вопросов и была весьма продуктивна. Результаты конференции будут опубликованы в «Крымском историческом обозрении».

*Информацию подготовили
Л.С. Сейтхалилова, Э.И. Сеитова
(Крымский научный центр Института
истории им. Ш. Марджани АН РТ)*



**31 января 2015 г. Лекция «Монетное дело
в Крымском ханстве»**

31 января 2015 г. в Крымском историческом музее (Бахчисарай, Крым) состоялась открытая лекция на тему «Монетное дело в Крымском ханстве», организованная Крымским историческим музеем и Крымским научным центром Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. Лектором выступил исследователь-нумизмат Александр Валентинович Якушечкин. В ходе выступления слушатели ознакомились с развитием монетного дела в Крымском ханстве. Автор в увлекательной форме дал характеристику наиболее известных экземпляров, среди которых монеты Хаджи-Гирая и Менгли-Гирая, расшифровал надписи на них, рассказал о вариантах прочтения. Александр Валентинович отметил, что монеты являются ценнейшим историческим источником, с их помощью исследователь имеет возможность восстановить хронологию событий, узнать о времени правления того или иного правителя, при этом огромное значение имеет титулатура правителей, по которой можно судить о политической ситуации в регионе.

*Информацию подготовил Ш.Э. Сейт-Маметов
(Крымский научный центр Института
истории им. Ш.Марджани АН РТ)*



**16 февраля 2015 г. Круглый стол «Историческое
крымоведение в образовании: школа, вуз, социум»
(Симферополь, Крым)**

16 февраля 2015 г. сотрудники Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ приняли участие в работе круглого стола «Историческое крымоведение в образовании: школа, вуз, социум», состоявшегося в Государственном Совете Республики Крым. Кроме того участниками стола были представители среднего образовательного звена – директора школ, методисты, учителя и представители высшей школы – заведующие кафедр, преподаватели и ученые, а также представители Министерства образования, науки

и молодёжи Крыма, общественных и религиозных организаций полуострова. Инициатором встречи стал Председатель парламентского Комитета по образованию, науке, молодёжной политике и спорту кандидат исторических наук Владимир Бобков. Основной целью мероприятия стала выработка совместных рекомендаций для значительного расширения учебных программ в части изучения истории Крыма и исторического крымоведения, причем на всех образовательных эшелонах, начиная даже с детского сада. В ходе дискуссии также отмечалось, что на сегодняшний день по данному курсу нет единого учебного плана, его преподавание зависит часто от желания или нежелания учителя, директора, декана внедрять крымоведение в учебную программу.

«Поскольку крымоведение входит только в вариативную часть образовательных программ, то профильный Комитет намерен обратиться с ходатайством в Министерство образования, науки и молодёжи Крыма с просьбой рассмотреть возможность перевода этого курса в их базовую часть, то есть сделать обязательным для изучения предметом», – отметил Владимир Бобков.

Кроме того, участники круглого стола пришли к выводу о необходимости создания единого центра исторического крымоведения на базе кафедры региональной истории и специальных дисциплин Крымского Федерального Университета им. В.И. Вернадского. Участники круглого стола войдут в состав постоянно действующей рабочей группы при профильном Комитете и будут привлечены к работе по подготовке законопроекта «О патриотическом и духовно-нравственном воспитании в Республике Крым» ко второму чтению.

Крымский научный центр Института истории им. Ш. Марджани АН РТ в работе круглого стола представила кандидат исторических наук Эльвина Сеитова. В ходе дискуссии ею был представлен Центр, были очерчены его задачи и базовые направления деятельности, и отдельно подчеркнута значимость Республики Татарстан в научной и образовательной жизни Крыма. В качестве конкретных предложений по развитию исторического крымоведения в образовании Э.И. Сеитова озвучила необходимость максимального углубления изучения истории Крыма в среднем звене. Тогда у преподавателей вузов будет определенная база и не нужно будет начинать курс с азов. Что касается непосредственно вузовских учебных программ, то имеет смысл их усилить, то есть должна быть не только история Крыма, но и целый блок различных крымоведческих дисциплин. В заключении Э.И. Сеи-

това выразила готовность Крымского научного центра участвовать во всех программах и проектах, которые будут способствовать расширению крымоведческой базы, как в школах, так и в университетах.

В работе круглого стола также принял участие заведующий кафедрой истории ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет», сотрудник КНЦ, кандидат исторических наук Эмиль Сейдалиев. Он охарактеризовал общее состояние изучения истории Крыма и, в частности, выразил мнение о необходимости значительного укрепления образовательных программ в области исторического крымоведения и расширения материально-технической базы университета.

Совершенно очевидно, что предстоит большая и очень важная работа, успешно выполнить которую можно лишь совместными усилиями.

*Информацию подготовила Э.И. Сеитова
(Крымский научный центр Института
истории им. Ш. Марджани АН РТ)*



28 февраля 2015 г. Итоговая конференция Крымского научного центра

28 февраля 2015 г. Крымский научный центр провел свои первые внутренние научные слушания.

Сфера научных интересов сотрудников КНЦ весьма широка, поэтому и конференция прошла в напряженной дискуссии, результатом чего стало определение новых направлений деятельности. В частности, профессор И.А. Керимов на блестящем крымскотатарском языке рассказал о раскопках керченских древностей в 1830-х годах и исследованиях Дюбуа де Монпере. Ведущий специалист по проблеме коренизации в Крыму к.и.н. Г.Н. Кондратюк сосредоточил внимание собравшихся на деятельности органов здравоохранения в контексте политики коренизации межвоенного периода. Один из ведущих археологов Крыма к.и.н. Э.И. Сейдалиев выступил с постановкой вопроса по проблеме городов и поселений Крыма во второй половине XIII – XIV вв. по археологическим свидетельствам. Заместитель министра культуры Республики Крым И.А. Заатов детально

остановился на проблеме роли татарских деятелей сценического искусства в становлении крымскотатарского национального театра. Представители филологического направления в КНЦ к.филол.н. Р.Р. Абдужемилев и Л.С. Сеитхалилова раскрыли соответственно вопросы вариативности лексических и грамматических единиц в ярлыках Крымского ханства и проблему целей и задач художественного перевода как одного из методов развития крымскотатарского языка. Молодой исследователь Ш.Э. Сейт-Маметов заинтересовал собравшихся докладом «Крымские документы Топкапы в работах французских исследователей». Прозвучали также результаты актуальных исследований Э.Э. Абибуллаевой «Символика надгробных камней: анализ материалов мусульманских кладбищ Бахчисарая (районов) и городов европейской части Турции» и С.А. Сеитмеметовой «Реконструкция книжного собрания Исмаила Гаспринского – неотъемлемое условие развития Мемориального музея просветителя». Стоит отметить, что в научном обороте пока очень мало работ, посвященных ученым из области точных наук. Имея в виду подобное обстоятельство важны разработки М.А. Усеинова. На конференции КНЦ с интересом был воспринят его доклад на тему «Хусейн Рифки Тамани – подвижник науки Османской империи начала XIX века». Послевоенная история Крыма, хотя и лишена страниц, посвященных крымским татарам, тем не менее, актуальна для осмысления. Так, в частности, исследовательница данного периода к.и.н. Э.И. Сеитова остановилась на проблеме обратничества в процессе реализации государственной переселенческой программы в 1944–1976 гг. Внештатный сотрудник КНЦ А. Якушечкин вызвал невероятный интерес докладом «Правление Хаджи Гирея. Источники и проблемы». Конференцию завершил непосредственно руководитель Крымского научного центра к.и.н. Э.Х. Сейдаметов, раскрыв проблему положения крымскотатарской диаспоры в коммунистической Добруджи.

*Информацию подготовила Э.И. Сеитова
(Крымский научный центр Института
истории им. Ш. Марджани АН РТ)*

Список сокращений

- АН – Академия наук
АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
БИКАМЗ – Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник
ВКП(б) – Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГАРК / ГААРК – Государственный архив (Автономной) Республики Крым
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ГИМ – Государственный исторический музей
ГИМ ОПИ – Государственный исторический музей, отдел письменных источников
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей
ИА НАН Украины – Институт археологии Национальной академии наук Украины
ИИМК РАН НА РО – Институт истории материальной культуры Российской академии наук, научный архив, реестр описей
ИР НБУВ – Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского
ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии
КИПУ – Крымский инженерно-педагогический университет
КНЦ – Крымский научный центр
КрымОХРИС – Крымский комитет по охране памятников искусства и старины
НИЦ – Научно-исследовательский центр
ПФАРАН – Петербургский филиал архива РАН
РГИА – Российский государственный исторический архив
РКП(б) – Российская Коммунистическая партия (большевиков)
РФ ИИАЭ ДНЦ РАН – Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН
ТУАК – Таврическая ученая архивная комиссия
УССР – Украинская Советская Социалистическая Республика
ФСБ – Федеральная служба безопасности
ЦГАЛИ – Центральный государственный архив литературы и искусства
ЦГАРД – Центральный государственный архив Республики Дагестан
ЦМАМ – Центральный муниципальный архив Москвы
ЦМТ – Центральный музей Тавриды

Правила для авторов

Предлагаемые статьи в научный журнал «Крымское историческое обозрение» должны быть оформлены технически грамотно в строгом соответствии со следующими требованиями.

Требования по оформлению статей

– Статья принимается в электронном варианте. Размер кегля 14. Шрифт – Times New Roman, стиль обычный, одинарный интервал, поля – 2 см.

– УДК статьи.

– Название статьи на русском и английском языках.

– Инициалы и фамилия автора (авторов) на русском языке и транслитерация на латинице (<http://www.translit.ru> с вариантом BGN).

– Аннотация и ключевые слова на русском языке.

– Аннотация (Originality/value) (объем 250–300 слов) и ключевые слова (6–8 слов) на английском языке.

Обратите внимание на то, что аннотация должна быть:

1. Информативной (не содержать общих слов);

2. Оригинальной (не быть калькой русскоязычной аннотации с дословным переводом);

3. Содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследования);

4. Написана качественным английским языком;

5. Аннотация составляется для компетентной аудитории, поэтому можно использовать техническую (специальную) терминологию Вашей дисциплины, не забывая, что **Вы пишете для международной аудитории.**

– Текст статьи (общий объем – не менее 5 страниц и не более 1,5 п.л.); представленный материал необходимо отредактировать стилистически и технически; не следует производить табуляцию и разделять абзацы пустой строкой.

– Библиографические ссылки в тексте оформляются в квадратных скобках, где указывается порядковый номер, соответствующий номеру источника в пристатейном списке литературы, и страницу(ы). В пристатейном списке литературы указывается полное количество страниц.

Например:

В тексте: [10, с.32]

В пристатейном списке литературы:

Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Восточная Литература, 2002. 752 с.

– Пристатейный список литературы – в алфавитном порядке (фамилия и инициалы автора, название работы, место и год издания, страницы) – на языке оригинала, сначала – источники на кириллице (на русском, болгарском, украинском и т.д.), затем – на латинице (на английском, турецком, французском и т.д.).

– Список литературы на английском языке (**References**) – **комбинация транслитерированной и англоязычной частей русскоязычных ссылок** (для транслитерации использовать <http://www.translit.ru> с вариантом BGN).

Например:

Описание монографии (книги):

Трепавлов В.В. *Istoriya Nogayskoy Ordy* [History of Nogay Horde]. Moscow, Vostochnaya Literatura, 2002. 752 p.

Описание статьи из продолжающегося издания (сборника трудов):

Gatin M.S. Bertol'd Shpuler o pitanii v Zolotoy Orde [Bertold Spuler about Nutrition in the Golden Horde]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya. Sbornik statey* [Golden Horde Civilization: Collected Articles], 2012, no. 5, pp. 8–12.

Описание материалов конференций:

Mirgaleev I.M. Tokhtamysh i Timur: restavratsiya antimamlyukskoy koalitsii [Tokhtamysh and Timur: The Restoration of anti-Mamluk Coalition]. *Zolotoordynskoe nasledie. Materialy vtoroy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Politicheskaya i sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Zolotoy Ordy»* [The Legacy of the Golden Horde. Proceedings of the Second International Conference «The Political and Socio-Economic History of the Golden Horde»]. Kazan, 2011, vol. 2, pp. 27–32.

Описание статьи из журналов:

Dode Z.V. К вопросу о boktag [Concerning the Question of Boktag]. *Rossiyskaya arheologiya – Russian Archaeology*, 2008, no. 4, pp. 52–63.

Описание статьи из электронного журнала:

Rady M. The Gesta Hungarorum of Anonymus, the Anonymous Notary of King Bela: A Translation. *Slavonic and East European Review*, 2009, no. 87 (4). Available at: <http://www.discovery.ucl.ac.uk/18975/1/18975.pdf>

Описание переводной книги:

Gerberstein S. *Rerum Moscoviticarum commentarii*. München, Osteuropa-Institut, 2007. 586 p. (Russ. ed.: Yanin V.L. *Zapiski o Moskovii*. Moscow, Moscow University Publ., 1988. 430 p.).

– Иллюстрации предоставлять отдельными файлами в формате TIF, JPG с разрешением 300 dpi;

– Подписи к иллюстрациям и таблицам приводятся после списка литературы

– В конце статьи необходимо дать сведения об авторе или авторах (в случае коллективной работы): Ф.И.О. (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, адрес организации, город, страна, занимаемая должность – на русском и английском языках.

Просим специалистов присылать свои статьи по электронному адресу: crimeanhr@gmail.com



Instructions to authors

The proposed articles to the scientific journal «Crimean Historical Review» must be prepared technically correctly, strictly in accordance with the following requirements.

Author Guidelines for Submission of Journal Manuscripts

- Articles are accepted in electronic form. Point size – 14, font – Times New Roman, regular style, line spacing, margins – 2 sm.
- UDC (Universal Decimal Classification) of the article.
- The initials and surname of the author (s) (on the right, bold font).
- Title of the article (centered in bold, no capital letters).
- Abstract in Russian.
- Keywords in Russian.
- The initials and surname of the author (s) – transliteration in Latin alphabet.
- Title of the article – in English.
- Abstract (Originality / value) (100–250 words) and keywords (6–8 words) in English. Please, note that the abstract should be:
 1. Informative (containing no generalities);
 2. Original (not to be the calque of Russian annotation with literal translation);
 3. Content-related (reflecting the main content of the article and the results of the study);
 4. Written in good English;
 5. Abstract is intended for a competent audience, so you can use the technical (specific) terminology of your discipline without forgetting that **you are writing for an international audience.**
- Keywords in English.
- Text of the article (in total – not less than 5 pages and no more than 1,5 printer's sheet); submitted material should be edited stylistically and technically, you should not include the tabulation or separate paragraphs by one empty line.
- References in the text should be enclosed in square brackets and indicated by a number corresponding to the sequence number mentioned in the list of references. After the reference number follows the number (or numbers) of the publication's page on which the author refers. In the list of references the total amount of publication's pages should be indicated.

For example: In the text: [10, p.32]

In the list of references:

10. Usmanov M.A. Charters of the Ulus of Jochi of the 14th–16th centuries. Kazan: Kazan University Press, 1979. 318 p.

– References should be arranged in alphabetical order (surname and initials of the author, the title, place and year of publication, pages) – in original language, first – the sources on Cyrillic (Russian, Bulgarian, Ukrainian, etc.), then – on Latin alphabet (English, Turkish, French, etc.).

– List of references in English (**References**) – **combination of the transliterated and English parts of the Russian titles** (for transliteration use <http://www.translit.ru> with option BGN).

For example:

Description of monographs (books):

Usmanov M.A. *Zhalovannye akty Dzhuchieva ulusa XIV–XVI vv.* [Charters of the Ulus of Jochi of the 14th–16th centuries]. Kazan, Kazan University Publ., 1979. 318 p.

Description of article from continuing publication (the collection of works):

Gatin M.S. Bertol'd Shpuler o pitanii v Zolotoy Orde [Bertold Spuler about Nutrition in the Golden Horde]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya. Sbornik statey* [Golden Horde Civilization: Collected Papers], 2012, no. 5, pp. 8–12.

The description of conference papers:

Mirgaleev I.M. Tokhtamysh i Timur: restavratsiya antimamlyukskoy koalitsii [Tokhtamysh and Timur: The Restoration of anti-Mamluk Coalition]. *Zolotoordynskoe nasledie. Materialy vtoroy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Politicheskaya i sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Zolotoy Ordya»* [The Legacy of the Golden Horde. Proceedings of the Second International Conference «The Political and Socio-Economic History of the Golden Horde»]. Kazan, 2011, vol. 2, pp. 27–32.

Description of the printed journal articles:

Dode Z.V. K voprosu o boktag [Concerning the Question of Boktag]. *Rossiyskaya arkheologiya – Russian Archaeology*, 2008, no. 4, pp. 52–63.

Description of the electronic journal article:

Rady M. The Gesta Hungarorum of Anonymus, the Anonymous Notary of King Bela: A Translation. *Slavonic and East European Review*, 2009, no. 87 (4). Available at: <http://www.discovery.ucl.ac.uk/18975/1/18975.pdf>

Description of translated books:

Gerberstein S. *Rerum Moscoviticarum commentarii*. München, Osteuropa-Institut, 2007. 586 p. (Russ. ed.: Yanin V.L. *Zapiski o Moskovii*. Moscow, Moscow University Publ., 1988. 430 p.).

– List of abbreviations should be provided with the definition of abbreviations;

– Illustrations should be presented as separate files in the format TIF, JPG with high resolution of 200–300 dpi;

– Captions to the illustrations and the tables should be given after the list of references;

– At the end of the article should be given information on the author or authors (in the case of a collective work), full name, degree, title, place of employment, address of organization, city, country, position – in Russian.

– Information about the author(s) – in English.

Please, send your articles to e-mail: crimeanhr@gmail.com

КРЫМСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ
CRIMEAN HISTORICAL REVIEW
№ 1. 2015

Оригинал-макет подготовлен в Институте истории АН РТ
420014, г. Казань, Кремль, подъезд 5
Подписано в печать 23.03.2015 г. Формат 70×100 ¹/₁₆
Усл. печ. л. 17,0 Тираж 500 экз.

Отпечатано в множительном центре Института истории АН РТ
420014 г. Казань, Кремль, подъезд 5
Тел. (843) 292–95–68, 292–18-09



Сайт
Института истории
Академии наук РТ

www.tataroved.ru